

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 9 2023 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 11.09.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

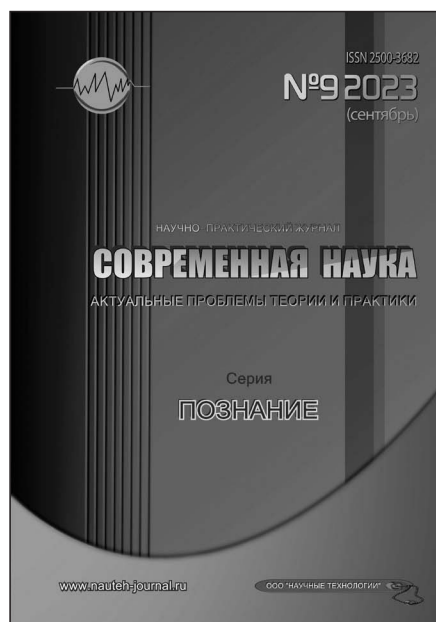
Серия: Познание №9 (сентябрь) 2023 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Былевский П.Г.** – Культурологическая критика высокотехнологичного «улучшения человека» (human enhancement)
Bylevskiy P. – Culturological criticism of high-tech "human improvement" 5
- Молина Л.В.** – Концертно-исполнительская деятельность по формированию музыкальной культуры подрастающего поколения как социокультурный проект (на примере творческого объединения «Лига музыки»)
Molina L. – Concert and performing activities for the formation of musical culture of the younger generation as a socio-cultural project (on the example of the creative association "League of Music") 13
- Орлов С.Н.** – Культурологический потенциал новых информационно-аналитических инструментов в цифровой среде: постановка проблемы
Orlov S. – Cultural potential of new information and analytical tools in the digital environment: problem statement 19

Психология

- Бузыкина Ю.С., Тхак А.Д.** – Связь личностной идентичности с показателями эмоционально-волевой сферы у молодёжи с разными музыкальными предпочтениями
Buzykina Yu., Thak A. – The relationship of personal identity with indicators of the emotional-volitional sphere among young people with different musical preferences 24
- Комаров В.В.** – Подход к анализу динамики развития потенциальных свойств человека и общности
Komarov V. – An approach to analyzing the dynamics of the development of potential human properties and community 28

- Косолапова А.В.** – Кросс-культурные аспекты психологической сепарации от родителей
Kosolapova A. – Cross-cultural aspects of psychological separation from parents 35
- Кузьмичева А.А.** – Психологические особенности труда сотрудников социальной сферы
Kuzmicheva A. – Psychological characteristics of the work of social workers 39
- Левчук И.А.** – К вопросу о социальном интеллекте и тревожности людей, которые находятся в поиске отношений
Levchuk I. – To the question of social intelligence and anxiety of people who are in search of relationships 44
- Маслова Л.А.** – Применение программы коррекции эмоционального неблагополучия у подростков с умственной отсталостью легкой степени в условиях специальной школы
Maslova L. – Application of the program of correction of emotional disadvantage in adolescents with mental retardation of mild degree in the conditions of a special school 49
- Медяник О.В.** – Изучение кодов манипулятивного воздействия на пользователей в условиях кибермошенничества
Medyanik O. – Studying the main cognitive biases of financial behavior of users in the context of cyber fraud 56
- Мосунова К.А.** – Лола Хоффманн: пионер юнгианства в Чили
Mosunova K. – Lola Hoffmann: pioneering jungianism in Chile 62
- Рубанова Е.Ю.** – Роль культуры в развитии отношения личности к своей внешности
Rubanova E. – The role of culture in the development of a person's attitude to his appearance 65
- Щербакова Н.Е., Сигаева А.С.** – Исследование мотивации профессионального выбора старшеклассников
Shcherbakova N., Sigaeva A. – A study on the motivation of high school students to choose a career 69

Философия

- Засыпкин С.Н.** – Полемика У.В.О. Куайна и Н. Хомского по проблеме языка как традиционный спор между эмпириком и рационалистом
Zasyrkin S. – Debates between W.V.O. quine and N. Chomsky on the problem of language as a traditional dispute between an empiricist and a rationalist 76
- Лукьянов А.В., Бикметов Е.Ю., Храмова К.В.** – Методология исследования оснований социального самосознания
Lukyanov A., Bikmetov E., Khramova K. – Methodology for the study of the foundations of social consciousness 85
- Муфтахова А.Н.** – Биографии как источник нарративов жилищных потребностей
Muftakhova A. – Biographies as a source of housing needs narratives 89
- Рахимова М.В.** – О желании театрального человека «быть другим» (на примере анализа работы Н. Евреинова «демон театральности»)
Rakhimova M. – About the desire of a theatrical human being to «be the other» (on the example of the analysis of N. Evreinov's work «the demon of theatricality») 94
- Сирин С.А.** – Психологическая теория права и её роль в учении о нигилизме
Sirin S. – Psychological theory of law and its role in the doctrine of nihilism 100
- Сирин С.А.** – Общество потребления и правовой нигилизм: социально-философский анализ
Sirin S. – Consumer society and legal nihilism: social and philosophical analysis. 105
- Скопа В.А., Ан С.А.** – Ключевые идеи эпохи русского Просвещения XVIII века: историко-философский аспект
Skopa V., An S. – Key ideas of the "scientific team" of the Russian Enlightenment of the XVIII century: historical and philosophical aspect 109
- Судакова Т.Г., Казиев Э.В.** – Учение Аристотеля о категориях в истории античной философии
Sudakova T., Kaziev E. – Aristotle's doctrine on categories in the history of ancient philosophy. ... 114

Информация

- Наши авторы. Our Authors. 120
- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 121

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО «УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА» (HUMAN ENHANCEMENT)¹

Былевский Павел Геннадиевич

Кандидат философских наук, доцент, Московский
государственный лингвистический университет
pr-911@yandex.ru

CULTUROLOGICAL CRITICISM OF HIGH-TECH "HUMAN IMPROVEMENT"²

P. Bylevskiy

Summary: The novelty of the article is in the culturological critical evaluation of the results of a number of high-tech technologies in the development of human abilities. The subject of the study is their low efficiency, which does not meet the declarations of developers, an increase in the risks of human degradation. The exaggeration of the possibilities of cyborgization and "digital personalities", genetic engineering and pharmaceuticals assigns a person the role not of a cultural and historical subject, but of a "biological" passive object of influence. The theoretical conclusion is the prospects of a constructive alternative: in the development of human abilities, the leading role should be given to updated "traditional", culturally-oriented means of self-development with the instrumental use of the latest high-tech developments.

Keywords: human enhancement, NBIC[S]-convergence, cyborgization, transhumanism, cultural identity, traditional values, personal self-development.

Аннотация: Новизна статьи в культурологической критической оценке роли ряда наукоёмких технологий в развитии человеческих способностей. Предмет исследования — их низкая эффективность, не отвечающая декларациям разработчиков, увеличение рисков деградации человека. Преувеличение возможностей киборгизации и «цифровых личностей», генной инженерии и фармацевтики отводит человеку роль не культурно-исторического субъекта, но «биологического» пассивного объекта воздействий. Теоретический вывод — перспективность конструктивной альтернативы: в развитии человеческих способностей ведущая роль должна отводиться обновлённым «традиционным», культурно-ориентированным средствам саморазвития при инструментальном использовании новейших высокотехнологических разработок.

Ключевые слова: улучшение человека (human enhancement), NBIC[S]-конвергенция, киборгизация, трансгуманизм, культурная идентичность, традиционные ценности, саморазвитие личности.

Введение

Развитие человека, расширение его возможностей и способностей — одна из ключевых проблем, стоящих и перед человечеством, и перед каждой личностью. В зависимости от исторической эпохи, в разных обществах важнейшими вопросами были цели развития человека (идеал, норма), а также определение эффективных средств совершенствования отдельных людей, «среднего человека» и человечества в целом. Формулировка этой задачи как «улучшения» человека (human enhancement) связано с современным преобладанием в глобальной науке гипертрофированно «технологического» («культурно-стерильного») подхода к человеку.

Научное переосмысление проблематики развития человеческих способностей и возможностей актуализировано обострением в 2022 году кризиса международных отношений, межкультурных коммуникаций.

Системный глобальный кризис всё более снижает роль высоких, наукоёмких технологий в развитии человеческих способностей, увеличивает риски деструктивных воздействий, деградации человека. Предметом исследования является сравнительная результативность высокотехнологических и культурно-ориентированных средств совершенствования человека, соотношение декларируемой и действительной эффективности.

Культурологический подход применяется для критической оценки результатов «высокотехнологического» «улучшения человека», формулировки продуктивной альтернативы. Абсолютизация технических инструментов не позволяет активировать человеческий культурный потенциал и сопряжена с рисками утраты идентичности, утраты традиционных ценностей. Напротив, критический культурологический подход позволяет корректировать критерии, ставить цели и определять средства совершенствования человека посредством

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ по теме НИР «Культурная идентичность в современном мире: аналитические модели, способы конструирования и формы презентации» (номер государственного учёта AAAA-A19-119072590048-4).

² The article was prepared as part of the implementation of the state task of the Moscow State Linguistic University on the topic of research «Cultural identity in the modern world: analytical models, methods of construction and forms of presentation» (state registration number AAAA19-119072590048-4).

развития его субъектности, обогащения культурной идентичности.

«Человек-машина» трансгуманизма: отрицание культурного саморазвития

Непосредственно данным феноменологическим полем (совокупностью наличных явлений) для культурологического анализа выступают современные исследования и разработки в области «улучшения человека» (human enhancement). Преобладающая в глобальной науке тенденция усовершенствования человека, увеличения «человеческого потенциала» сконцентрирована главным образом на «технологическом» подходе. В его основе лежат представление о человеке как главным образом биологическом существе, для характеристик и возможностей которого социально-исторические, культурные факторы играют второстепенную роль [9].

В рамках такого подхода учёные, исследователи и разработчики надеются на быстрый успех технологического «усовершенствования человека» по аналогии с впечатляющими успехами за последние десятилетия наукоёмких технологий, в первую очередь компьютерно-телекоммуникационных. Квинтэссенцией выступает идея NBIC[S]-конвергенции (т.е. нано-био-информационно-когнитивно [социальной]) как гипотетического ядра «шестого технологического уклада». Взаимопроникновение и слияние нано-, био-, информационных (компьютерных), когнитивных и социальных технологий предположительно ведёт к небывало стремительному прогрессу науки, техники, радикальным изменениям общества и самого человека.

Преобладающий в глобальной науке подход к «улучшению человека» при помощи высоких, наукоёмких технологий концентрированно выражен в концепции «трансгуманизма». Характерной особенностью является признание человека не субъектом, а объектом высокотехнологичных воздействий, преимущественно биологическим. «Биология» человека трактуется преимущественно в механистическом ключе, что ограничивает выбор «характеристик» для «улучшения», его задаваемых «параметров» и используемых для этого средств [2].

Системно-культурологический анализ показывает: технологический подход к «улучшению человека», преобладающий в глобальной науке, подразумевает две «ступени» — «терапию» и собственно «расширение возможностей». «Терапии» включают высокотехнологичную медицину, лечение болезней и патологий, приведение состояния здоровья в соответствии со «средней нормой». «Расширение возможностей» выглядит экстраполяцией высокотехнологичных терапий на здоровых людей как «предиктивной» (прогностической) медицины для «стратегической профилактики» заболеваний.

Техническими средствами «улучшения человека» в рамках подобного подхода объявляются биотехнологии, главным образом фармакологические, генная инженерия и компьютерно-телекоммуникационные, робототехнические решения с возможным применением нанотехнологий. Просматривается тенденция «медицинизация» проблематики «улучшения человека» в глобальной науке, центральной задачей выступает лечение и профилактика болезней. Специализированная, всё более детализированная классификация множатся заболеваний создаёт разрастающийся перечень узких критериев и параметров нормы, которые должны достигаться высокотехнологичными терапевтическими средствами.

Глобальный гипертрофированно «технологический» подход к «улучшению человека» заключается в воздействии на него как на пассивный объект, преимущественно терапиями, и непосредственно сосредоточен на защите от болезней. Формальные показатели достижения диагностической «нормы», отсутствия признаков зарегистрированных заболеваний чаще всего не учитывают негативные гуманитарные «побочные эффекты» в виде снижения субъектности, социальной самостоятельности, размывания культурной идентичности. Подобные социально-культурные риски либо не вообще не просчитываются, либо считаются приемлемыми ради «улучшений» технологическими средствами [5].

Расширение и увеличение возможностей человека, его здоровья, благополучия, трудоспособности и творческих способностей оказываются задачами производными, второстепенными или вообще «выносятся за скобки». Фактически игнорируются направления, градации и возможности «улучшения человека», исходящие из культурологического, социально-исторического и творческого, деятельностного подхода к природе человека. Не рассматривается созидательный потенциал культуры, педагогики и воспитания, развития индивидуальных творческих способностей и субъектности, в том числе для общего укрепления здоровья, излечения и профилактики хронических заболеваний и неотложных состояний.

Преобладающий в глобальной науке «технологический», точнее даже «высокотехнологичный» подход к усовершенствованию человека не единственно возможный ни в наши дни, ни исторически. Различным научным мировоззрениям свойственны далеко расходящиеся, до противоборства, взгляды на «природу человека», причины, движущие силы и перспективы её эволюции. Вопросы происхождения биологического вида Homo Sapiens и культурного антропогенеза неизбежно соотносятся с возможностями личностного совершенствования, перспективами «улучшения» себя, «среднего человека» и человечества в целом.

Эволюционистский культурологический анализ показывает предысторию и становление «техноцентричного» подхода к человеку NBIC[S]-конвергенции, заострённого и доведённого до предела трансгуманизмом: тем самым исторически продолжается методологическая традиция философии позитивизма XIX века. Который, в свою очередь, был создан в русле философской тенденции Нового времени, идущей от Р. Декарта и И. Ньютона, которую условно можно обозначить как «механистический идеализм». В рамках этого мировоззрения мир является механизмом, созданным, «заведённым» и приведённым в движение «первотолчком» сверхъестественной силы. Законам механики и математики придаётся универсальное значение, сравнимое с божественной волей, доступной для постижения человеком [11]. Соответственно определены «устройство» человека и его место в таком мире. «Человек-механизм», «человек-машина» — не субъект, но объект, не создатель, но результат творения. «Ухудшения» человека являются результатом «неблагоприятной среды», «неправильной эксплуатации», «износа», «накопления поломок». «Улучшения» человека возможны путём ремонта, замены частей, применения новых материалов и внесения изменений в «конструкцию».

Изучение «устройства» человека, изобретение и применение технических средств его усовершенствования доступны специалистам по техническим наукам и технологиям, уподобляющимся жрецам «технологического божества». «Пациенту» отводится роль объекта для «ремонтирующих» или «улучшающих» воздействий, осуществляемых специалистами; права его субъектности предполагают разве что неукоснительное выполнение их предписаний и рекомендаций. Именно такой механистический подход к человеку как неодушевлённому предмету, объекту неорганической природы, механизму, машине просматривается и современных технологических подходах к «человеческому улучшению» [12].

Методологический «механистический идеализм» технологического подхода к «человеческому улучшению» практически поддерживается мейнстримом медицинских терапий как минимум последних десятилетий [7]. Главные причины самых распространённых заболеваний взрослых людей медицинская наука видит не в их собственных действиях, а в негативных внешних факторах.

Проекция на «культурную антропологию» этого подхода демонстрирует редукцию происхождения и формирования качеств человека, а значит, и возможностей их «улучшения», не к его собственным усилиям, не к сотворению и «улучшению» себя, но преимущественно к внешним воздействиям. Эта модель предполагает определённые типы не только самого «улучшающего воздействия», но также его субъекта и объекта. Для «ремонта»,

«починки поломок» человек-пациент является пассивным объектом «улучшающего воздействия»; при этом он уподобляется неживому предмету, механизму, машине. Признание его биологической природы здесь механистично, исключает специфику живого организма, его возможности собственного, а не инерционного, не «рефлексивного» действия, в том числе самовосстановления.

Субъект «улучшающего воздействия» высокотехнологичной медицины носит комплексный характер, включая учёных, исследователей и разработчиков средств, непосредственным оператором которых выступает врач. Так проявляется «техноцентричность» мейнстрима современной медицины в целом и наукоёмких медицинских технологий. Подобная субъект-объектная схема терапий исключает ведущую роль субъектности человека-пациента, его собственных психических и физических усилий.

Трансгуманизм не привносит в «культурную антропологию» механистического идеализма принципиально нового, лишь экстраполируя до предела мейнстрим современной глобальной медицины [8]. Трансгуманизм представляет собой продолженную и доведённую до логического итога «медиализацию» подхода к «исправлению» и «улучшению» природы человека. Недооценка, механистическая редукция не только социально-исторической, культурной, но даже «биологической природы» человека приводит к поиску средств её «улучшения» посредством не собственных творческих усилий, но внешнего инструментального воздействия.

Высокотехнологичные инструменты мейнстрима глобальной медицины, радикально экстраполируемого трансгуманизмом, подменяют развитие собственных качеств человека. Наиболее емким понятием, способным кратко выразить общее в различных направлениях высокотехнологичных средств «улучшения человека», является протезирование. Протезированием называют замену частей утраченных или повреждённых человеческого тела искусственными заменителями (чаще всего конечностей или их фрагментов, некоторых органов и тканей).

Высокотехнологичные, роботизированные и автоматизированные протезы подобны уже не ручному инструменту, но машине, и предполагают похожую смысловую дилемму. Цели и результаты протезирования столь же двойственны, как и применение машин, автоматизированных средств производства. И протезы, и промышленные машины повышают человеческие способности, одни к самостоятельным действиям, другие производительность труда.

Но применение машин может как помогать работнику, облегчая труд, так и замещать его, приводя к без-

работице. Так же и протезирование может быть как средством восстановления и усиления функциональности человеческого организма, так и приводить к его угасанию, утяжелению инвалидности. Такие риски сопутствуют многим видам современного медицинского протезирования и, в ещё большей степени, — технологиям «улучшения человека» трансгуманизма [1]. Водораздел в том, чтобы развитие новых высокотехнологичных средств приводило к усилению собственных качеств, способностей и возможностей человеческого организма, а не подменяло их, провоцируя угасание.

Целью терапевтического высокотехнологичного протезирования как прообраза для технологических «улучшений человека» трансгуманизма является частичное восстановление утраченных функций организма, а «улучшающего» — их усиление свыше среднестатистической «нормы». Технологические модификации человеческого тела, его частей, присоединение несъёмных и имплантация искусственных устройств традиционно относятся к медицинскому протезированию. Следует отметить принципиально важное различие: протезирование может быть косметическим, паллиативным (помогать возвращать утраченные функции, части тела, качество жизни, но не полностью), но также способно служить инструментом полноценного восстановления (реабилитации) и даже более высокого развития человека.

Подмена самосовершенствования личности высокотехнологичным протезированием

Основными направлениями исследований и работ современной глобальной медицины и, соответственно, «улучшений» трансгуманизма, служат следующие виды протезирования, пересекающиеся и взаимодополняющие:

- механическое (электромеханическое, автоматизированное);
- биотехнологическое (трансплантации и генная инженерия);
- химическое (фармацевтика);
- «цифровое» (компьютерные и «нейротехнологии»).

Механическое протезирование (включая электро-механическое, робототехническое и с использованием компьютерно-сетевых технологий) касается костей и суставов опорно-двигательной системы, а также зубов, с возможным дополнением посредством механической имитацией фрагментов мышц, а также сосудов (стентирование, шунтирование). Это исторически наиболее древний вид протезирования, включающий косметические цели (глаз, части лица и др.). Совершенствование механического терапевтического протезирования идёт по линии конструктивных решений, новых материалов, технологий аппаратной и программной роботизации.

Радикальный трансгуманизм экстраполирует эту тенденцию на качественное «улучшение» человека (в отношении нынешней «средней нормы») способностей посредством «киборгизации» — несъёмного высокотехнологического протезирования здоровых людей вплоть до «срачивания» с машиной. Смартфон в руках или съёмный прибор ночного видения — это одно, а вшитый под кожу компьютерный чип или имплантированный оптический «сенсор» уже рассматриваются как элемент «киборгизации».

Съёмные и несъёмные механические протезы типологически принадлежат к внешним для человеческого тела средствам, «орудиям». Протез, по сути, тот же костыль, только усовершенствованный и даже имплантированный в человеческое тело (искусственные суставы, кардиостимуляторы и т.п.). Можно представить в качестве протезов, постоянно присоединённых, «сращённых» с человеческим телом такие инструментальные орудия улучшения способностей передвижения как ходули, силы (рычаг), зрения (увеличительные стёкла), слуховые трубки и т.д.

Механическое протезирование показывает важность «культурного измерения» протезирования как терапевтического улучшения. «Инструментальный» характер механических протезов ставит эффективность их использования в зависимости не столько от конструкции, использованных материалов и качества изготовления, сколько от обретения человеком сложных «пользовательских» навыков. Сложность и возможности протезов не заменяют навыков человека, напротив, требуют овладения ими.

Для человека протезирование предстаёт «вызовом», от «принятия» и «ответа» на который зависит, в какой степени удастся восстановить утраченные функции и вернуть прежнее «качество жизни». Результат зависит от акцента на восстановление утраченных функций с помощью активизации оставшихся возможностей — или же общее приспособление к пониженной функциональности. Образно говоря, от того, исправить хромоту одной ноги или начать хромать на обе.

Во многих «пограничных» случаях простой костыль способен служить временным вспомогательным средством восстановления способности ходить после травмы, операции, но также способен и приводить к закреплению утраты функциональности. Развивая навыки использования протеза, человек может не только полноценно восстановить, но даже усилить и преумножить свои возможности, обогатиться новыми, прежде недоступными навыками и умениями. Этот принцип наиболее наглядно проявляется на примере спортсменов-паралимпийцев, но верен и для бытовых случаев.

Напротив, протезирование, в том числе высокотехнологичное, может сопровождаться смирением личности с «неизбежностью» утраты части функций, прогрессирующим снижением собственной субъектности. Определяющими факторами является не только отношение протезируемого, но и особенности функционального конструирования протезов: для чего и какими они создаются. Протез, с одной стороны, может заменять самостоятельные усилия человеческих органов и тем вести к их деградации. У улучшаемых удобств есть обратная сторона для человека: риски избыточного комфорта [13].

С другой стороны, протез может выполнять противоположную роль «тренажёра», обеспечивая развитие, увеличение и усиление человеческих способностей. Для этого необходимо задействовать культурный фактор — субъектность пациента, его желание вернуть и приумножить утраченные возможности, достаточно сильное и длительное для долговременного обучения владения протезом даже более совершенного, чем раньше утраченным органом [16].

Биотехнологическое протезирование включает трансплантацию (пересадку) фрагментов и целых некоторых «живых» органов и тканей (собственных и донорских). Давно широко практикуют переливания крови, пересадку участков кожи и даже кишечной микробиоты, неоднозначны результаты терапий с донорскими стволовыми клетками, проводят успешные трансплантации сердца, печени, почек, достигнуты успехи в пересадке конечностей, частично и полностью.

Ведутся исследования в области «выращивания» «живых запчастей» для человеческого организма — искусственных аналогов тканей, отдельных органов и даже целых тел. Перспективными направлениями таких исследований считаются генная инженерия, попытки управлять характеристиками живых объектов, включая человеческий организм, воздействуя на молекулы ДНК — не белок, а органическую кислоту. Методологически технологии «редактирования» генома также относятся к протезированию, осуществляемому на молекулярном уровне [14].

Разработчики считают и уверяют других, что смогут искусственно вырастить «в пробирке» «гомункула» — копию человека, или хотя бы его тканей и органов, которые можно использовать для донорства без рисков отторжения трансплантата. Тем самым предполагается создание целостного «организма-протеза» для операции «пересадки личности». Законодательные запреты на клонирование человека «из этических соображений» утверждают «от обратного» сомнительную возможность создания подобного «гомункулуса».

Назвать человеком организм, выращенный из кло-

нированной клетки, конечно, можно: здесь перед нами «биологический аналог» теста Тьюринга на «человекоподобие» машины. Признание человеком «гомункулуса», равно как и «мыслящей» машины, является лишь имитационной условностью, констатацией успеха подделки-имитации, которую эксперты по какой-либо причине не отличают от подлинника [15]. На практике же для полноценного «биологического» формирования человеческого организма необходимы как созревание эмбриона в утробе матери, так и деятельное взросление в социальной среде.

Возможность вырастить «в пробирке» сколько-нибудь пригодные для действий двигательные органы более чем сомнительна. Умение даже элементарно владеть пересаженными от донора конечностями требует многолетнего обучения, а не только подавление иммунного отторжения. Крайне важны как человеческое «происхождение» трансплантата, выращивание как части живущего организма, так и роль субъектности нового хозяина — его долговременных сознательных усилий в «присвоении» пересаженного органа, «освоении» после пересадки. Однако для трансгуманизма не существенна решающая роль культурного фактора в полноценном формировании важнейших биологических характеристик — социально-исторического контекста и субъектности личности.

К «химическому протезированию» можно отнести большинство фармацевтических лечебных терапий, распространяемых на «улучшение» человеческих качеств «выше нормы» [21]. Неточные и приблизительные возможности инструментальной диагностики превращают в главные «контрольные показатели» многих заболеваний (или «улучшенных способностей») болевые ощущения, плохое самочувствие, дисфункции и ряд биохимических параметров крови пациента (глюкозы, жиров и холестерина, ряда белков и т.п.). Данные параметры являются «симптомами» — далеко не первостепенными и неточными, очень приблизительными результатами сложнейших физиологических процессов в организме.

Фармацевтические средства, химические соединения неорганического или синтетического происхождения позволяют менять «контрольные показатели» локально, без существенного влияния на вызвавшие их причины. Непосредственными наглядными результатами использования «химических протезов» служат временное улучшение самочувствия, устранение или уменьшение болевых ощущений и дисфункций, приведение «в норму» химических показателей, — однако без системного восстановления здоровой работы организма [17].

Некоторой психиатрической аналогией может служить механизмы развития деструктивных зависимостей, в том числе от психотропных веществ, включая наркома-

нию и алкоголизм. В современном профессиональном спорте существует тонкая грань между разрешёнными «терапевтическими» и запрещёнными «улучшающими» «химическими протезами», часто произвольно трактуемая регулирующими органами (например, допинг-скандалы WADA). Похожие коллизии классификации различных видов механических протезов как разрешённых или недопустимых, создающие необоснованные преимущества, возникают и в паралимпийских видах спорта.

Приглушение симптомов заболеваний посредством «химических протезов» уменьшает чувствительность к боли, притупляет остроту плохого самочувствия, тем самым создаёт иллюзию «улучшения». Применение препаратов может быть необходимым в травматических и острых неотложных ситуациях, в первую очередь в бессознательном состоянии пациента [19]. Однако в постоянное применение препаратов вызывает привыкание, увеличение дозировки, побочное отравление организма и способствует перерастанию острого состояния в прогрессирующее хроническое заболевание.

«Цифровое» и «нейропротезирование» является, по сути, дополнением автоматизированного механического (роботизированного) протезирования, но с акцентом на программную, а не аппаратную составляющую. Нейротехнологи и робототехники, программисты разрабатывают модели, «аналоги», имитаторы и «протезы» двигательных элементов нервной системы, органов чувств, мышления, сознания и даже виртуально улучшенной объективной реальности. Метод «нейропротезирования» заключается в «считывании» и «расшифровке» электрических импульсов различных участков мозга (электроэнцефалографии) и других частей нервной системы, использовании их для управления электромеханическими протезами органов.

Роль традиционных ценностей и культурной идентичности в мобилизации резервных возможностей организма

Сильнейшим ограничителем возможностей электроэнцефалографии, посредством транскраниальных технологий или даже имплантированных в мозг электродов, является крайняя лаконичность, скудность данных. Нервные импульсы предоставляют лишь не столь значительные сведения в сравнении с многократно более сложным комплексом различных физиологических процессов, сопровождающих человеческие состояния и движения. Поэтому нейротехнологам приходится прибегать к электронейромиографии, данным о деятельности человеческих мышц.

В управлении электромеханикой протезов главную роль играют действия сохранившихся у человека мышц, принимающих дополнительные функции и овладева-

ющих новыми навыками [20]. Само понятие «нервной деятельности» выглядит метафорой действий, осуществляемых посредством нервно-мышечной системы. Роль «нейроимплантов» в восстановлении чувственных и двигательных способностей может оказаться сильно преувеличенной в сравнении с оттесняемым на второй план традиционным использованием для медицинской реабилитации резервных возможностей организма.

Использование нейротехнологий в области протезирования органов дистанционных чувств (зрения и слуха) также имеют своей основой усовершенствование традиционных слуховых аппаратов и оптических приборов (очков, контактных линз). Использование «компьютерного зрения» и других технических средств «распознавания» различных характеристик объектов и процессов посредством обработки данных датчиков в конечном счёте «упирается» в «компенсаторную» тренировку сохранившихся возможностей органов чувств [18].

Как машина не работает за человека, а является автоматизированным орудием его труда, так и протез органов, двигательных или чувственных, не действует и не чувствует за человека, а является инструментом, овладение которым может восстановить функцию за счёт расширения сохранившихся возможностей организма. Мышечные действия и чувственные восприятия являются проявлениями субъектности человеческого организма, зависят от сознательных усилий, обучения, тренированности, присущей индивидуальному образу жизни модели двигательно-чувственной активности.

Для «внешних» органов чувств осязание, предметно-практическое воздействие на предметы, является базовым и самым непосредственным образом связано с внутренней телесной чувствительностью нервно-мышечной системы (проприоцепцией) и вестибулярного аппарата. Действия человека с предметами (их ощупывание и изменение) являются корректирующим «критерием практики» для дистанционных чувств, проверяя их ошибочность или правильность, иллюзорность или реальность.

Пока нет и вряд ли можно ожидать сколько-нибудь успешных, не «имитационных» разработок в области моделирования и протезирования органов «контактных» чувств вкуса (как и производного от него дистанционного, обоняния) и, в особенности, осязания. Так же критически следует оценивать перспективы создания «протеза мозга» или даже его отдельных частей, поскольку не удаётся искусственно создать полностью функциональное ни нервно-мышечное волокно, ни даже простейшую живую клетку. Отсюда и обоснованный скепсис в отношении возможности «цифрового бессмертия» «записи» личности на внешние носители информации с последующей перезаписью на клонированный человеческий организм.

Проекты создания цифровой «виртуальной реальности», которые можно охарактеризовать как попытки протезирования «комплексов ощущений» и, посредством этого, самого объективного мира. В создании иллюзий, в том числе ложных, «цифровое протезирование» комплексов чувств и «виртуальной реальности» значительно уступает традиционной культуре — воспитанию, образованию, искусству, средствам массовой информации, общению, а также психоактивным химическим веществам и манипулятивным приемам обмана, в особенности посредством средств массовой информации.

С точки зрения культурологии высокотехнологичные средства «улучшения человека», предлагаемые трансгуманизмом, являются экстраполяцией «заменяющего» протезирования [4]. Использование протезов (механических, электромеханических, химических, биологических, цифровых и др.) может служить суррогатом, неадекватной заменой полностью или частично утраченных органов, приводя к неполному восстановлению и дальнейшему снижению функциональности и «качества жизни». Трансгуманизм основан на тенденции усложнения, увеличения функций, оборудования автономными двигателями и источниками энергии, автоматизации протезов. Тем самым создаётся риск «киборгизации», «замены человека машиной» в его собственном теле, аналогичный социально-экономическому явлению безработицы и «излишнего населения».

Культура здоровья предполагает альтернативу даже в рамках медицинских терапий, максимально используя потенциал традиционных ценностей и культурной идентичности для мобилизации резервных возможностей организма, пробуждения его жизненных сил. Решающую роль играет отказ человека от роли пассивного объекта, от восприятия протеза любого вида как магического предмета, способного вылечить оздоровить без особых собственных усилий [3]. Человеку-пациенту необходимо обрести и развить свою субъектность, что позволяет полностью восстановить возможности, функции организма, даже на более высоком уровне, чем до болезни. «Культуроцентричный» подход к здоровью более напоминает самовоспитание, культурное саморазвитие. Врач, медик, специалист в таком случае выступает учителем, консультантом, «фитнес-тренером», помогая «пациенту» научиться управлять своим здоровьем, укреплять его, заблаговременно правильно распознавать признаки заболеваний, вести их профилактику.

Правильная активизация и использованием пациентом как культурным субъектом «резервных возможностей» своего организма является подлинным, а не иллюзорным «улучшением человека» [10]. Добиться такого результата вряд ли возможно без использования социально-культурных факторов и традиционных ценностей:

воспитательных примеров из истории своей страны и произведений искусства, осознанных правильных действий, «долгоиграющего» сильного желания, воли, изучения своей проблемы и поиска правильного решения, обучения и длительных усилий, направленных на выздоровление.

Заключение

Наблюдается нарастание критичного переосмысления низкой результативности и высоких рисков развития человека в формате его главным образом высокотехнологичного «улучшения» (human enhancement), радикально представленного в трансгуманизме и концепции NBIC[S]-конвергенции. Расширяется поиск альтернативных конструктивных подходов и путей высокоэффективных средств развития базовых человеческих способностей — культурных, интеллектуальных и нравственных, а также физического развития, здоровья и долголетия, решения демографических проблем.

В этом контексте культурологический подход к восстанавливающему, реабилитационному воздействию при помощи терапевтического протезирования предполагает главный акцент на субъектности, опирающейся на культурную идентичность и традиционные ценности. В таком случае человек воспринимает травму, заболевание как испытания, а протезы как инструмент их успешного прохождения, улучшения себя самого до прежнего уровня и выше. Опора на субъектность личности предполагает развитие и усиление посредством высших традиционных ценностей мировоззренческого уровня, воли, терпения, обучения и других личностных качеств.

Распространение культурологического подхода на улучшение человека «выше среднего», а также повышение «средней нормы» характеристик, способностей и возможностей снимает риски, сопутствующие придаваемому трансгуманизмом гипертрофированному значению высоких технологий [6]. Применение высокотехнологических средств улучшения человека не должно приводить к достижению отдельных специализированных контрольных показателей за счёт снижения субъектности, культурной целостности, размытия идентичности человека.

Совершенствование высоких технологий должно служить не самоцелью, тем более в ущерб людям, а инструментом укрепления здоровья, увеличения долголетия, культурного богатства, творческой продуктивности человека. Опора на традиционные ценности и культурно-историческую субъектность, её усиление и обогащение с инструментальным применением высокотехнологических решений является адекватным средством саморазвития человека, расширения, увеличения и усиления его способностей и возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белялетдинов Р.Р. Улучшение человека как проблема «последнего человека» / Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека. — М.: Московский гуманитарный университет, 2015. — С. 154-163.
2. Буйнякова И.С. Биотехнологии human enhancement в парадигме трансгуманистического дискурса // Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия: философия. Социология. Право. — Т. 44. — 2019. — №2. — С. 294-304. <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-2-294-304>
3. Давыдов Д.А. Этические дискурсы о технологиях изменения природы человека: попытка построения «классификационной матрицы» // Дискурс-Пи. — 2019, — №4. — С. 10-27. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10401>
4. Желнин А.И., Южакова Е.А. Конвергенция подходов к «улучшению человека»: между технаукой, моралью и искусством // Новые идеи в философии. — 2020. — №7 (28). — С. 158-166.
5. Кириленко В.Г. Идеино-исторические основания концепции «улучшения человека» // Человек. — Т. 32 — 2021. — №3. — С. 135-151. <https://doi.org/10.31857/S023620070015652-4>
6. Лапшин В.А. Проблематика изменения культурно-ценностного потенциала человека в условиях «информационного» и техногенного улучшения человека // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20. Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека. — М.: Московский гуманитарный университет, 2015. — С. 80-90.
7. Седова Н.Н. Статус технологий «human enhancement» в оценке представителей медицинского академического сообщества // Биотехнологическое улучшение человека: социально-этические проблемы. Программа и сборник тезисов 14-ой Международной конференции. Памяти Бориса Григорьевича Юдина. — Москва: Социум, 2017. — С. 50.
8. Седова Н.Н., Навроцкий Б.А., Приз Е.В. Задачи социологии медицины в изучении технологий «human enhancement» // Социология медицины. — Т. 15. — 2016. — №2. С. 87-90. <http://doi.org/10.18821/1728-2810-2016-15-2-87-90>
9. Ставцева О.И. Понятие природы человека и консервативная критика идеи биотехнологического усовершенствования человека // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — Т. 20. — 2019. — № 1. — С. 223-231. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2019.19.3.020>
10. Шевченко С.Ю. Нейроэтика между основными философскими проблемами и технологиями «улучшения» человека // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — Т. 19. — 2018. — № 4. — С. 195-202. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2018.19.3.035>
11. Четверикова Н.А. Русская философия о совершенствовании человеческой природы / Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Забайкальский государственный университет; под общей редакцией Н.Д. Субботиной (отв. редактор). — Чита: ЗабГУ, 2021. — С. 168-174.
12. Acheampong A.O., Osei Opoku E.E., Dzator J., Kufuor N.K. Enhancing human development in developing regions: Do ICT and transport infrastructure matter? // Technological Forecasting and Social Change. — 2022. — V. 180. — P. 1-24. <http://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121725>
13. Grewal D., Kroschke M., Mende M., Roggeveen A.L., Scott M.L. Frontline Cyborgs at Your Service: How Human Enhancement Technologies Affect Customer Experiences in Retail, Sales, and Service Settings // Journal of Interactive Marketing. — 2020. — Vol. 51. — P. 9-25. <http://doi.org/10.1016/j.intmar.2020.03.001>
14. Gilbertson S.E., Walter H.C., Gardner K., Wren S.N., Vahedi G., Weinmann A.S. Topologically associating domains are disrupted by evolutionary genome rearrangements forming species-specific enhancer connections in mice and humans // Cell Reports. — 2022. — Vol. 39. — №5. — P. 1-17. <http://doi.org/10.1016/j.celrep.2022.110769>
15. Grinschgl S., Tawakol Z., Neubauer A.C. Human enhancement and personality: A new approach towards investigating their relationship. Heliyon. — Vol. 8. — 2022 № 5. — P. 1-7. <http://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e09359>
16. Hernández J.M., Fernández-Breis J.T. Analysis of the landscape of human enhancer sequences in biological databases // Computational and Structural Biotechnology Journal. — 2022. — Vol. 20. — P. 2728-2744. <http://doi.org/10.1016/j.csbj.2022.05.045>
17. Liokaftos D. Sociological investigations of human enhancement drugs: The case of microdosing psychedelics // International Journal of Drug Policy. — 2021. — Vol. 95. — P. 1-5. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2020.103099>
18. Rappaport M.B., Szocik K., Corbally C. Neuroplasticity as a foundation for human enhancements in space // Acta Astronautica. — 2020. — Vol. 175. — P. 438-446. <http://doi.org/10.1016/j.actaastro.2020.06.011>
19. Rumpel C., Amiraslani F., Bossio D., Chenu C. Henry B. Espinoza A.F., Koutika L.-S., Ladha J., Madari B., Minasny B., Olaleye A. O., Shirato Y., Sall S. N., Soussana J.-F., Varela-Ortega C., STC. The role of soil carbon sequestration in enhancing human resilience in tackling global crises including pandemics // Soil Security. — 2022. — Vol. 8. — P. 1-6. <http://doi.org/10.1016/j.soisec.2022.100069>
20. Shao S., Wu J., Zhou Q. Developments and challenges in human performance enhancement technology // Medicine in Novel Technology and Devices. — 2021. — Vol. 12. — P. 1 — 7. <http://doi.org/10.1016/j.medntd.2021.100095>
21. Szocik K., Shelhame M., Braddock M., Cucinotta F.A., Impey C., Worden P., Peters T., Cirković M. M., Smith K. C., Tachibana K., Reiss M.J., Norman Z., Gouw A.M., Munévar G. Future space missions and human enhancement: Medical and ethical challenges // Futures. — 2021. — Vol. 133. — P. 1-11. <http://doi.org/10.1016/j.futures.2021.102819>

© Былевский Павел Геннадиевич (pr-911@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕРТНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ФОРМИРОВАНИЮ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ЛИГА МУЗЫКИ»)

Молина Любовь Владимировна

Аспирант, Российский государственный социальный
университет (Москва),
post@lmusic.pro

CONCERT AND PERFORMING ACTIVITIES
FOR THE FORMATION OF MUSICAL
CULTURE OF THE YOUNGER GENERATION
AS A SOCIO-CULTURAL PROJECT
(ON THE EXAMPLE OF THE CREATIVE
ASSOCIATION "LEAGUE OF MUSIC")

L. Molina

Summary: The article presents the conceptual positions of the project concert and performance activities of the creative association «League of Music». The methods, approaches and technologies of organizing and implementing musical projects for the formation of musical culture of the younger generation are analyzed. The question of the importance of taking into account the influence of socio-cultural environments on the formation of musical culture of young people in the process of designing concert activities is considered. A number of institutional means are also described that are significant for solving project tasks. Possible promising approaches and optimal strategy for the systematic organization of concert activities are outlined, contributing to the formation of a stable cultural environment in which concert programs play an integrative role in a new system of communication and interaction of participants based on interest in the musical art.

Keywords: music, culture, environment, the younger generation, project, model, League of Music.

Аннотация: В статье представлены концептуальные позиции проектной концертно-исполнительской деятельности творческого объединения «Лига музыки». Анализируются методика, подходы и технологии организации и реализации музыкальных проектов по формированию музыкальной культуры подрастающего поколения. Рассматривается вопрос важности учета влияния социокультурных сред на формирование музыкальной культуры молодежи в процессе проектирования концертной деятельности. Также выделяется ряд институциональных средств, значимых для решения проектных задач. Обозначаются возможные перспективные подходы и оптимальная стратегия по системной организации концертной деятельности, способствующей образованию устойчивой культурной среды, в которой концертные программы выполняют интегративную роль в новой системе коммуникаций и взаимодействий участников на основе интереса к музыкальному искусству.

Ключевые слова: музыка, культура, среда, подрастающее поколение, проектная деятельность, модель, «Лига музыки».

Введение

В последнее время значительно возросший интерес различных организаторов культурной жизни общества к проектной деятельности объясняется сложностью новых задач, которые не могут решаться традиционным планированием и сложившимися технологиями разработки программ различных учреждений и организаций культуры и искусства. К таким задачам можно отнести формирование музыкальной культуры подрастающего поколения, находящегося в значительной мере под влиянием массовой культуры и информационной среды, в которой транслируются преимущественно поверхностные музыкально-развлекательные программы, не оставляющие места для приобщения детей и под-

ростков к высоким образцам музыкального искусства.

В отличие от обычного планирования программ мероприятий в различных учреждениях, проектная деятельность позволяет реализовать принципиально новые возможности и стратегии по улучшению качественного состояния той или иной социокультурной проблемы. Применительно к задаче формирования музыкальной культуры подрастающего поколения это означает смену парадигмы от *воздействия* государственных учреждений и организаций культуры на ту или иную реальную аудиторию к парадигме *взаимодействия* с общественными структурами и самими посетителями концертов. Это предполагает использование новых информационных, организационных, материально-технических и ка-

дровых ресурсов в решении этой проблемы. В рамках данной парадигмы и осуществлялось исследование возможностей концертно-исполнительской деятельности по формированию музыкальной культуры подрастающего поколения на примере творческого объединения «Лига музыки» [29].

Методика исследования

Исследование проводилось с опорой на междисциплинарный подход с его общенаучными методами (анализа и синтеза, сравнения и аналогии, описания и интерпретации, обобщения и систематизации), философско-аксиологическими методами (диалектическим, системным и компаративным подходами, изучением традиции), а также методами теоретического и исторического музыкознания (музыкально-исторического анализа и исторической реконструкции).

Методика исследования также включала наблюдение, проведение анкетного опроса, а также использование проектных технологий и их апробацию в решении проблемы формирования музыкальной культуры подрастающего поколения средствами концертной деятельности [6; 13]. Эти технологии предполагали выявление основных ресурсов проекта (организационных, кадровых, информационных, финансовых, правовых и т.д.), а также рассмотрение неизбежных препятствий в реализации проекта, связанных в значительной мере с инерционным мышлением субъектов, от которых в той или иной мере зависела эффективность данного проекта.

Проводилась также предварительная диагностика музыкальных запросов и предпочтений подрастающего поколения, а также изучение соответствующих перспективных приоритетов в организации концертного дела. Анализировался опыт новейших исследований по вопросам взаимодействия с аудиторией в области музыки, концертной и культурно-досуговой деятельности [27; 22; 25; 26; 24].

Результаты исследования

Были изучены возможности проекта по формированию музыкальной культуры подрастающего поколения на примере деятельности творческого объединения «Лига музыки», созданного автором статьи совместно с пианисткой, профессором РАМ имени Гнесиных В.А. Петровой [20]. Исследование показало, что основным ресурсом проекта является создание соответствующей стратегии, предполагающей сотворчество различных профессиональных деятелей искусства (музыкантов, певцов, актеров, танцоров, художников); различных организаций, ведущих культурно-просветительную и образовательную деятельность; а также представителей подрастающего поколения, родителей, широкой общественности.

Так, творческое объединение «Лига музыки», основанное в 2015 году, за годы своей деятельности стало сообществом профессиональных деятелей искусства разных поколений. Слушателям было представлено около 150 авторских концертных программ, в которых приняло участие в общей сложности более 200 исполнителей. Среди них можно выделить просветительские циклы для взрослых и детей: «Золотые страницы оперной классики» (МГОМЗ Коломенское) [12; 15; 16; 17], «Классики и современники» (Российско-Немецкий Дом в Москве), «Мир и Музыка» (Государственный музей Л.Н. Толстого), «Ильется голоса волшебный звук» (Российский национальный музей музыки), «Музыкальные четверги на Тверском бульваре, 11» (Дом-музей М.Н. Ермоловой), «Петр Ильич Чайковский. Посвящение в III частях» (Москонцерт на Пушкинской, Зеркальный зал), «Дж. Верди. Посвящение в III частях» (Москонцерт на Пушкинской, Зеркальный зал), «Женские образы в опере» (МГОМЗ Коломенское), Russian souvenir (Гапра, Исландия), «Alma mater. Диалог поколений» (РАМ имени Гнесиных) и др.

Необходимым условием реализации проекта является его материально-техническое обеспечение, которое подразумевает наличие концертных площадок и помещений в различных территориальных образованиях, местах проживания посетителей концертов в учреждениях культуры, искусства и образования.

Важным событием для творческого объединения «Лига музыки» стало выступление солистов в 2019 году на Государевом дворе царя Ивана Грозного в городе Александро-Введенском совместно с Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Александровская слобода» в год 100-летия музея был осуществлен проект «Музыкальное путешествие по страницам оперы Н.А. Римского-Корсакова "Царская невеста"». В нем действительно раскрылись возможности музыкального искусства в реконструкции исторического ландшафта. Опера была исполнена на месте представленных в ней исторических событий, в условиях подлинного культурного и природного окружения [14].

Для каждой из программ «Лиги музыки» специально разрабатывается авторский сценарий. Тематический подход к созданию концертных программ позволяет привлечь внимание слушателя к широкому диапазону произведений разных жанров. Основной принцип при подготовке концертных программ состоит в максимально бережном отношении к музыкальному материалу, тексту произведений. Номера программы связываются и дополняются комментариями ведущего, которые помогают слушателю погрузиться в атмосферу произведения. О необходимости музыкального комментария в концертных программах пишет дирижер Г.Н. Рождественский: «Опыт убедил меня в том, что комментарий полезен широкой аудитории и может способствовать более

глубокому и тонкому восприятию музыки» [21, с. 18].

Цель нашего творческого объединения – восстановить преемственность культурных традиций, воспитать новое поколение слушателей. «Лига музыки» сотрудничает с высшими учебными заведениями России, федеральными и региональными музеями [1]. Приоритетным направлением сегодня становится создание специальных музыкально-просветительских программ, созвучных содержанию музейных выставок, научных конференций и форумов.

Для реализации поставленной цели мы обратились к изучению музыкальных запросов и предпочтений подрастающего поколения посредством опроса и наблюдения [13]. Важно отметить, что при проектировании концертной деятельности необходимо учитывать влияние различных социокультурных сред на музыкальные вкусы подрастающего поколения.

Первая среда представляет собой непосредственное повседневное социальное окружение детей и подростков (семейное и дружеское), в котором формируются эстетические установки и ориентиры. Здесь важным является отношение родителей к музыке, их предпочтения в искусстве, а также музыкальная культура сверстников, где, в первую очередь, в подростковом возрасте складывается мода на увлечение теми или иными музыкальными композициями и исполнителями в качестве своеобразного «пропуска» в «свой» социальный круг.

Формат музыкальных программ «Лиги музыки» ориентирован на широкую аудиторию: он может быть интересен как опытным ценителям оперной музыки, так и слушателям, только начинающим свое знакомство с миром классического искусства. Интересно, что характеристика возрастной категории концерта «для семейного просмотра» приобретает особый смысл связи поколений. Приведем пример – отзыв одной из слушательниц программ цикла «Золотые страницы оперной классики»: «Здравствуйте! Это Ваша поклонница, Светлана Ю. Пишу Вам по итогам двух концертов, которые мы с семьей видели. Эти концерты для меня значат больше, чем Вы могли бы подумать. Во-первых, мой муж перед “Царской невестой”, слыша за дверьми зала репетицию, спрашивал, не поздно ли ему еще сбежать домой. А сейчас он не просто не боится оперы, а ждет следующего концерта. <...> Это ли не чудо: Вам удалось в два счета современного консервативного 37-летнего мужчину подружить с таким сложным видом искусства, как опера! Я думала, что это возможно, только если знакомят с детства. Второй момент – это мой сын. Благодаря Вам я имею возможность приучать его с детства воспринимать, понимать и любить классическую музыку. И, что самое интересное, он воспринимает, понимает и любит! <...> Третий момент – на “Князе Игоре” с нами был мой отец, и для

него это тоже было очень ценно. Он вспомнил детство, потому что вся эта музыка часто звучала по “Маяку”, да и по телевизору тоже. И третий день он пересматривает фильм-концерт 1951 года. <...> И тоже ждет будущие выступления». Из приведенного примера видно, что, казалось бы, такой сложный для неподготовленной публики жанр, как опера, может стать общим интересом для трех поколений семьи. Эту мысль подтверждают слова лектора-музыковеда С.В. Виноградовой: «Самое главное мое чувство, связанное с музыкой, – это чувство благодарности к слушателям, удивление от того, что они приходят. В зал приходят родители и дети, и когда они все вместе переживают очень высокие чувства, то это помогает им. Когда дети детей уже начнут расти, эти совместные пережитые ими мгновения помогут им не потерять друг друга» [цит. по: 11].

Ко второй среде мы относим окружающий нас информационный фон, который оказывает воздействие на становление подростков и детей, их внутренний мир и духовное содержание. Музыкальной информации здесь принадлежит значительная роль формирования индивидуальных музыкальных предпочтений и запросов, которые определяют отношение личности к предлагаемым концертным программам.

Еще одна среда образуется в процессе специально организованной учебной и культурной деятельности. В ней происходит приобщение подрастающего поколения к исполнительству, благодаря вовлеченности и участию в концертах творческих коллективов, в массовых музыкально-эстетических мероприятиях, в разнообразных театрализованных формах праздников, представлений, спектаклей и т.д. В результате формируется культура прослушивания и понимания музыкальных произведений.

В 2018 году творческим объединением «Лига музыки» совместно с Московской духовной академией и Детской школой мозаики под руководством диакона Димитрия (Котова) был проведен культурно-просветительский проект «Не во имя славы», посвященный памяти Александра Невского и русских воинов [10]. Главной целью проекта стало формирование чувства патриотизма у подрастающего поколения, интереса и любви к родной истории и культуре [23]. Представленные в рамках проекта монументальные панно, выполненные воспитанниками Детской школы мозаики, в разных аспектах раскрывают роль Александра Невского в истории России [9]. Концертная музыкальная программа, созвучная представленным мозаичным панно, помогает через музыку раскрыть тему духовного и героического подвига русского воина.

Впечатляет широкий состав участников, которые благодаря тесному взаимодействию друг с другом создали коммуникативную среду для плодотворного результата

данного проекта. Среди них были представители церковных организаций, вооруженных сил, деятели искусства, искусствоведы и культурологи, педагоги, психологи, учащиеся, многодетные семьи, меценаты и т.д.

Опыт проведения благотворительного культурно-просветительского проекта «Не во имя славы» показал новые возможности концертной деятельности в формировании культурной идентичности подрастающего поколения через сочетание различных видов искусства, раскрытие потенциала краеведческой работы, объединение усилий различных специалистов и самих посетителей концертных программ, проявивших собственную активность [6].

Обсуждение результатов

Изучение результатов проекта позволило выделить ряд институциональных средств, которые желательно использовать для решения задачи формирования музыкальной культуры подрастающего поколения. Среди них отметим:

- административные и правовые средства, включающие в себя: государственное регулирование деятельности учреждений и организаций, определяющих, так или иначе, музыкальную культуру подрастающего поколения; государственную поддержку общественных движений и инициатив в области развития музыкальных запросов и интересов детей и подростков; материально-техническую, финансовую и кадровую поддержку;
- средства социального взаимодействия, куда можно отнести официально зарегистрированные профессиональные и любительские музыкальные объединения, клубы, социально значимые инициативы в области музыкального просветительства и самодеятельного творчества, которые не ограничиваются исполнительской практикой, но способствуют формированию музыкальной культуры населения;
- создание института популяризации музыкальной классики, что предполагает подготовку с участием государства соответствующих специалистов, способных сопровождать концертные программы для детей и юношества квалифицированным комментарием, увлекательными формами трансляции для широкой детско-подростковой аудитории смысла и эстетического значения музыкальных произведений [7].

По результатам проекта обозначим в качестве перспективных следующие подходы к организации концертной деятельности, направленной на формирование музыкальной культуры.

Первый подход можно назвать «творческо-испол-

нительским». Он реализуется в основном в системе профессиональной подготовки и профессионального исполнительства музыкальных произведений, а также в выступлениях «профессионализированных» любительских музыкальных коллективов, в которых могут участвовать дети и подростки. Главная особенность этих любительских коллективов состоит в их ориентированности на возможное достижение высокого исполнительского уровня в соответствии с профессиональными критериями оценки исполнительства [2; 28; 3]. В этом подходе есть свои положительные и отрицательные стороны. Положительная состоит в том, что здесь создаются и передаются эталонные образцы концертного исполнительства, которые задают высокий уровень музыкальной культуры как у музыкантов, так и у слушателей. Отрицательная состоит в том, что этот подход не предполагает постановки в качестве самостоятельной задачи обеспечения доступности понимания «серьезной» музыки для подрастающего поколения в качестве слушателей или исполнителей как основы музыкальной культуры личности. Необходимо отметить, что это может стать значимой причиной разрыва между существующей концертной практикой в области «серьезной» музыки и подрастающим поколением. В таком случае незаполненную нишу охотно занимают чаще всего носители массовой музыкальной культуры. Отдельные популяризаторские программы в сфере классического искусства пока являются скорее частными инициативами, но не системой, поддерживаемой государством.

Другой подход определим как «культурно-просветительский». Он предполагает включенность концертного исполнительства в более широкий контекст гуманитарного образования и приобщения детей и подростков к подлинным достижениям отечественной и зарубежной художественной культуры во всем ее разнообразии в виде музыкального, литературного, изобразительного, театрального творчества и т.д. [5]. Особое место должно быть уделено формированию у подрастающего поколения гуманистических ценностно-мировоззренческих ориентиров, обуславливающих основное содержание и художественно-выразительные средства в т.ч. и музыкального искусства. Здесь основной акцент делается на культуре восприятия музыкального репертуара детьми и подростками, с глубоким пониманием его влияния на духовный мир подрастающего поколения [18; 19].

Третий подход к организации концертной деятельности в интересующем нас аспекте может быть обозначен как «досугово-развлекательный». Он наиболее полно реализуется на музыкальной эстраде и в целом в массовой музыкальной культуре. Наряду с известными издержками (например, «дурновкусием» в мире музыки), этот подход в его лучших проявлениях имеет определенную социально-культурную значимость, которая включает в себя своеобразную «терапию» в виде возможности по-

быть в мире социально и культурно приемлемых грез и фантазий, пережить праздничные состояния, сбросить излишнее напряжение и зарядиться энергией [4; 8].

Оптимальным вариантом стратегии концертной деятельности, формирующей музыкальную культуру, предполагается реализация всех этих подходов по принципу не взаимоисключения, а взаимодополнения. Это подразумевает поиск и разработку соответствующих организационных форм в области концертного дела.

В деятельности «Лиги музыки» присутствуют все три вышеназванных подхода. Наш опыт решения задачи по формированию музыкальной культуры подрастающего поколения показал, что существуют реальные возможности для привлечения и объединения различных любителей музыкального искусства, стимулировал участие разнообразных творческих коллективов и отдельных исполнителей в культурно-просветительских программах. На этой основе может складываться устойчивая культурная среда, где концертные программы выполняют роль интеграторов в новой системе коммуникаций и взаимодействий на основе интереса к музыкальному искусству.

Заключение

История становления и развития музыкального просветительства дает основание для совершенствования форм и методов организации этого вида деятельности. Важнейшую задачу музыкального просвещения Б.В. Аса-

фьев видел в том, чтобы приобщать широкие массы к музыкальной культуре, делать подлинным достоянием народа лучшее в современной музыкальной культуре и культуре прошлого [2]. Принципиальным является не пассивное «потребление», а активное проживание слушателями и зрителями того или иного произведения искусства. Задача музыкантов-профессионалов состоит в том, чтобы дать возможность людям на собственном опыте испытать огромную силу музыки, способной преобразовать человека.

Особого внимания заслуживают закономерности взаимодействия музыки и аудитории, тесные взаимосвязи искусства и общественного сознания. Можно говорить о взаимовлиянии художественного вкуса аудитории и качества концертов, уровня исполнительства. Проектная деятельность в сфере искусства на сегодняшний день позволяет находить творческие и организационные решения в имеющихся условиях, формировать слушательскую и зрительскую аудиторию, объединять исполнителей, привлекать внимание спонсоров и средств массовой информации.

В наши дни, когда темп жизни увеличивается с каждым днем, одной из насущных проблем становится проблема «высвобождения времени». Как следствие, досуг для людей постепенно обретает значение «подлинной жизни», качество которой зависит от организаторов культурных проектов, реализуемых ими в области концертно-исполнительской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айламазян А.М. Фестиваль «Терпсихора в Тавриде» как воплощение идеи синтеза искусств // *Культура и искусство*. – 2017. – № 12. – С. 98-107.
2. Асафьев Б.В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании / Ред. и вступ. ст. Е.М. Орловой. – Л.: Музыка, 1973. – 144 с.
3. Кабалецкий Д.Б. Воспитание ума и сердца: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1984. – 206 с.
4. Казиник М.С. Музыкальные антидепрессанты. – М.: Бослен, 2020. – 320 с.
5. Каменец А.В. Проблемы формирования духовно-нравственной культуры в произведениях русской художественной литературы. Учебное пособие. – М.: РГСУ, 2011. – 114 с.
6. Каменец А.В., Молина Л.В. Организация концертной деятельности как социокультурный проект (На примере культурно-просветительского проекта памяти Александра Невского и русских воинов «Не во имя славы») // *Диалоги о культуре и искусстве. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)*. – Пермь, 2021. – С. 166-172.
7. Кирнарская Д.К. Актуальные проблемы развития художественного образования в XXI веке. – Педагогика искусства. – 2014. – №3. – С. 22-27.
8. Кирнарская Д.К. Классика на бегу. Музыкальные шедевры от Средневековья до современности. – М.: Слово / Slovo, 2022. – 296 с.
9. Котов Д.А. Прочтение нашей истории в искусстве детей // *Искусство в школе*. – 2021. – №6. – С. 19-21.
10. Котов Д.А., Молина Л.В., Петрова В.А. Культурно-просветительский проект «Не во имя славы» // *Искусство в школе*. – 2020. – № 4. – С. 53-58.
11. Лилеев Д. Светлана Виноградова: «Я думаю, что все мироздание началось с музыки» // *Музыкальное обозрение*. – 2006. – №2 (266). – URL: <https://muzobozrenie.ru/svetlana-vinogradova-ya-dumayu-chto-vse-mirozhdanie-nachinalos-s-muzy-ki/> (дата обращения: 21.07.2023).
12. Молина Л.В. Золотые страницы оперной классики в жанре музыкального путешествия // *Искусство в школе*. – 2020. – №5. – С. 56-58.
13. Молина Л.В. Изучение музыкальных запросов и интересов подростков и молодежи как основание проектной деятельности по формированию музыкальной культуры подрастающего поколения // *Культура и цивилизация*. 2023. Том 13. № 5-6А. – С. 213-221.
14. Молина Л.В. Музыкальная реконструкция исторического ландшафта // *Одушевленный ландшафт* / Ред.-сост. А.С. Белорусец, С.В. Березин. – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 137-144.
15. Молина Л.В. Музыкальное путешествие по страницам оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила» // *Искусство в школе*. – 2021. – № 6. – С. 14-18.

16. Молина Л.В. Музыкальное путешествие по страницам оперы Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка» // Искусство в школе. – 2021. – № 2. – С. 42-47.
17. Молина Л.В. Музыкальное путешествие по страницам оперы А.П. Бородина «Князь Игорь» // Искусство в школе. – 2021. – № 1. – С. 57-61.
18. Ныркова В.Д. «Пречистенские пятницы» в Доме ученых. История. События. Встречи. – М.: Перо, 2017. – 96 с.
19. Ныркова В.Д. Просветительские литературно-музыкальные программы // Курс фортепиано для музыкантов разных специальностей в институте Гнесиных: прошлое и настоящее. Сборник очерков. – М.: РАМ им. Гнесиных, 2006. – С. 341-373.
20. Петрова В.А. Особенности работы концертмейстера в оперном театре как педагога-репетитора и исполнителя. // Музыкальное искусство и образование. – 2021. – Т. 9. – №2. – С. 61-70.
21. Рождественский Г.Н. Мысли о музыке. – М.: Советский композитор, 1975. – 200 с.
22. Рубинштейн А.Я. Публика концертов «Моцарт Марафона»: опыт социологического исследования // Культурологические записки. Выпуск 16: Культурная политика–2014. Проблемы и перспективы. Сборник статей / Отв. ред. Г.М. Юсупова. – М.: Государственный институт искусствознания, 2014. – С. 249-277.
23. Селезнёва Е.Н., Каменец А.В. Культурология Русского мира: духовные основы национального менталитета. – М.: РИТМ, 2013. – 432 с.
24. Торопова А.В. Музыкально-психологическая антропология как междисциплинарная область научных знаний // Музыкальное искусство и образование. – 2019. – Т. 7. – № 2. – С. 24-40.
25. Ушкарев А.А. Театральная публика: разрушая стереотипы // Вопросы театра. – 2018. – №1-2. – С. 437-452.
26. Ушкарев А.А. Типология досугового поведения // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14. – №2. – С. 148-156.
27. Фохт-Бабушкин Ю.У. О культурных потребностях москвичей // Культура России. 2000-е годы / Отв. ред. Костина Е.П. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 828-852.
28. Эсе Л. Золтан Кодай: день за днем. – М.: Музыка, 1980. – 269 с.
29. Kamenets A.V., Molina L.V. Conceptual foundations of project activities for the formation of the musical culture of the younger generation // Contemporary Problems of Social Work. – 2021. – Vol. 7. – № 1 (25). – Pp. 61-67.

© Молина Любовь Владимировна (post@lmusic.pro).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Орлов Сергей Николаевич

*Департамент цифрового развития и управления
государственными информационными ресурсами АПК,
г. Москва
kostnat72@mail.ru*

CULTURAL POTENTIAL OF NEW INFORMATION AND ANALYTICAL TOOLS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: PROBLEM STATEMENT

S. Orlov

Summary: The article considers SEO analysis as a new information and analytical tool for organizing the digital environment. Its role and functional purpose in the processes of managing information flows and arrays are characterized. The main areas of application of SEO analysis are defined. Its ambiguous role in the formation of the modern cultural space, its influence on the promotion of certain values in the digital environment, risks and threats are revealed. The problem of the need for cultural understanding of the consequences of his active integration into society is outlined.

Keywords: information and analytical tools, digital environment, SEO analysis, cultural potential, digital cultural space.

Аннотация: В статье рассматривается SEO-анализ как новый информационно-аналитический инструмент организации цифровой среды. Охарактеризованы его роль и функциональное предназначение в процессах управления информационными потоками и массивами. Определены основные сферы применения SEO-анализа. Выявлены его неоднозначная роль в формировании современного культурного пространства, влияние на продвижение в цифровой среде определенных ценностных установок, риски и угрозы. Обозначена проблема необходимости культурологического осмысления последствий его активной интеграции в социум.

Ключевые слова: информационно-аналитические инструменты, цифровая среда, SEO-анализ, культурологический потенциал, цифровое культурное пространство.

Современную социокультурную ситуацию сегодня невозможно представить вне цифровой среды, многоголосой и многоликой. Ее базовым основанием являются некие виртуальные хранилища текстов самого разного содержания, предназначения и качества подготовки - так называемые информационные ресурсы. Пополняясь новыми текстами, они постоянно растут количественно, а функциональное разнообразие стимулирует их структурное расширение. В этой ситуации нужны специальные инструменты отбора текстов, ранжирования по значимости, оценки, необходимой для ограничения или продвижения их в социуме.

Решение этой задачи сегодня возложено на компьютерные алгоритмы. Речь идет, прежде всего, о таком информационно-аналитическом инструменте, как SEO-анализ (Search engine optimization), широкое применение которого создает принципиально новую среду функционирования современных продуктов интеллектуального творчества. Позволяя работать с большими объемами информации, этот инструмент обладает несомненным культурологическим потенциалом, но в то же время оказывает неоднозначное влияние на формирование современного культурного пространства.

Объектом исследования в данной работе является

цифровая среда. Предметом выступает SEO-анализ как специфический инструмент управления потоками и массивами информации в цифровой среде, играющий неоднозначную роль в формировании современного культурного пространства.

Эта проблема неоднозначности обусловила цель работы, которая заключается в постановке проблемы культурологического осмысления последствий активной интеграции в социум SEO-анализа как нового инструмента управления информационными потоками и массивами и его роли в выстраивании принципиально новой модели социальных взаимоотношений.

Методологической базой служат многочисленные исследования в области философии, социологии, информатики, лингвистики, журналистики, анализирующие параметры цифровой среды, цифровой культуры, продвижения в ней публикаций, технологий формирования общественного мнения, медийных персон, виртуальных личностей и т.д.

Цель обусловила структуру работы и ряд задач, связанных с рассмотрением роли и функционального предназначения SEO-анализа как инструмента управления информационными потоками и массивами в цифровой

среде, анализом его культурологического потенциала и степени воздействия на трансформацию социальных взаимоотношений в современном культурном пространстве.

Как только человеческая цивилизация стала опираться на письменные источники, стали появляться и инструменты управления их потоками и массивами. Какие-то тексты продвигались, какие-то запрещались, а некоторые и физически уничтожались в зависимости от текущей ситуации. Все тексты, которые составляют интеллектуальное и культурное богатство человеческой цивилизации, ранжировались по значимости, по популярности, по степени полезности и необходимости в реализации каких-либо социальных задач. Даже при возможной ангажированности все эти методы продвижения текстов в обществе были неформальными, т.е. их место в ранжированном списке определялось людьми. Но в цифровой среде из-за большой динамики наполнения и возникшей несоизмеримости количества представленных текстов и физической невозможности произвести их оценку человеческими силами крайне обострилась проблема их отбора и качественной оценки. На помощь пришли новые информационно-аналитические инструменты.

Их активное использование в цифровой среде имеет свою предысторию, отсылающую еще в докомпьютерную эпоху. Источником их разработки стала научная сфера. На протяжении всей истории развития научной мысли в обществе остро стоял вопрос о критериях эффективности результатов научной деятельности ученых. Самым результативным критерием с содержательной точки зрения признана экспертная оценка письменных, а позже печатных научных работ. Но в условиях массового научного творчества, большого потока научных публикаций она является весьма затратной и с экономической точки зрения малоэффективной. Поэтому с середины XX века начинаются поиски более оптимальных критериев, сгенерированных на основе формальных признаков.

Эти формальные признаки опираются на математический подсчет опубликованных научных работ, последующих упоминаний их авторов и цитирований. Пионерами в этой области считаются Д. Прайс и А. Причард [1, 2], которые в 60-х годах сделали существенный рывок в поиске закономерностей появления научных публикаций, их количественного роста и распределения по сферам и отраслям знания, а также скорости, с которой добытые знания утрачивают свою значимость. А. Причардом было введено и обосновано понятие библиометрии как научного направления внутри науковедения, предлагающего собственный инструментальный анализ библиографических источников для выявления скрытых тенденций в научном познании и публикации результатов.

Но предлагаемый ими математический аппарат для расчета опирался на огромную подготовительную работу по выявлению и распределению потока научных публикаций, которые нужно было проделать вручную, что значительно снижало эффективность метода. Эпоха компьютеризации многократно расширила возможности презентации научных публикаций не только в форме традиционных печатных изданий, но и в электронной форме, тем самым ускорила их количественный рост, с одной стороны, но с другой - позволила обрабатывать математическими методами в автоматизированном режиме[3].

Но не только проблема оценки результативности научной деятельности стояла на повестке дня. Легкость текстовых заимствований, повторение уже давно озвученных идей, компиляция фрагментов из разных источников в научных публикациях, к сожалению, стали обыденностью. Их стало так много, что появились такие понятия, как «мусорные» публикации, «мусорные» журналы. Этому явлению нужно было поставить заслон. На вооружение были взяты уже известные ранее методики расчета библиометрических и текстологических показателей, но не в прежнем громоздком и трудоемком виде, а значительно усовершенствованные. В XXI веке библиометрические методики трансформировались в методики подсчета цитирования, а текстологические – в компьютерный SEO-анализ.[4]

Частота цитирования или просто упоминания работы выступает как признак, по которому определяется место публикации в их иерархии. Методики, базирующиеся на подсчете факта цитирования или упоминания (импакт-фактор, индекс Хирша, нормированные индексы цитирования и др.), несмотря на наличие ограничений, позволяют в какой-то мере определить результативность отдельных субъектов – НИИ, университетов, научных школ, отдельных ученых, а также влияние, которое оказывает конкретная публикация на последующие исследования.[5] Но для осуществления расчета необходимо использовать внешние базы публикаций в электронном виде, которые служат источником для поиска заимствований, другими словами - текстовых совпадений.

SEO-анализ работает на основе программы, использующей тезаурусы – списки слов и устойчивых выражений. Исследуя какой-либо текст, такая программа позволяет выделить эти слова и связать их семантическими связями. Таким образом выделяются фрагменты точных и перефразированных совпадений, на основе чего высчитывается процент оригинальности, доля заимствований, а также в какой-то мере помогает определить качество текста, посчитывая спам, водность и т.д. А путем количественного подсчета используемых в тексте ключевых слов и их ранжирования по частоте встречаемости программа дает представление о содержании контента. Эти

возможности программы вскоре стали широко использоваться в научной и образовательной сферах, ставя за счет некачественным и неоригинальным публикациям, дипломным работам и диссертациям.

Но потенциал SEO-анализа оказался более масштабным. Сегодня он широко используется в рекламе и маркетинговых исследованиях. С его помощью исследуются запросы пользователей, которые те адресуют сетевому пространству. Программы по текстовым совпадениям позволяют состыковать их с соответствующими рекламными предложениями. Так работает, к примеру, биг-дата - механизм, базирующийся на анализе семантики запроса пользователей. На запрос любого пользователя сетевое пространство откликается массой релевантных его запросу рекламных предложений. Более того, компьютерная программа, анализируя огромный массив таких запросов, проранжировав их, способна сгенерировать тот контент, который потенциально востребован большинством - это так называемый текст-майнинг. Также путем машинного анализа семантического наполнения публикаций распространение некоторых из них, содержащих, к примеру, агрессивные и провокационные высказывания, пропаганду запрещенных законом действий, обценную лексику и т.д., ограничивается в сетевом пространстве.

Таким образом, определились основные сферы применения SEO-анализа: это научная и образовательная деятельность, защита интеллектуальных прав, маркетинг и реклама, а также сфера противодействия социокультурным, техногенным и криминальным угрозам в сетевой среде.

Как новый феномен, активно позиционирующий себя в социуме, SEO-анализ имеет определенный культурологический потенциал, который можно охарактеризовать с нескольких сторон, определив не только позитивные стороны, предоставляющие обществу новые возможности, но также создающие проблемы, а иногда и новые угрозы.

Прежде всего, культурологический потенциал рассматриваемых информационно-аналитических инструментов заключается в определенном спектре возможностей, которые посредством организации цифровой среды, ее структурирования и ранжирования способны оказывать серьезное влияние на социум. С этой точки зрения позитивные стороны SEO-анализа бесспорны - это высокая скорость, простота использования, доступность, бесплатность или сравнительно небольшая плата, высокая результативность в решении поставленных задач. Эти плюсы отмечены во всех сферах, которые используют этот механизм.

Также следует отметить - повышается культура на-

писания текстов. Программы заменяют работу корректора и в какой-то степени даже редактора, оперативно выявляя спам, излишнюю водность, опечатки, грамматические и стилистические ошибки. Требование оригинальности расширяет лексическое поле, вносит разнообразие в используемый язык, избавляет от уже надоевших штампов, способствует его обогащению и развитию. Такая работа полезна для мозговой деятельности, стимулируя гибкость мышления авторов, их способность изящно и с малыми потерями для смысла изложить суть рассматриваемой темы или проблемы, при этом обойти сложные и неоднозначные требования программы. Создаются новые жанры такого рода текстовых форм, чем также обогащается интеллектуальное пространство социума. У читателей складывается опыт знакомства с такими упорядоченными текстами, его накопление формирует соответствующие ожидания, умение читать, не прочитывая каждую фразу, при этом адекватно постигая смыслы.

Но, с другой стороны, сеть подвижна и изменчива, при этом содержащийся в ней контент сложно оценивается и проверяется на истинность, т.к. большое значение имеют вкусовые пристрастия людей, мода на то или иное течение, направление, авторов и их творений. Сложные произведения с внутренней информативностью, предполагающие неисчерпанность скрытых потенциалов постижения, прочтений смысла, его трансформации, находятся в более уязвимом положении, нежели простые, примитивные и понятные массам. К ним реже обращаются. А ориентированные на формализованные методики анализа информационно-аналитические инструменты не способствуют их продвижению, еще больше осложняя и без того непростое их положение. Создаваемые же новые жанры и форматы публикаций подстраиваются под возможности быстрого, но неглубокого прочтения.

При этом, работа с большими массивами информации в сетевом пространстве без него уже невозможна. Он выступает как непосредственный регулятор, устанавливающий некоторый порядок в хаотизированной информационной среде. Как бы ни был он несовершенен, но с его помощью устанавливаются правила. Они достаточно жесткие, отменить их невозможно, поскольку решения принимает не человек, а компьютерный алгоритм. И поэтому возникает большой соблазн их обойти. Начинается поиск вариантов - как обмануть машину, каким образом так выстроить текст, чтобы алгоритм не заметил содержащиеся в нем изъяны или запрещенные посылы и беспрепятственно пропустил его в сетевое пространство.

Таким образом, с момента появления машинных аналитических инструментов и активного продвижения их в практику написания текстов параллельно разрабатываются и внедряются методы и способы преодоления соз-

даваемых ими заслонов. Первыми стали попытки обойти технологии проверки текстов на оригинальность. Первоначальные попытки были грубыми и несовершенными: это мог быть перевод отдельных букв на латиницу, вкрапление невидимых глазу символов, разделение слогов знаками препинания и т.д. Пройдя через череду попыток обмануть алгоритм, постепенно стала складываться иная структура текстов. Они уменьшились в объеме, стали более насыщены вспомогательными элементами, графиками, таблицами, схемами, изображениями и фото, которые ранее принято было выносить в приложения. В научной сфере поменялась веками формируемая схема опоры на методологически значимые тексты и цитирование, поскольку теперь это снижает степень оригинальности. Авторы учатся перефразированию текстов, зачастую известных, не содержащих ничего нового и ценного.

В сфере образования, публицистики, маркетинга и рекламы этот процесс можно наглядно увидеть на примере копирайтинга-рерайтинга. Копирайтингом сегодня называется интеллектуальная деятельность по созданию различного рода электронных текстов, прежде всего в сфере рекламы и маркетинга. Но не только, различные организации заказывают копирайтерам тексты для их размещения на официальных сайтах в рамках проведения юбилейных мероприятий, различных акций, кампаний и т.д. В образовании, к сожалению, эта деятельность также присутствует. Все подготовленные копирайтером тексты проходят в обязательном порядке SEO-анализ.

Но в ответ на копирайтинг возник рерайтинг. Выявленные в ходе проверки недостатки устраняют уже с помощью специальных программ, в которые интегрирован арсенал языковых средств перефразирования, перечень синонимов различных слов и выражений. В сети появилось множество контор, предлагающих свои услуги для такой обработки текста.

Таким образом, в результате таких манипуляций формальные требования в рамках SEO-анализа соблюдаются, а по сути, ничего не меняется. С морально-этической точки зрения - это все-таки обман, который обществом не осуждается, законом не запрещается, хорошо оплачивается и даже признается в качестве нормы. Получается, что рассматриваемый инструмент несмотря на то, что потенциально содержит в себе новые решения проблемы массовой информатизации, несет в себе и некоторые новые угрозы.

Рассмотрим еще ряд проблем, которые решаются с помощью SEO-анализа, и последствия решения которых неоднозначны для социокультурного пространства. Так, путем анализа и ранжирования ключевых слов в запросах пользователей и наличия совпадений с ними в исследуемых текстах роботы-поисковики формируют

ответ – список релевантных материалов. Зная это, для скорейшего нахождения и выставления в первых рядах своего контента авторы и редакторы соответствующим образом организуют тексты, учитывая все указанные моменты. Более того, некоторые тексты в сети Интернет вообще генерируются роботами, и они идеально вписываются в нормы этой системы. Для научных и публицистических текстов это большая проблема, поскольку правильно организованные рекламные материалы (спам) серьезные работы «забывают», отодвигая далеко назад в ранжированном списке.

Таким образом, влияние этого технологического инструмента заключается в продвижении в цифровой среде определенных ценностных установок, в навязывании средствами рекламы определенных норм, вариантов потребительского поведения в отношении информационных продуктов и услуг, в организации к ним доступа большой массы пользователей. Тем самым в сознании пользователей закладываются определенные шаблоны, представляющие собой заранее спланированное отношение к информационным источникам, а в конечном итоге формируются определенные мировоззренческие установки. Правда, следует признать, что эта проблема не так давно осознана профессиональным сообществом, и чтобы как-то преодолеть создавшееся противоречие разработчики предложили ввести новый показатель, назвав его «естественность текста». Но пока он не работает.

В сфере противодействия социокультурным, техногенным и криминальным угрозам в сетевой среде последствия применения SEO-анализа также неоднозначны. Программа содержит некий перечень ключевых слов, по присутствию в тексте которых роботами в сетевом потоке опознается нежелательный контент. В ответ на это в цифровой среде активно формируется «эзопов» язык - когда автор закладывает в создаваемый им текст некий неодобряемый алгоритмом смысл в выразительные единицы, пребывающие между собой в более сложных семантических связях, нелинейных и неформальных, когда вещи не называются своими именами. Для выражения смыслов используются образы, цитаты из фильмов и книг, отсылки к известным событиям, сарказм, ирония, иносказание, словосокращения, умышленно неправильный порядок слов, т.е. те приемы, машинными технологиями пока не опознаваемые, а расшифровать которые могут только «посвященные». Безусловно, с расширением круга посвященных и с заострением используемых словосочетаний все приемы будут учтены, выражения будут вводиться в словарь и отслеживаться. Но пока на базе вышеуказанных решений формируется новый язык выразительных средств. А эти новые образы и выражения создают новую реальность, участвуют в мыследеятельности, выступая инструментом влияния на личность.

Таким образом, можно сделать следующие выводы из анализа культурологического потенциала информационно-аналитических инструментов. Мы сталкиваемся с неоднозначными последствиями их применения. Желая добиться одних результатов, позитивно окрашенных, получаем на выходе ряд незапланированных со знаком минус, что приводит к формированию новой модели социальных взаимоотношений и требует своего культурологического осмысления.

С чем человечество может столкнуться в будущем? С отсутствием необходимости в сборе разнонаправленной информации прекратятся и попытки ее критического осмысления, формирования собственной позиции по отдельным вопросам и поиски аргументов в ее защиту. Навязывание сформированной искусственным интеллектом картины мира приведет к сужению амплитуды возможностей человека в собственных творческих изы-

сканиях. Ведь машина в чем-то совершеннее человека в силу заложенных в нее уникальных выразительных возможностей: она лучше будет писать картины, художественные и учебные тексты, моделировать и проектировать элементы окружающей среды, оформлять любые визуальные объекты и т.д.

Человечество еще не осознало всех последствий применения информационно-аналитических инструментов. Но учитывая указанные тревожные примеры механизм машинного отбора и оценки цифровых объектов не должен рассматриваться в качестве основного, а возможен лишь как вспомогательный и дополнительный. Наибольшая же ответственность должна лечь на плечи институтов социальной памяти, наделенных соответствующими полномочиями по сбору, упорядочению и сохранению электронной информации, представляющей общественный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Prichard A., Witting G. *Bibliometrics: A-Bibliography and Index*. Watford. 1981. 160p.
2. Прайс Д. *Малая наука, большая наука // Наука о науке*. М. 1966. С.181-384.
3. Воробьев Г.Г. *Документ: информационный анализ*. М. 1973.
4. Зиновьева Н.Б., Мельникова А.В. Библиометрические и текстологические показатели качества научного текста и направления их трансформации в современной научной среде // *Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере*. Сб. матер. Всерос. науч. конфер. Краснодар. 2020. С.12-16.
5. Симонян Е.Э. Библиометрия в системе смежных дисциплин. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bibliometriya-v-sisteme-smezhnyh-nauchnyh-distiplin> (дата обращения: 12.07.2023)

© Орлов Сергей Николаевич (kostnat72@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВЯЗЬ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ У МОЛОДЁЖИ С РАЗНЫМИ МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПРЕДПОЧТЕНИЯМИ

THE RELATIONSHIP OF PERSONAL IDENTITY WITH INDICATORS OF THE EMOTIONAL-VOLITIONAL SPHERE AMONG YOUNG PEOPLE WITH DIFFERENT MUSICAL PREFERENCES

*Yu. Buzykina
A. Thak*

Summary: The article presents the results of a study of personal identity and indicators of the emotional-volitional sphere among young people with different musical preferences. The dominant statuses of personal identity, as well as the features of the emotional-volitional sphere of youth are revealed according to three indicators: anxiety, emotional intelligence and self-regulation. The description of the preferred musical genres of youth is given. Connections of personal identity statuses with emotional intelligence and self-regulation are established. The description of the content characteristics of young people with different musical preferences, depending on the prevailing types of personal identity, is given.

Keywords: personal identity, emotional-volitional sphere, anxiety, emotional intelligence, self-regulation, musical preferences, youth.

На сегодняшний день область исследования личностной идентичности является одной из малоизученных в российском научном сообществе. Исследуя проблему идентичности, Э. Эриксон определял «эго-идентичность» или «личностную идентичность», как сложную совокупность субъективных идентификаций, непрерывное чувство самотождественности, развивающееся на протяжении всей жизни человека и меняющееся при прохождении той или иной стадии жизненного цикла [8].

На основе обобщённого понимания идей Э. Эриксона, впоследствии было конкретизировано представление о структуре и развитии идентичности. Наибольшую распространённость получила статусная модель идентичности Дж. Марсиа, который акцентировал своё внимание на процессе совершения выбора. Так, по его мнению, личность обретает собственную идентичность в процессе поиска и принятия потенциальных целей и ценностей, которые соотносятся с внутренними возможностями и резервами человека [2, 9]. Учёный выделяет статусы идентичности в зависимости от поведенческих

Бузыкина Юлия Сергеевна
к. псих. н., доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
ylamart@yandex.ru
Тхак Александра Денисовна
Педагог-психолог, МБОУ СОШ №36, г. Пенза
alexthak@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты исследования личностной идентичности и показателей эмоционально-волевой сферы у молодежи с разными музыкальными предпочтениями. Выявлены доминирующие статусы личностной идентичности, а также особенности эмоционально-волевой сферы молодежи по трём показателям: тревожность, эмоциональный интеллект и саморегуляция. Дано описание предпочитаемых музыкальных жанров молодежи. Установлены связи статусов личностной идентичности с эмоциональным интеллектом и саморегуляцией. Дано описание содержательных характеристик молодежи, имеющей разные музыкальные предпочтения, в зависимости от преобладающих типов личностной идентичности.

Ключевые слова: личностная идентичность, эмоционально-волевая сфера, тревожность, эмоциональный интеллект, саморегуляция, музыкальные предпочтения, молодежь.

паттернов в ситуации выбора: диффузная идентичность, предрешённая идентичность, мораторий идентичности, достигнутая идентичность. Отечественный психолог Л.Б. Шнейдер вводит понятие «псевдоидентичность» для обозначения нарушения механизмов идентификации в сторону отрицания собственной уникальности или её гипертрофированности [7].

Сенситивным периодом для формирования идентичности является юношеский возраст, в течение которого происходит рост и стабилизация представлений о себе, что формирует понимание своей уникальности и принадлежности к социуму [4, 8].

Большую роль в процессе формирования идентичности, обусловленной различиями в совокупности социальных условий, играют эмоционально-волевые особенности личности. Для контроля сильных переживаний, свойственных юношескому возрасту, необходима волевая регуляция. На основе оценки ситуации реализуется побуждение к действию и возможные варианты реагирования, а эмоциональная окрашенность решений сни-

жает напряжение в момент выбора. Всё это формирует благоприятное отношение личности к самой себе и другим людям. Таким образом, эмоциональные и волевые особенности могут выступать предикторами в определении особенностей личностной идентичности.

Стоит отметить, что одной из важнейших составляющих жизни молодёжи является прослушивание музыки. По мнению исследователя Дж. Хэрриса, ощущения при прослушивании музыки преобразуются в идеи, отражающие ценностные ориентации слушателя [6]. Заложённая автором идея на основе внутреннего сходства резонирует с эмоциями человека, определяя композицию как приятную или неприятную. Психология музыкальных предпочтений включает в себя не только влияние музыки на личность, но и объясняет психологические особенности слушателей разных стилей [5].

Таким образом, предпочитаемый музыкальный жанр можно рассматривать в качестве компонента идентичности, как представления о самом себе и других людях через многочисленные аспекты музыки.

Проблему исследования составило противоречие между достаточно тщательной изученностью компонентов личностной идентичности, и недостатком комплексных психологических исследований связи эмоционально-волевой сферы и статусов личностной идентичности в контексте музыкальных предпочтений в молодежной среде.

Эмпирическое исследование было проведено в формате онлайн-опроса, в котором приняли участие 50 человек в возрасте 19-25 лет.

В ходе исследования были использованы следующие методики: методика исследования личностной идентичности (Л.Б. Шнейдер); опросник «Шкала тревоги» (Ч. Спилбергер; адаптация Ю.Л. Ханин); опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова); методика «Тест эмоционального интеллекта» (М. Манойлова); анкета «Музыкальные предпочтения». Полученные данные были подвергнуты математико-статистическому анализу с помощью метода ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Установлено, что среди испытуемых доминирует диффузная идентичность (30%). Молодёжь, обладающую данным статусом идентичности, отличает отсутствие целостности и упорядоченности в самовосприятии, постановке жизненных целей, а также хаотичность в принятии ценностей. При условии неустойчивого ценностного отношения к собственной личности, они пребывают в постоянных сомнениях и отстранённости, что снижает их мотивацию к изменению. Для молодёжи с диффузной идентичностью подобное бездействие является более безопасным, чем апатия при столкновении с неопределённостью.

У 22% опрошенных был выявлен мораторий идентичности. Данный статус является наиболее актуальным для молодых людей, находящихся в состоянии кризиса выбора и поиске возможностей для профессиональной самореализации. Посредством рефлексии и активного исследования реалий окружающей действительности человек формирует истинное чувство идентичности и внутренней целостности.

В свою очередь, 20% респондентов имеют статус «Достигнутая идентичность», что может проявляться в сформированности значимых для личности убеждений, ощущении собственной ценности через призму субъективных оценок других людей. Высокий уровень рефлексии раскрывает возможности для реализации потенциала личности.

Псевдоидентичность была выявлена у 18% испытуемых. Данный статус представляет собой следующие возможные искажения в самовосприятии: отвержение своей уникальности, как личности, или гиперболизированную отчуждённость. Ещё одной гранью является гиперидентичность, которая может выражаться в слиянии образа «Я» с социальным статусом или ролью, сферой деятельности, другим объектом или субъектом.

Сравнительно меньший процент опрошенных обладают преждевременной идентичностью (10%), которая формируется при низком уровне автономии личности в совершении жизненных выборов. Принятые обязательства контролируются навязанной системой ценностей и убеждений, что значительно снижает толерантность к неопределённости.

В результате исследования особенностей эмоционально-волевой сферы молодёжи по трём показателям: тревожность, эмоциональный интеллект и саморегуляция, были сделаны следующие выводы: по выборке преобладает высокий уровень ситуативной (56%) и личностной (70%) тревожности, а также средний уровень развития саморегуляции.

По шкале «Моделирование» 46% респондентов обладают средним уровнем развития данного показателя. 50% молодёжи обладают средним уровнем программирования своих действий. Наибольший процент (48%) был получен по среднему уровню развития регуляторной гибкости, выражающейся в пластичности регуляторных процессов. 46% испытуемых обладают средним уровнем развития регуляторной автономности.

44% испытуемых характеризуется высоким эмоциональным интеллектом. Однако 84% опрошенных обладают низким уровнем понимания собственных переживаний, что находит выражение в неадекватном представлении о восприятии себя другими людьми.

48% имеют трудности с идентификацией чувств других людей. 74% опрошенных обладают способностью к управлению своими чувствами, что может проявляться в широте поведенческого репертуара, соответствующего ситуации. По шкале «Управление чувствами других» было выявлено, что 50% испытуемых обладает высоким уровнем развития данной способности.

На основе полученных результатов по анкете «Музыкальные предпочтения» можно сказать, что слушатели «поп-музыки» (24% по выборке) отмечают для себя следующие критерии выбора данного жанра: современность, ненавязчивость, простота, лёгкость, глубина текста, ритмичность.

Жанр «хип-хоп», как наиболее прослушиваемый, выбрали 22% опрошенных, среди которых 8% слушают классический вариант. Отличиями жанра «хип-хоп» от других, по мнению респондентов, является авторская подача, чувственность, тексты, в которых можно увидеть сходство со своей реальной жизнью и эмоциями.

Также испытуемыми были выделены следующие поджанры: «русский хип-хоп» и «фонк», который слушают 8% и 6% респондентов соответственно. Уникальность «русского хип-хопа» в отличие от классического заключается в следующих особенностях: атмосфера и разносторонность, смысл трека, вкладываемые автором, его подача, бит. В свою очередь, «фонк» является достаточно молодым поджанром, вдохновлённым Мемфис-рэпом 1990-х годов. Часто его определяют как «музыку поколения Z». Респонденты, выбравшие данный поджанр, отмечают в такой музыке энергичность, способствующую концентрации внимания, басы, использование эффектов.

Среди респондентов 16% выбрали жанр «рок», объясняя это следующими отличительными чертами: прилив адреналина, громкость музыкальных инструментов, манера исполнения, возможность эмоциональной разрядки при прослушивании, дух свободы, красивый вокал.

В свою очередь, 6% опрошенных предпочли жанр «R&B», обращая внимание при выборе на мягкость звучания, спокойный тон. Такое же количество испытуемых (6%) выбрали жанр «фолк» за его смысловую нагрузку, ощущение чего-то сказочного и древнего, причастность к родным корням через музыку.

На основе полученных данных по анкете «Музыкальные предпочтения» были сформированы укрупнённые группы испытуемых по трём жанрам: «поп-музыка», «хип-хоп» и «рок».

По результатам математико-статистической обработки данных выявлены следующие связи статусов личност-

ной идентичности и показателей эмоционально-волевой сферы у молодежи, имеющей разные музыкальные предпочтения:

- связь личностной идентичности с гибкостью ($r_s = 0,42$ при $p < 0,01$), моделированием ($r_s = 0,41$ при $p < 0,01$), уровнем саморегуляции ($r_s = 0,40$ при $p < 0,01$);
- корреляция статусов личностной идентичности с управлением своими чувствами ($r_s = 0,37$ при $p < 0,01$), осознанием своих чувств ($r_s = 0,36$ при $p < 0,01$), эмоциональным интеллектом ($r_s = 0,28$ при $p < 0,05$).

Не было выявлено статистически значимых связей личностной идентичности с показателями тревожности. Можно предположить, что молодые люди в настоящий момент подвержены большому количеству стрессоров, что может обуславливать высокий уровень ситуативной и личностной тревожности по всей выборке.

На основании выявленных связей дано описание содержательных характеристик молодежи, имеющей разные музыкальные предпочтения.

Так, слушатели «поп-музыки» характеризуются преобладанием диффузной идентичности и моратория, что находит свое отражение в особенностях эмоционально-волевой сферы молодёжи данной группы. Им свойственен низкий уровень саморегуляции, при котором снижена способность управлять своим поведением сообразно поставленной цели [3]. Низкий уровень развития моделирования, характерный для данной группы, приводит к выбору готовых решений, принятых другими людьми. Критерий современности музыки, который отмечали слушатели жанра «поп», подтверждает то, что уровень развития эмоционального интеллекта у них значительно выше, чем у слушателей других жанров. Социальная ориентированность выражается в том, что при выборе песни для них важна не только популярность музыки, но и эмоциональные реакции людей в момент её прослушивания. Всё это способствует развитию понимания эмоций и способностей к управлению своим эмоциональным состоянием.

Для слушателей «хип-хопа» характерна диффузная идентичность, что выражается в склонности людей сомневаться в принятии решений. Данная особенность проявилась в момент выбора музыки, когда среди различных поджанров молодёжи данной группы было трудно определиться с наиболее предпочитаемыми жанрами. Большинство показателей саморегуляции находятся у слушателей хип-хопа на среднем уровне, что говорит о развитом анализе в выделении условий деятельности для моделирования планов. Также можно отметить высокий уровень управления своими эмоциями при преобладании средних и низких значений по интеграль-

ному показателю эмоционального интеллекта. Отдавая предпочтение «хип-хоп» жанру среди других, молодые люди отмечают важность смысловой нагрузки песен, что подтверждает приоритетность смыслового компонента музыки над чувственной составляющей. Можно предположить, что, при рационализации эмоций, молодёжь данной группы лучше умеет управлять своими эмоциями, однако идентификация эмоций заметно снижается [1].

У слушателей жанра «рок» выявлено равное соотношение таких статусов, как преждевременная идентичность, диффузная идентичность и псевдоидентичность. В показателях саморегуляции у респондентов данной группы преобладают как низкие, так и высокие значе-

ния, что может подтверждать непостоянность идентичности, а также чередование гибкости и хаотичности поведенческих реакций в ответ на изменяющиеся условия. Слушатели рока отдают предпочтение подобной музыке, исходя из возможности при её прослушивании сбросить эмоциональное напряжение, однако это не способствует чувственному восприятию музыки, и, как следствие, препятствует развитию умений понимать чувства других людей и управлять силой выраженности своих эмоций.

Данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в работе психолога, направленной на формирование ценностно-смысловой сферы и развитие самоидентичности молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, И.Н. Современные представления об эмоциональном интеллекте и его месте в структуре личности / И.Н. Андреева // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. — 2017. — № 2. — С. 104-109.
2. Злоказов, К.В. Вопросы развития идентичности в работах последователей Эриксона / К.В. Злоказов // Педагогическое образование в России. — 2015. — № 9. — С. 155-161.
3. Моросанова, В.И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям / В.И. Моросанова // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2022. — № 3 (15). — С. 57-82.
4. Мухина, В.С. Возрастная психология: Феноменология развития и бытия личности. В 2 т. Т. 1: учебник для студентов ВУЗов / В.С. Мухина. — М.: Наука, 2022. — 671 с.
5. Пантелеев, А.Ф. Взаимосвязь музыкальных предпочтений и психологических особенностей слушателей музыки / А.Ф. Пантелеев // Известия Саратовского университета. Философия. Психология. Педагогика. — 2012. — №2. — С.67-72.
6. Ткачук, Д.А. В поисках музыкальной идентичности / Д.А. Ткачук // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2018. — Т. 11. — № 2. — С. 241-248.
7. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики // Л. Б. Шнейдер. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. — 128 с.
8. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / под общ. ред. А. В. Толстых. — М.: Флинта; Прогресс, 2006. — 341 с.
9. Marcia, J.E. Identity in adolescence / J. E. Marcia // Handbook of Adolescents Psychology // Jn. Adelson J. (ed.). — N.Y.: Wiley, 1980. — P. 159-189.

© Бузыкина Юлия Сергеевна (ylamart@yandex.ru), Тхак Александра Денисовна (alextkhak@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДХОД К АНАЛИЗУ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩНОСТИ

Комаров Вадим Владимирович

Кандидат педагогических наук, Самарский филиал
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации
komarov.sn1@yandex.ru

AN APPROACH TO ANALYZING THE DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF POTENTIAL HUMAN PROPERTIES AND COMMUNITY

V. Komarov

Summary: The article examines the potential of a person and community through the analysis of the dynamics of their development. The author introduces the concept of a potential property of the system and suggests for discussion a scheme of its development through the transition from the prepotential (unconscious) to the potential (conscious) – further, to the propotential (meaningful). The development curve of a potential property includes segments (stages of development) connected by points denoting meaningful and transitional characteristics of a dynamic structure: basal point, bifurcation point, activation and success points. The directions of further research on a given topic are indicated.

Keywords: human potential, community potential, potential property, prepotential, propotential.

Аннотация: В статье рассмотрены потенциал человека и общности через анализ динамики их развития. Автор вводит понятие потенциальное свойство системы и предлагает к обсуждению схему его развития через переход от препотенциального (неосознаваемого) – к потенциальному (осознаваемому) – далее, к пропотенциальному (осмысленному). Кривая развития потенциального свойства включает отрезки (этапы развития), соединенные точками, обозначающими содержательные и переходные характеристики динамической конструкции: базальная точка, точка бифуркации, точки активации и успеха. Обозначены направления дальнейшего исследования по заданной тематике.

Ключевые слова: потенциал человека, потенциал общности, потенциальное свойство, препотенциальное, пропотенциальное.

Введение

Понимание потенциала в гуманитарных исследованиях связано с ее имплицитным содержанием – скрытыми возможностями, которые могут быть использованы при определенных условиях для решения практических задач и достижения целей. Более того потенциал рассматривается «как направленность, придающая человеческой жизни ценность и смысл» [1, с. 47]. Данная трактовка обозначает экзистенциальную значимость потенциала, подчеркивает актуальность исследований в данном направлении, усиленную стремительной динамикой во всех сферах нашей жизни. В подтверждении тезиса можно отметить растущий в последние годы интерес научной общественности к данной тематике. Потенциал рассматривается исследователями с разных сторон и в разных аспектах: как человеческий, личный, трудовой, профессиональный, кадровый, лидерский, командный, адаптационный, духовный – и это еще не полный перечень. Увеличивается количество и междисциплинарных исследований, потому что проблему потенциала человека и общности по-другому рассматривать явно не продуктивно.

Мы определяем, что **потенциал**, как категория гуманитарного научного знания, обозначает *напряженность между актуальным ресурсным состоянием системы и возможностями использования этих ресурсов*. Разрядка данного напряжения приводит к переходу потенциальной психической энергии в актуальную. С другой стороны, потенциал – часть неразрывного диалектического процесса: актуальное порождает потенциальное, а потенциальное формирует актуальное. Значение потенциала как категории культурно-исторической эволюции человеческой общности велико. Можно сказать, что потенциал человека – это то, что *сохраняет культуру и творит историю*. Потенциал формируется и проявляется в целенаправленной деятельности человека или общности. Важной в понимании сущности потенциала становится категория *«границы возможного»* – эти условные границы «устанавливаются» с помощью сдерживающих или активизирующих потенциал факторов (внутренних и внешних), и могут «исчезать» в сознании индивида или в групповом сознании во время пиковой активности (например, в состоянии потока).

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2023 год «Определение места универсальных компетенций выпускника системы СПО в структуре ресурсов их трудовой адаптации».

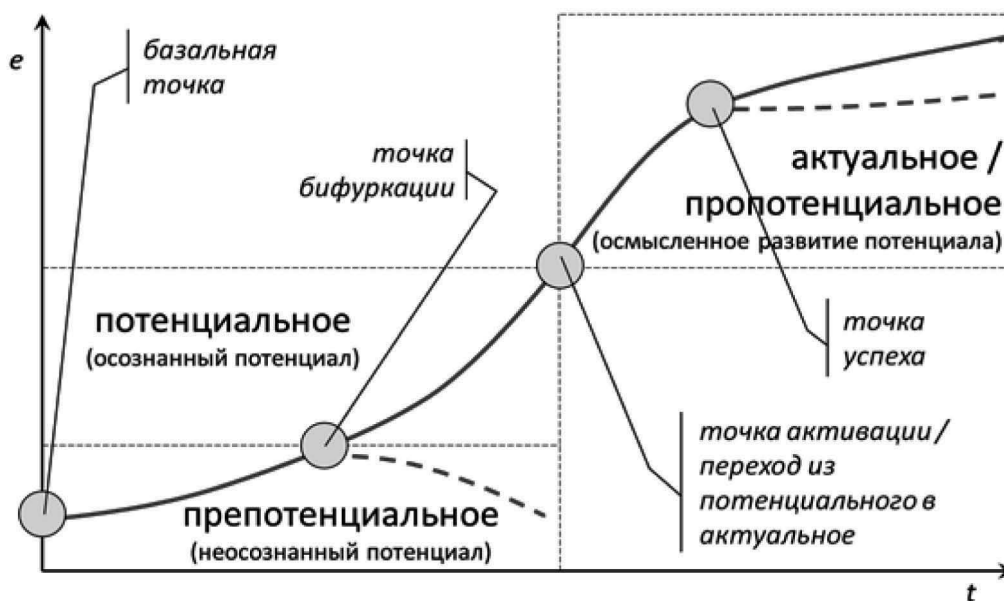

Рис. 1. Схема развития потенциального свойства системы

Схема развития потенциального свойства системы в гуманитарном исследовании

Потенциал системы (человека или общности) в гуманитарном исследовании состоит из взаимосвязанных потенциальных возможностей, находящихся в многоуровневом динамическом единстве, рассмотрение отдельных элементов которого в отрыве друг от друга возможно теоретически. Такие элементы назовем *потенциальными свойствами* системы, и для их описания используем нижеприведенную схему (Рисунок 1) и пояснения к ней.

Потенциальное свойство системы – это гибкая структура, включающая отдельные потенциалы индивидуумов (индивидуальные свойства, способности, черты характера, мотивы, установки и цели) и их совокупность в общности (больших, средних и малых группах, а также микрогруппах) – потенциалы общности, условно относящиеся к отдельной направленности деятельности, включенной в поле исследования. Потенциальным свойством можно считать, например, лидерский потенциал или потенциал музыкального творчества – в потенциале человека; потенциал слаженности, сплоченности, комплементарности – в потенциале малой группы; общекультурный потенциал или потенциал здоровья нации – в потенциале большой группы.

Кривая развития потенциального свойства включена в систему координат, где ось x обозначает время (t), а ось y – качественные характеристики, отражающие состояние потенциального свойства, назовем эту ось «эффективность» (e).

Первая точка кривой развития потенциального свой-

ства – ненулевой уровень эффективности и нулевой уровень времени – начало рождения системы, уже имеющей потенциал: индивидуальные свойства человека (Б.Г. Ананьев), включающие тип нервной системы, характеристики темперамента, задатки, способности и т.п.; в схеме развития потенциального свойства общности эта точка имеет тоже самое расположение: нулевой временной уровень – начало деятельности конкретной группы; ненулевая сумма индивидуальных свойств участников группы и ее синергетические производные. Эту точку назовем «базальной», следуя подходу польского психолога Казимежа Обуховского, разделяющему в схеме организации личности две достаточно автономные подсистемы: подсистему программирующих свойств личности (переработка информации) и базальную подсистему – формальные параметры личности, ее индивидуальные свойства [2].

Развитие потенциального свойства системы происходит не по прямой, а по экспоненте (непрерывный рост с коэффициентом), что обусловлено синергетическим эффектом взаимовлияния программируемой подсистемы, которая включается в работу на этом этапе, и базальной подсистемы. Это первый этап развития потенциального свойства – оно уже зарождено, но не готово к проявлению в реальности. Потенциальные возможности системы формируются, но пока не могут быть проявлены – это *препотенциал*, накопление ресурса, включающего разрозненные элементы, тяготеющие к объединению в целое. Используемая нами приставка *pre-*, происходит от лат. *prae* (перед, впереди) и означает предшествование, нахождение перед чем-либо. Это уже потенциал, но не воспринимаемый системой как ресурс, возможности.

К примеру, девочка, имеющая определенную консти-

туцию, гибкость, чувство ритма и понимание прекрасного может стать видной спортсменкой в художественной гимнастике или фигурном катании, но пока на горизонте жизненного пути не замаячили такие перспективы – эти потенциальные возможности скрыты и ждут своего часа. Их развитие все равно происходит: человек осваивает свои индивидуальные свойства, корректирует их, они дополняются, видоизменяются в процессе социализации. Обычно потенциал понимается в научных исследованиях именно как «скрытые способности и возможности, которые подлежат выявлению и включению в деятельность с целью более полной самореализации субъекта в ней» [3, с. 75]. Другой пример может продемонстрировать развитие группового потенциального свойства: созданная проектная группа из специалистов, ранее не работавших друг с другом, не понимающих на что способны другие участники команды, на первом этапе своего существования представляет собой довольно аморфное объединение, которому предстоит стадия знакомства, притирки для понимания своих групповых потенциальных возможностей.

Вклад индивидуальных свойств в процесс развития личности и, в целом, в эволюционно-исторический процесс (А.Г. Асмолов), рассматривается в психологической науке как предпосылки этого развития, усиливающие свое влияние через преобразование в целенаправленной деятельности. Биологическое и социальное в человеке неразрывно связано, это выражается прежде всего в том, что индивидуальные (биологические, генетические) свойства подготовлены к совместной деятельности, социальному образу жизни, способствуют включению в него, преобразуются под его влиянием. В процессе онтогенеза и социогенеза препотенциальное дополняется информацией о мире, знаниями, навыками, а задатки и в целом индивидуальные качества преобразуются с учетом этого развития: подстраиваются под образ жизни, компенсируются при напряженности их соответствия появляющимся жизненным смыслам.

Вторая точка кривой развития потенциального свойства – точка *бифуркации* (от лат. *bifurcus* – «раздвоенный», разделение, разветвление). Это тот момент развития системы, когда потенциальные свойства, заложенные природой и уже дополненные в процессе социализации, или станут проявлять себя через разного рода явления (в индивидуальном и групповом поведении, мыслях и эмоциях, коллективном творчестве и т.д.) или останутся запертыми в клетке страхов, запретов, самоограничений.

Возвращаясь к нашей одаренной, но еще не знающей об этом девочке, представим, как она заворуженно наблюдает за грациозно двигающейся гимнасткой или фигуристкой. Очарованная красотой движения, девочка преображается: «Я тоже хочу также красиво двигаться».

Осознавая ситуацию такой, девочка может принять решение вступить на путь спортивной карьеры, начать целенаправленную деятельность. Или же девочка грустно опускает глаза и думает: «Я так никогда не смогу, у меня все равно не получится». Не будем вдаваться в подробности того, какие сценарные планы привели ее ко второму заключению (очевидно, что программируемые свойства могут работать как в плюс, так и в минус относительно уверенности в своих потенциальных возможностях), но нам интересен сам выбор: в точке бифуркации происходит *осознание возможности или невозможности* перехода потенциального в актуальное; здесь динамика потенциального свойства или приобретает дополнительное ускорение или замедляется, оставаясь нереализованной надеждой или несбыточной мечтой.

В данном примере наглядно продемонстрировано как личность задает «означение» своим индивидуальным свойствам и определяет направленность потенциала, делает осмысленный выбор цели и средств ее достижения, что приводит не только к профессиональному самоопределению (выбору профессионального стиля), но и становлению индивидуальности (выбору индивидуального стиля). Индивидуальный стиль по Е.А. Климову – это «индивидуально сообразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными... условиями деятельности» [4, с. 48].

В групповом примере нахождение в точке бифуркации выглядит аналогично: группа или успешно проходит стадию притирки и «ближнего боя», перейдя к целенаправленной деятельности, или, терзаемая межличностными противоречиями, распадается, так и не начав полноценную совместную деятельность.

Позитивное разрешение бифуркационной коллизии переводит систему в этап «*проб и ошибок*», когда наращиваются потенциальные свойства уже на мотивационно-целевой основе. Запуск мотивационных механизмов происходит, когда *неосознаваемые* препотенциальные свойства стали *осознаваемыми*, а значит перестали быть препотенциальными. На этом этапе стоит ожидать движение кривой развития потенциального свойства по еще более крутой экспоненте. Степень значения этапа определяется тем, как пройдет проверка потенциального свойства на прочность: система проверяет потенциальное, предоставив ему возможность себя показать в деле (в деятельности).

Наша девочка приходит в спортивную секцию, с большой долей вероятности, при содействии референтных старших – содействие мы рассматриваем не только как основу социализации, но и как существенный механизм в развитии потенциальных свойств личности. В секции

юная спортсменка через пробы и ошибки как бы тестирует свои потенциальные возможности – оценивает (сознательно и неосознанно) их размер и силу, превращает их в навыки. Важно отметить, что развитие навыков происходит на протяжении всей жизни индивида на основе индивидуального опыта, что убедительно показывает Н.А. Бернштейн на примере развития моторики [5]. Тренировка по закреплению умений и формированию навыков является, пожалуй, основным инструментом перевода потенциального в актуальное. «Вся диалектика развития навыка как раз и состоит в том, что там, где есть *развитие*, там каждое следующее исполнение лучше предыдущего, т.е. *не повторяет его*; поэтому упражнение есть, в частности, *повторение без повторения*» [5, с. 327].

Этап «проб и ошибок» на примере группы выглядит, как экспериментирование в групповой деятельности, сопровождающееся нарастающей интериоризацией общих целей и ценностей в личностное пространство каждого. На этой основе формируются групповые навыки, появляется слаженность в совместной работе, точнее, в выполнении отдельных ее элементов. Более четко обозначаются ролевые установки, появляются симпатии и антипатии, формируются микрогруппы.

Третьей точкой кривой развития потенциального свойства становится *точка активации* потенциала (*переход потенциального в актуальное*) – уверенное проявление потенциальных свойств в деятельности, которое ощущается, например, через чувство компетентности и профессионализма в работе, а также в состоянии потока (по М. Чиксентмихайи, когда то, что ты делаешь приносит ощущение счастья, потому что способности и нетривиальная трудность, сложность, заложенная в деятельности, находятся в равновесии [6]).

Девочка, из нашего примера, уверенно выступает на соревнованиях, ей нравится свой новый статус спортсменки, у которой получаются даже сложные элементы. Освоенная «роль для себя» может считаться результатом перехода потенциального в реальное: «я могу это делать, я стал(а)... (кем-то, каким-то)». Группа в данной точке переживает свой первый командный успех, зарождается «Мы-чувство», пока как предчувствие сплоченности, мощности коллективного действия.

Активизация потенциала возможна как извне (внешняя детерминация), так и изнутри (внутренняя детерминация). Внешняя детерминация объективизации потенциала в деятельности осуществляется через воздействие на человека со стороны общности, других людей, через заданные социальной средой рамки взаимодействия. Внутренняя детерминация обусловлена субъективной активностью человека, его способностью к самоопределению, самодетерминации (С.Л. Рубин-

штейн), ярко проявляемой в творческой деятельности. Внутренняя детерминация творческой деятельности рассматривается как акт субъектной активности по созданию образа нового или обновленного объекта, протекающей в виртуальном пространстве личностного потенциала, инициированной его сущностными силами, потребностями и способностями [7, с. 182]. Внутренняя и внешняя детерминация активизации потенциала – взаимодополняющие и взаимообуславливающие понятия, их стоит рассматривать как единый процесс, имеющий две стороны.

После перехода потенциального в актуальное, развитие потенциального свойства не завершается, что следовало бы ожидать, но потенциальные возможности человека безграничны, а значит мотивационно-целевая сфера будет подвигать его на движение вперед, на развитие собственных систем, интеграцию потенциальных свойств, стремление к самоактуализации, проявление лучшего в себе в совместной деятельности. Это идеальная модель. Ее мы можем наблюдать, видя непрерывный рост профессионализма увлеченного человека, или новые успехи сплоченной проектной, управленческой или спортивной команды. Майкл Мэрфи, в работе «Будущее тела» показывает, что человек реализует за свою жизнь только небольшую часть своего потенциала, и определяет направления поиска причин этого и возможностей дальнейшей эволюции человека, способного максимально использовать свой потенциал. Ученый считает, что «каждая социальная группа стимулирует развитие только каких-то определенных человеческих способностей, пренебрегая другими или подавляя их, мы все больше начинаем понимать, что все мы обладаем огромным потенциалом в плане развития» [8, с. 21].

Если на этапе препотенциала сам потенциал был не осознаваем, а на следующем потенциальном этапе уже осознаваем, то на этапе реального проявления потенциала – он становится *осмысленным*, встроенным в смысловую карту личности или общности. Этот этап можно назвать *пропотенциал*. Здесь приставку *про-* мы используем в ее старорусском значении «ради», «для», т.е. придаем понятию потенциал смысловое значение, переносим его из операциональной сферы (сферы возможностей – при анализе потенциала общности) в сферу направленности – ценностно-мотивационную.

На этом этапе особое значение имеют установки и ценности индивидуума или преобладающие в культуре общности, определяющие отношение к действительности, миру: как к тому, что должно быть стабильным или тому, что изменчиво и способно развиваться. Стремление к стабильности воспринимается в современном быстроменяющемся мире как неплохая, но утопическая идея. Приверженцы стабильности считаются консерваторами – противниками инноваций и развития. Такая

установка сдерживает развитие потенциала системы. Сторонники прогресса, понимающие неотвратимость изменений и важность управления этим процессом отличаются инициативностью и проактивным поведением. Инициативность/проактивность «определяется как устойчивое стремление индивида сосредотачивать свое внимание, силы, ресурсы на формировании образов желаемого будущего — как лично своего, так и доверенных ему дела, деятельности, субъектов, объектов, а также на их реализации, воплощении в жизни» [9, с. 6].

Здесь мы видим неразрывную связь развития каждого индивидуума, общества и мира в целом, как понятия, объединяющего сущее. В этой сингулярности и происходят процессы превращения потенциального в актуальное через *исполненность* развития совершенствующегося субъекта, который, в процессе эволюции может: раскрыть как самого себя, так и дать дорасти до полноты всему сущему [10, с. 5]. Для индивидуума такое восприятие жизни зарождается на пути становления личности и закрепляется при осознании своей индивидуальности.

Стоит предположить, что переход потенциально-го свойства в актуальное в групповой деятельности происходит на стадии изменений: согласно теории неустойчивого равновесия развитие группы происходит скачкообразно – периоды стабильности чередуются с относительно краткосрочными стадиями изменений [11; 12]. Понимание подобных механизмов перехода в общностях, в том числе больших группах – задача отдельно исследования.

Путь осмысленного развития потенциала труден, т.к. требует все больше и больше усилий: по нашей гипотезе после третьей точки на схеме развития потенциально-го свойства системы экспонента через какое-то время становится менее крутой – ее непрерывный рост замедляется, но не прекращается. Конечно, эта гипотеза требует своего экспериментального подтверждения, как и общая гипотеза об этапах развития потенциального свойства, что включено в планы нашего дальнейшего исследования.

Точку начала замедления на этапе после перехода потенциального в актуальное мы назвали *точкой успеха* – это четвертая точка нашей схемы, после которой траектория развития потенциала мало предсказуема. Это может быть второй точкой бифуркации: достигнутый успех по-разному воспринимается людьми, кого-то это может раззадорить на новые, еще более высокие достижения, кто-то успокоится на достигнутом и будет «почивать на лаврах», кто-то воспримет ситуацию успеха как аванс или невозможное (случайность), которое нужно подтвердить новым успехом. За точкой успеха возможно движение к цели по достижению *самоактуализации*.

Идея заложенных в человеке самоактуализирующихся потенциалов стала основной идеей гуманистической психологии. «Процесс разворачивания и раскрытия заложенных потенциалов описывался в русле этого подхода в терминах «полноценного человеческого функционирования» (К. Роджерс), «самоактуализации» (К. Гольдштейн, А. Маслоу), «самореализации» (Ш. Бюлер), «личностного роста» (К. Роджерс, К. Мустакас). Прикладная ветвь этого движения получила известность под названием «движение человеческого потенциала» [1, с. 46]. Яркий представитель гуманистической психологии Карл Роджерс под стремлением к актуализации понимает свойственную всем живым организмам направленность – стремление к росту, развитию, созреванию, стремлению проявлять и активировать все способности организма в той мере, в какой эта активация способствует развитию организма и личности [13]. Другой представитель гуманистической психологии Абрахам Маслоу поместил самоактуализацию на вершину пирамиды потребностей человека. Самоактуализация по Маслоу – это непрерывная реализация потенциальных возможностей, способностей и талантов, как свершение своей миссии, или призвания, судьбы и т.п., как более полное познание и, стало быть, приятие своей собственной изначальной природы, как неустанное стремление к единству, интеграции, или внутренней синергии личности. Одновременно с этим самоактуализация определяется им как полное использование талантов, способностей, возможностей [14]. Путь осознанного развития человеком своего потенциала, начинающийся после его пробуждения в точке активации по нашей схеме, – это *путь самоактуализации личности*.

Заключение

Развитие потенциального свойства встраивается в социально-исторический и культурный контекст общности. Особенность и некая парадоксальность этого процесса в том, что мы имеем неповторимый состав индивидуальных качеств и личностных характеристик: представители одного биологического вида уже рождаются разными – с разным генетически обусловленным набором свойств, а далее, даже находясь в одинаковой среде в рамках заданной общности, по-разному осваивают эту среду – имеют отличительные характеристики личности, формируют свою индивидуальность. Как же в этой неразберихе выявить закономерности и установить взаимосвязи? Общее мы находим в процессах, а не в результатах. Человек как субъект деятельности проявляется себя на основе социальной обусловленности – «общество... предоставляет «кирпичики», из которых индивид строит свою жизнь» [15, с. 57]. Можно ли при такой постановке проблемы прогнозировать развитие потенциальных свойств и, в целом, поведение личности? Ответ на этот вопрос стоит искать в анализе факторов, детерминирующих эти процессы. Этими факторами, по мнению

В.А. Ядова, «наряду с объективно заданными конкретными социальными обстоятельствами и общественными функциями, следует считать различные структурные образования субъективных отношений индивида к внешнему миру, которые, в свою очередь, подлежат объяснению со стороны конкретных условий его социализации и его индивидуально-природных особенностей» [16, с. 17].

В целом, проблематика детерминации потенциала и динамики его формирования – активации – развития требует детального рассмотрения, что является целью нашего дальнейшего исследования. Кроме того, нерешенными проблемами остаются вопросы соотношения схемы развития потенциальных свойств с периодизацией психического развития человека. Очевидно, что первые этапы становления личности и начало развития ее потенциальных возможностей соответствуют друг другу, при этом дальнейший ход жизненного пути и темпов психического развития происходит индивидуально и не совпадает по отдельным потенциальным свойствам (группам свойств) даже у конкретного человека, не говоря уже о разности сравнительных характеристик развития разных людей.

Проблема, в которую стоит еще погрузиться – это соотношение особенностей конкретных этапов развития личности с тем, как в соответствии с этими этапами проявляет себя личность, развивая и реализуя свои потенциальные свойства. Учитывая особенности ведущей деятельности на разных этапах развития человека, мы

можем утверждать, что выбор в точках бифуркации в схеме развития потенциальных свойств будет отличаться в зависимости от уровня развития личности. Более того, с каждым следующим этапом жизни человек по-новому воспринимает свои потенциальные возможности, переоценивает их с позиций «нового» психологического возраста, с учетом жизненного опыта и, «добавленных» в ходе его получения, личностных смыслов. Дополнительно здесь стоит изучить вопрос о влиянии внешних факторов на выбор в точке бифуркации.

И третьей нерешенной проблемой мы обозначим анализ стратегии, вырабатываемой человеком, желающим реализовать себя в определенной деятельности, при недостатке потенциальных ресурсов. Может ли бифуркационный выбор происходить в пользу использования недостаточно наполненного потенциального свойства? Мы знаем много примеров, что может: человек, получающий отрицательную обратную связь о своих возможностях заниматься какой-либо деятельностью, «назло» этим оценкам, стремясь к своей мечте, развивает себя, тренирует навыки, повышает уровень знаний и добивается, наконец, уважения референтной группы или профессионального сообщества. В основе такого жизненного выбора лежит потенциал индивидуально: упорство, воля, характер. Задача будущих исследований – изучить влияние этих и иных характеристик на реализацию недостаточно выраженных потенциальных свойств и их развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванченко Г.В., Леонтьев Д.А., Плотнокова А.В. Идея потенциала в науках о человеке: от «человеческого потенциала» к личностному / в кн.: Личностный потенциал. Структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Издательство Смысл, 2011. С. 43-56.
2. Обуховский К. Психологическая теория строения и развития личности / К. Обуховский // Психология формирования и развития личности / Ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1981. с. 45-67.
3. Вязникова Л.Ф., Горбанева А.В. Личностный потенциал как объект психологических исследований: пространство смыслов // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9, № 2. С. 71-76.
4. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы: к психол. основам науч. организации труда, учения, спорта. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. 278 с.
5. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / в книге: Физиологии движения и активности. М.: Наука, 1990. 495 с.
6. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2013. 464 с.
7. Жбанков А.А. Философско-теоретический аспект проблемы «личностный потенциал» человека // Глобальный научный потенциал. 2019. № 10(103). С. 180-183.
8. Мерфи М. Будущее тела: исследование дальнейшей эволюции человека / пер. с англ. М. Ошуркова и др. М.: РИПОЛ классик: Открытый мир, 2010. 912 с.
9. Чанько А.Д. Управленческая команда как источник динамических способностей фирмы // Российский журнал менеджмента, 2008. Том 6, № 1. С. 3–24.
10. Агапов О.Д. Антропологическая практика как невозможная возможность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 1. С. 4-8.
11. Gersik C. J.G. Revolutionary Change Theories: A Multilevel Exploration of the Punctuated Equilibrium Paradigm // Academy of management journal. 1991. Vol. 16. No. 1. P. 10-36.
12. Romanelli E., Tushman M.L. Organizational transformation as punctuated equilibrium: An empirical test // Academy of management journal. 1994. Vol. 37. No. 5. P. 1141-1166.
13. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / общ. ред. и предисл. Е.И. Исениной. М.: Изд. группа «Прогресс»: Универс, 1994. 480 с.

14. Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутмана, Н. Мухиной; ред. Е. Ильин. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
15. Резвицкий И.И. Философские основы теории индивидуальности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 174 с.
16. Ядов В.А. Регуляция и саморегуляция социального поведения личности: постановка проблемы / Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПИМ, 2013. 376 с.

© Комаров Вадим Владимирович (komarov.sn1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ ОТ РОДИТЕЛЕЙ

Косолапова Анастасия Владимировна

Старший преподаватель, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»
avkosolapova@mail.ru

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF PSYCHOLOGICAL SEPARATION FROM PARENTS

A. Kosolapova

Summary: The article provides an overview of domestic and foreign studies of cross-cultural aspects of psychological separation from parents. It is noted that, in general, the separation of young people in Russia differs from the separation in Western countries. This fact is explained by both cultural and historical (caring attitude towards children, collectivist orientation, child-centrism) and socio-economic characteristics of different countries. However, as a rule, the studies available today either consider the gender aspects of separation, or are limited to one culture and one people. Moreover, these studies are often contradictory. It is concluded that the cross-cultural features of the transition to a state of personal autonomy and the problem of the influence of psychological separation on the quality of social functioning and human viability require further study. In particular, the effect of the separation process on the formation of viability and vision is of interest.

Keywords: separation from parents, individualization, cross-cultural paradigm, criteria of psychological separation.

Аннотация: В статье дается обзор отечественных и зарубежных исследований кросс-культурных аспектов психологической сепарации от родителей. Отмечается, что, в целом, сепарация молодежи в России отличается от сепарации в западных странах. Объясняется данный факт как культурно-историческими (опекающим отношением к детям, коллективистской направленностью, детоцентризмом), так и социально-экономическими особенностями разных стран. Однако, как правило, имеющиеся на сегодняшний день исследования либо рассматривают гендерные аспекты сепарации, либо ограничены какой-либо одной культурой и одним народом. Более того, нередко эти исследования носят противоречивый характер.

Делается вывод о том, что кросс-культурные особенности перехода к состоянию личной автономии и проблема влияния психологической сепарации на качество социального функционирования и жизнеспособности человека требуют дальнейшего изучения. В частности, представляет интерес влияние процесса сепарации на формирование жизнеспособности и зрелости молодежи в контексте сравнения и сопоставления трех различных общественных и культурных образований: Западная Европа, Азия, Россия, каждая из которых обладает идентичностью, особенностями менталитета, социальными и культурно-историческими особенностями.

Ключевые слова: сепарация от родителей, индивидуализация, кросс-культурная парадигма, критерии психологической сепарации.

Психологическая сепарация от родителей в широком смысле – это процесс дифференциации, разъединения с родителем, выход из «симбиотических отношений», в узком смысле – сложный процесс перестройки детско-родительских отношений в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферах, что приводит к изменению самосознания личности молодых людей, к изменению функционирования всей семейной системы

Критериями успешно завершённой сепарации являются умение самостоятельно распоряжаться своей жизнью; стремление, желание и умение без помощи родителей принимать ответственные решения и не бояться брать ответственность за них на себя и т.д. Незавершённая сепарация может приводить к крайне негативным серьёзным последствиям и выражаться в низкой самооценке, боязни ответственности за принятые решения. Люди с такими проблемами излишне зависимы от чужого мнения, боятся своих желаний и не перестают сомневаться в правильности своих целей. В результате они отказываются устанавливать для себя цели, рассматривают себя в качестве объекта социальных отно-

шений, зачастую в роли жертвы. Отсюда актуальность исследования данной проблемы не вызывает сомнений. При этом в современном многонациональном обществе, в условиях глобализации и интернационализации чрезвычайно актуально изучение особенностей процесса психологической сепарации от родителей в кросс-культурной парадигме.

На сегодняшний день данный аспект сепарации достаточно активно исследуется как в зарубежной, так и отечественной психологии (С.С. Chen, S.M. Barbas, J. Lapsley, D. Mullins, В.П. Дзукаева, О.А. Карабанова, Т.В. Петренко, Н.Н. Поскребышева, Л.В. Сысоева и др.), при этом в литературе встречаются различные мнения о влиянии культурно-исторического фактора на успешность сепарационного процесса. Так, например, М. Эйнсворт, проведя кросс-культурные исследования, выяснила, что взаимоотношения детей и родителей в раннем возрасте не зависят от культуры. Автор подчеркивает врожденный характер действий младенца и его родителя (Цит. по: [3]).

Вместе с тем, известны исследования, доказывающие

обратное. Более того, работы западных психологов о сепарации в подростковом возрасте сильно отличаются от работ восточных исследователей. Так, например, П. Блос, Э. Эриксон и др. разъясняют важность индивидуального разделения и дифференциации, тогда как азиатские исследователи, в частности, N.A. Nguyen утверждает, что «...разделение и индивидуализация становится ужасной задачей» для родителей-иммигрантов из Азии и их детей» [14, с.212]. Важно отметить, что процесс сепарации и индивидуализации является западной конструкцией и, по словам С.С. Нuh, «по мнению ведущих межкультурных компетентных теоретиков, может быть неприменим к восточным коллективистским культурам» [12, с.112].

С.С. Нuh проведено исследование, цель которого состояла в том, чтобы изучить, как американцы корейского происхождения во втором поколении проходили сепарацию в подростковом возрасте. Кроме того, проект рассматривал применимость западной концепции теории разделения-индивидуации к конфуцианским коллективистским культурам. Предыдущее исследование этого психодинамического процесса было сосредоточено на западном идеале, согласно которому эта стадия развития жизненно важна для психологического формирования молодого человека во взрослую жизнь.

В результате этого исследования было сделано несколько важных выводов, которые удивительно совпадают с теоретической литературой об опыте корейско-американского населения во втором поколении. Основные результаты исследования показали, что подростковый возраст не признается стадией развития; разлука с родителями отложена во взрослую жизнь; участники отражали семейную, а не индивидуалистическую идентичность; участники перенимали культуру своих родителей по мере взросления; участники разработали стратегии адаптации, чтобы согласовать свою множественную идентичность, и участники были безмерно благодарны своим родителям и своей культуре [12].

Так, в частности, С.С. Нuh обращает внимание на то, что, хотя ответы участников варьировались в зависимости от их личного опыта подросткового возраста, многие из них отмечали, что в большинстве азиатских культур не существует стадии развития, напоминающей подростковый возраст. Этот вывод подтверждает исследование, в которых утверждается, что западная концепция подросткового возраста и формирование психосоциальной идентичности в этот возрастной период в азиатской культуре отсутствует: человек переходит непосредственно из детства во взрослую жизнь [16].

Автор исследования проводит параллели с предыдущими исследованиями, в которых утверждается, что азиатские родители воспринимают детей как свою ответственность и их продолжение на протяжении всей своей

жизни [16], а также что процесс сепарации-индивидуации не только отличается в конфуцианских коллективистских культурах, но и противоречит традиционным западным представлениям о том, что те, кто успешно завершил сепарацию и индивидуализацию в подростковом возрасте, имеют более прочную основу для успеха во взрослой жизни [8; 11]. В частности, К.Н. Choi доказывает, что поддержание психологической взаимозависимости с родителями оказалось более адаптивной формой развития для поздних подростков корейско-американского происхождения. Другими словами, задержку или отсутствие разделения и индивидуализации у американского подростка азиатского происхождения не следует рассматривать как признак незрелости. Напротив, некоторые исследователи утверждали, что зависимость и сохранение тесных семейных связей могут быть не патологическими, а, скорее, необходимыми для выживания семьи [10; 17; 18].

Ведутся исследования и на российских выборках, в которых доказывается, что западноевропейские юноши и девушки значительно более самостоятельны в плане выстраивания собственной жизни, нежели их российские сверстники. Как отмечают многие исследователи, «дестабилизация этно-родовых систем и отрыв личности от семейных структур, детерминирующих жизнедеятельность, ведет к формированию у людей новых личностных качеств, позволяющих им ориентироваться в организации жизни на более высоком субъектном уровне» [7, с.156].

Существует ряд теорий по развитию личности, доказывающих, что наибольший уровень эмоциональной независимости от родителей наблюдается в странах, которым присущ индивидуалистический тип культуры (например, западноевропейские страны, Канада, США), а наименьший – в странах с коллективистской культурой (Россия, Китай, Япония пр.). Как показали эмпирические исследования, при индивидуалистической культуре особой ценностью обладает автономность и самостоятельность человека (развитию которых способствует успешное завершение сепарации), при коллективистской культуре – наиболее ценным считается наличие «взаимозависимости» (interdependence) между членами семьи, а развитие личности детей сопровождается сохранением связанности (relatedness) с родителями [9; 13].

Процесс сепарации от родителей в России происходит не так, как это происходит в большинстве западных стран. В нашей стране многопоколенные семьи, где молодые родители зачастую отыгрывают роль «больших детей», считается вполне нормальным [2]. Как отмечает А.Я. Варга, психологическая сепарация в российских семьях имеет важную особенность, поскольку данный процесс по большей части является отделением от матери, поскольку в отечественной культуре роль главного воспитателя отведена именно матери [1].

По мнению Л.В. Сысоевой и Т.В. Петренко, возможно, одна из причин проблемной сепарации кроется в общинном образе жизни русского народа. Крестьянские общины, казачьи станицы с определенным общинным укладом жизни, где совместно принимались на сходках решения – весь быт русского народа до начала XX века был пронизан коллективными формами взаимодействия. Советская власть также выстраивала общинную систему, каждый чувствовал себя частью целого, стремился к достижениям ради других, но не ради себя, был носителем идей равенства, братства, справедливости [6].

Это также подтверждается эмпирическими исследованиями зарубежных психологов. Так, например, в работе С. Thoennissen, E.V. Wendt, F. Schmahl и др. изучались особенности сепарации-индивидуации юношей и девушек (N=114; ср. возраст 21,8 год) в отношениях с родителями, проживающими в различных европейских странах: Швеции, Германии, Италии. Исследователи подтвердили, что процесс сепарации-индивидуации осложняется сверхсплоченными семейными отношениями и совместным проживанием с родителями, по сравнению с разделенным типом отношений и отдельным проживанием взрослых детей и родителей. Особенно ярко это проявилось у юношей и девушек, проживающих в Италии, менее всего – в Швеции, средние показатели – в Испании и Германии [4].

Одна из западных теорий, которая трактует особенности русской «души», ссылается на тугое пленение грудных детей на Руси (М. Мид, Э. Эриксон, С. Горер). В «Гореровской теории» русская душа рассматривается как «спеленутая душа». Так русские демонстрируют младенцам сильную и внешнюю власть, в результате чего их дети терпеливые, послушные и покорные [4].

Н.Н. Поскребышева и О.А. Карабанова тщательно проанализировали основные траектории отделения от родителей и влияние социального контекста на самостоятельность подростков [5]. О.А. Карабанова особое внимание уделяла объективному и субъективному аспекту социальной ситуации развития (ССР). При этом объективными аспектами являются объективная позиция ребенка в системе социальных взаимоотношений

и «иерархия социальных контекстов», субъективными – система ориентирующих образов. Автор считает, что в культурно-историческом аспекте процесс развития личностных особенностей ребенка обусловлен решением диалектического противоречия между старой ССР и рядом психологических новообразований возраста. Все это вызывает изменение ССР, которая отражает взаимоотношения ребенка с окружающими [5]. Таким образом, для формирования у взрослеющего ребенка новой позиции при взаимоотношениях с отцом и матерью, нужно успешно решить возрастной кризис развития и перейти к новому психологическому возрасту.

Одновременно с этим исследователи указывают на существование общих (как минимум, для западноевропейской и североамериканской культур) особенностей психологического отделения детей от родителей. Так, с возрастом сепарационный процесс усиливается; у юношей сепарация происходит в большем объеме, чем у девушек; дети достигают большей сепарации с отцом по сравнению с матерью [9; 15].

Итак, незавершенность процесса психологической сепарации во многих российских семьях – это достаточно понятный феномен воспитательных моделей и русских традиции, которые сложились в культурологическом пространстве. Поэтому можно говорить о сильном влиянии русской культуры на семейный уклад и, соответственно, процесс адаптации детей во взрослом мире. При этом относить российское общество к азиатским обществам неверно, в связи с чем важно выявить характер сепарации молодежи от родителей в связи с культурно-специфическими факторами сепарации и принадлежностью молодого человека или девушки к западному обществу, азиатскому или российскому. В частности, перспективным направлением исследований является выявление влияния процесса сепарации на формирование жизнеспособности и зрелости молодежи в контексте сравнения и сопоставления трех различных общественных и культурных образований: Западная Европа, Азия, Россия, каждая из которых обладает идентичностью, особенностями менталитета, социальными и культурно-историческими особенностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейкер К., Варга А.А. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. – М.: Когито-Центр, 2008. – 496 с.
2. Варга А.А., Драбкина Т.С. Системная семейная психотерапия. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с.
3. Волошкина О.В. Привязанность и ее влияние на процессы сепарации // Молодой ученый. – 2018. – № 49. – С. 219-221.
4. Дзукаева В.П. Психологическая сепарация от родителей в юношеском возрасте: эволюция теоретических представлений и примеры современных исследований // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 71-76.
5. Поскребышева Н.Н., Карабанова О.А. Возрастно-психологический подход в исследовании личностной автономии подростка // Национальный психологический журнал – 2014. – № 1. – С. 74-85.
6. Сысоева Л.В., Петренко Т.В. Стиль семейного воспитания как фактор формирования личностной автономии в студенческом возрасте // Современная наука: опыт, проблемы и перспективы развития: материалы Межд. (заочной) научно-практ. конф. – М., 2015. – С. 76-82.

7. Шабельников В.К. Функции семьи в психологических напряжениях современного общества // Психологические проблемы современной семьи: сб. тезисов VI Межд. научн. конф: сб. тез. / под ред. Карabanовой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягиной Н.Н. (Москва – Звенигород, 30 сентября – 4 октября 2015 г.) – М., 2015. – С. 153-158.
8. Baer J.C., Prince J.D., Velez J. Fusion or familialism: A construct problem in studies of Mexican American adolescents // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. – 2004. – V. 26 (3). – P. 263-273.
9. Barrera A.M., Blumer M.L. Revisiting Adolescent Separation-Individuation in the Contexts of Enmeshment and Allocentrism // *The New School Psychology Bulletin*. – 2011. – Vol. 8. – № 2. – P. 70–82.
10. Choi K-H. Psychological separation-individuation and adjustment to college among Korean American students: the roles of collectivism and individualism // *Journal of Counseling Psychology*. – 2002. – V. 49 (4). – P. 468-475.
11. Erikson E.H. *Identity: Youth and crisis*. – New York: W.W. Norton, 1968. – 209 p.
12. Huh C.C. What do you mean, «separate identity»? an exploration of separation and individuation for second generation Korean American adolescents. – Master's Thesis, Smith College, Northampton, MA, 2008. – 128 p.
13. Kagitcibasi C. Autonomy and relatedness in cultural context: Implications for self and family // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2005. – № 36. – С. 403.
14. Nguyen N.A. Living between two cultures: Treating first-generation Asian Americans // Vargas L.A., Koss-Chioino J.D. *Working with culture: Psychotherapeutic interventions with ethnic minority children and adolescents*. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1992. – P. 204-222.
15. Saraiva L.M., Matos P.M. Separation-individuation of Portuguese emerging adults in relation to parents and to the romantic partner // *Journal of Youth Studies*. – 2012. – Vol. 15. – № 4. – P. 499-517.
16. Segal U.A. Exploring child abuse among Vietnamese refugees // *Journal of Multicultural Social Work*. – 2000. – V. 8 (3/4). – P. 159-191.
17. Wong L., Mok M.R. Asian American young adults // Lee E. *Working with Asian Americans*. – New York: The Guilford Press, 1997. – P. 196-207.
18. Yang K.L. The relationships among family dynamics, interpersonal competence and psychological adjustment in late adolescence and young adulthood: A Taiwanese sample: *Dissertation Abstracts International Section A: Humanities and Social Sciences*, 60 (5-A). – 1999. – November.

© Косолапова Анастасия Владимировна (avkosolarova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРУДА СОТРУДНИКОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Кузьмичева Алла Александровна

*К.ф.н., доцент, Московский авиационный институт
(государственный технический университет)
allamai@list.ru*

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE WORK OF SOCIAL WORKERS

A. Kuzmicheva

Summary: The syndrome of "professional burnout" in the professional activities of social sphere employees is studied in connection with the fact that the specifics of the work of social sphere employees require their constant tension and emotional return. At a certain stage of their work, they began to lose interest in work, formally relate to their duties, and conflict with colleagues. The problem is complex and requires social and ergonomic measures to improve labor efficiency. Work with the population forms a specific state of the emotional sphere of workers, which affects the quality of their work.

Keywords: employees, social sphere, labor efficiency, professional burnout, symptoms and causes of burnout, emotional burnout.

Аннотация: Синдром «профессионального выгорания» в профессиональной деятельности сотрудников социальной сферы изучается в связи с тем, что специфика труда сотрудников социальной сферы требует их постоянного напряжения и эмоциональной отдачи. На определенном этапе трудовой деятельности они начинают терять интерес к работе, формально относиться к своим обязанностям, конфликтовать с коллегами. Проблема комплексная и требует проведения экономических и социальных мероприятий с целью повышения эффективности труда. Работа с населением формирует специфическое состояние эмоциональной сферы работников, что влияет на качество их труда.

Ключевые слова: сотрудники, социальная сфера, эффективность труда, профессиональное выгорание, симптомы и причины выгорания, эмоциональное выгорание.

В современных условиях функционирования учреждения социального профиля к сотрудникам социальной сферы предъявляются такие требования как: особая психологическая готовность к деятельности в новых условиях, способность к установлению соответствия между собственными действиями, поступками, личностными качествами и характеристиками профессии. Изучение синдрома «профессионального выгорания» в профессиональной деятельности сотрудников социальной сферы очень актуально в последнее время. Обсуждение вопроса профессионального выгорания работников получило распространение в экономической литературе, связанной с изучением «социальных» профессий [1,5]. В 70-е годы XX столетия исследователи обратили внимание на часто встречающееся состояние психологического истощения у лиц, занятых в различных сферах коммуникативной деятельности (педагогов, врачей, работников социальных служб, психологов, менеджеров) [3,4]. На определенном этапе своей деятельности они начинали терять интерес к работе, формально относиться к своим обязанностям, конфликтовать с коллегами по непринципиальным вопросам. В дальнейшем у них часто развивались соматические заболевания и невротические расстройства. Предположительно, эти изменения вызывались длительным воздействием профессионального стресса.

В научной литературе появился термин «burnout», который переводится как «выгорание» или «сгорание». Обращение к исследуемой проблеме обусловлено воз-

растающими требованиями со стороны общества к личности социальных работников, их способности к сопереживанию (эмпатии). В учреждении, занимающемся удовлетворением потребностей населения в доступном и качественном социальном обслуживании, сложилась проблемная ситуация, связанная с профессиональным выгоранием сотрудников. В экономической литературе по управлению анализу профессионального выгорания уделяется серьезное внимание, причем «профессиональное» и «эмоциональное» выгорание используются как синонимы [4]. Эмоциональное выгорание — понятие, введенное в психологию американским психиатром Г. Фрейденбергом в 1974 году, проявляющееся нарастающим эмоциональным истощением [9]. Синдром профессионального выгорания проявляется в виде нарастающего безразличия к своим обязанностям, происходящему на работе, дегуманизации в форме растущего негативизма по отношению как к пациентам или клиентам, так и к сотрудникам, ощущении собственной профессиональной несостоятельности, ощущении неудовлетворенности работой, явлениях деперсонализации, а в конечном итоге в резком ухудшении качества жизни. Термин «профессионального выгорание» был разработан К. Маслач, Б. Пельманом и Е.А. Хартманом в 1982 году, в результате чего выделился его синдром [8]. Эти авторы выделили три главных компонента: эмоциональное и/или физическое истощение, деперсонализация и сниженная рабочая продуктивность. Эмоциональное истощение проявляется в ощущениях профессионального перенапряжения и в чувстве опустошенности, ис-

черпанности своих эмоциональных ресурсов. Человек чувствует, что не может отдаваться работе с таким же воодушевлением, желанием, как раньше.

Деперсонализация связана с возникновением равнодушного и даже негативного отношения к людям, обслуживаемым по роду работы. Сниженная рабочая продуктивность проявляется в снижении самооценки своей компетентности (в негативном восприятии себя как профессионала), недовольстве собой, негативном отношении к себе как личности. А. Пайнс с коллегами установили связь «выгорания» с чувством значимости себя на рабочем месте, с профессиональным продвижением, автономией и уровнем контроля со стороны руководства [10]. Значимость работы является барьером для развития «выгорания». В то же время неудовлетворенность профессиональным ростом, потребность в поддержке, недостаток автономии способствуют «выгоранию».

Первая группа проблем учреждения связана с анализом симптомов и причин профессионального выгорания сотрудников. Для формулировки профилактических мероприятий для борьбы с профессиональным выгоранием сотрудников социальной сферы было проведено интервью с заместителем директора и опрос сотрудников, и были сформулированы гипотезы. Гипотеза – синдром профессионального выгорания развивается в процессе длительной профессиональной деятельности сотрудников (более трех лет работы в социальной сфере) проверялась данными методами. Анализ состояния проблемы

учреждения начинался с документов учреждения. В штатном расписании утверждено 449 штатных единиц. Кадровый состав укомплектован на 76,84%. Рассматривая возможную зависимость профессионального выгорания от стажа работы, стаж работы был разделён на пять периодов. Со стажем работы в социальной сфере менее года, в учреждении работает 36 человек; от 1 года до 3 лет – 33 человека; от 3 лет до 5 лет – 40 человек; от 5 лет до 10 лет – 117 человек, а более 10 лет работает 119 человек. Наиболее высокие средние показатели профессионального выгорания имеют сотрудники со стажем работы от 5 до 10 лет: в данной группе сотрудников нет несформировавшегося синдрома, у 28,5% синдром профессионального выгорания находится в стадии формирования, а у 71,5% синдром сформировался. У группы сотрудников со стажем от 3 лет до 5 лет: нет признаков синдрома профессионального выгорания у 67%, синдром профессионального выгорания находится в стадии формирования у 21%, а у 12% синдром сформировался. Углубляясь в исследование выдвинутой гипотезы, были опрошены руководители. Во время проведения опроса заместитель директора сообщила, что в учреждении была «волна увольнений» в последние год - два. Причинами стали повышенная сложность и увеличившийся объем работ.

По поводу мотивационных мероприятий, проводимых в учреждении и способствующих снижению уровня выгорания, были получены следующие данные. (Рис. 1.)

По мнению сотрудников. уменьшилось количество

Рис. 1. Периодичность обучающих тренингов сотрудников социальной сферы

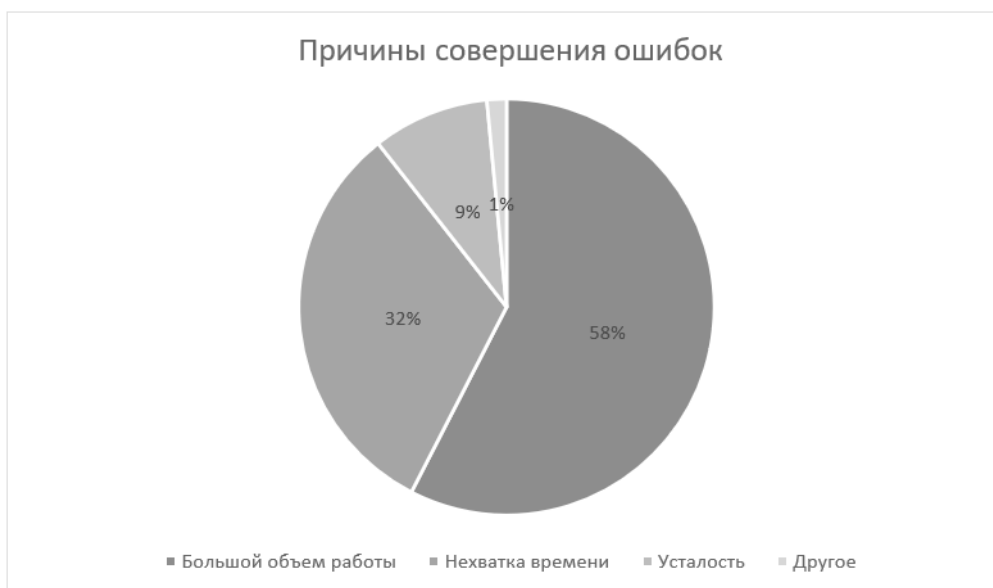

Рис. 2. Причины ошибок сотрудников учреждения

Рис. 3. Негативные факторы в работе учреждения

проводимых мероприятий с одного раза в месяц до одного раза в полгода, что вызвало их недовольство. Прохождение обучения, сам факт участия в этом, повышает самооценку, способствуя снижению выгорания.

Далее следовал блок вопросов о качестве труда, профессиональных ошибках сотрудников по их оценке. Результаты см. на рис.2.

99% респондентов отметили, что совершают ошибки. Из них 58% относят причину своих ошибок к большому объему работы, 32% отнесли свои ошибки к усталости, 9% указали нехватку времени как причину совершения ошибок, и 1% отметили другой вариант.

Далее следовали вопросы про негативные факторы труда (см.рис.3).

На вопрос о том, какие из организационных факторов оказывает наибольшее негативное влияние на результаты вашей работы, 51% респонденты отметили сложности в выстраивании взаимодействия с клиентами, у 39% возникают сложности с выстраиванием взаимодействия с клиентами 10%, отметили работу монотонной. В ходе проведенного исследования было установлено, что сотрудники перегружены слишком большим объемом работы, выполняют функции не относящихся к прямым обязанностям. У сотрудников возникают сложности с выстраиванием взаимодействия с клиентами, у большинства

сотрудников высокий и средний уровни профессионального выгорания, и наконец, у сотрудников, чей стаж работы находится в диапазоне от 3 лет до 5 лет, начал формироваться синдром профессионального выгорания. Таким образом, гипотеза - Синдром профессионального выгорания развивается в процессе длительной профессиональной деятельности сотрудников (более трех лет работы в социальной сфере) подтверждена.

Второй блок проблем, связанных с ситуацией в учреждении, представлял анализ влияния личностных качеств и организационных характеристик трудовой деятельности на формирование синдрома профессионального выгорания и была поставлена гипотеза: Гипотеза - На формирование синдрома профессионального выгорания оказывают влияние как личностные качества сотрудников, так и организационные характеристики их деятельности. Результаты исследования по методике «Тест на самооценку стрессоустойчивости личности» приведены в таблице 1. Из полученных данных можно сделать вывод, что, в основном, сотрудники оценивают свой уровень стрессоустойчивости выше среднего (см.табл.1).

Таблица 1.

Тест на самооценку стрессоустойчивости личности, (в %)

Средний уровень стрессоустойчивости	Выше среднего стрессоустойчивости	Высокий уровень стрессоустойчивости
16,7%	72,2%	11,1%

Далее проводился опрос сотрудников по «Опроснику на выгорание (МВІ) К.Маслач, С. Джексон (в адаптации Н.Е. Водопьяновой), результаты приведены в таблице 2.

Таблица 2

Изучение уровня выгорания у сотрудников по методике «Опросник на выгорание МВІ»

Шкалы		
Психоэмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция личных достижений
5,5	17	17

Опросник имеет 3 шкалы: «Психоэмоциональное истощение» – процесс истощения эмоциональных, физических, энергетических ресурсов профессионала, работающего с людьми (5,5 п.). «Деперсонализация» (личностное отдаление) – специфическая форма социальной дезадаптации профессионала, работающего с людьми (17 п.). «Редукция личных достижений» (профессиональная мотивация) – снижение чувства компетент-

ности в своей работе, недовольство собой, уменьшение ценности своей деятельности, негативное самовосприятие в профессиональной сфере (17 п.).

Далее проводилась «Диагностика профессионального выгорания В.В. Бойко». Результаты приведены в таблице 3.

Таблица 3

Диагностика профессионального выгорания В.В. Бойко, (в %)

Стадия напряжения	Стадия резистенции	Стадия истощения
33%	44%	23%

Особенно было важно выяснить, на какой стадии находится эмоциональное выгорание у респондентов: напряжения, резистенции или истощения? Оказалось, что у 44% сотрудников преобладает резистентная стадия профессионального выгорания. Это означает, что при осознании наличия тревожного напряжения, сотрудники стремятся избегать действия эмоциональных факторов с помощью ограничения профессионального реагирования. Итак, из полученных результатов можно сделать вывод о том, что у сотрудников уровень профессионального выгорания в стадии резистенции преобладает. На такие результаты могла повлиять эмоциональная усталость сотрудников. Таким образом, гипотеза 2 – На формирование синдрома профессионального выгорания оказывают влияние как личностные качества сотрудников, так и организационные характеристики их деятельности – была доказана. В ходе проведенного исследования было установлено: что у большинства сотрудников преобладает резистентная стадия профессионального выгорания, уровень профессионального выгорания в стадии резистенции преобладает, у сотрудников возникают сложности с выстраиванием взаимодействия с клиентами и их личные качества влияют на предрасположенность к более быстрому профессиональному выгоранию.

По итогам проведенного исследования учреждения психологических особенностей труда сотрудников социальной сферы было выявлено наличие синдрома профессионального выгорания, что является причиной неблагоприятной реакцией сотрудника на рабочие стрессы. Подобные факты существенно мешают выполнению трудовых функций. Своевременное выявление и профилактика этого состояния способствуют восстановлению стрессоустойчивости и защитных ресурсов организма сотрудника, что очень важно для механизма взаимодействия всех участников процесса работы с населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабич - 2021. Бабич, О.И. Профилактика синдрома профессионального выгорания педагогов: диагностика, тренинги, упражнения [Текст] / О.И. Бабич. Москва: Учитель 2021. 151 с.

2. Исследование особенностей нарушений эмоциональной сферы педагогов, проходящих обучение на курсах повышения квалификации. Сб. науч. трудов «Актуальные проблемы развития науки и образования» - М.: АР- Консалт – 2013. 46с.
3. Осухова Н. Профилактика профессионального выгорания: Практико- ориентированный семинар //Школьный психолог. -2016.
4. Ронгинская Т.И. Специфика синдрома выгорания в профессиях с высоким уровнем стресса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. №2 (16). С. 107-121.
5. Удовик 2018 - Удовик С., Молокоедов А., Слободчиков И. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности. Москва: ООО «Левъ», 2018. 206 с.
6. Чутко 2015- Чутко Л.С., Козина Н.В. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты. Москва: МЕДпресс-информ, 2015. 256 с.
7. Плюснина Е. Научно-методическое сопровождение здоровьесберегающей деятельности //Методист. – 2014. - №5. - С.16-19.
8. Maslach, C. Burnout: A social psychological analysis. In The Burnout syndrome ed.J.W.Jones, pp. 30–53, Park Ridge, IL: London House, 1982.
9. Schaufell, W.B., Enzmann, D. And Girault, N. Measurement of burnout: A review. In Professional Burnout: Recent Development in Theory and Reserch ed. W.B.Schaufell, C.Maslach and T.Marek, pp. 199–215, Washington, DC:
10. Enzmann, D., Berief, P., Engelkamp, C. et al. Burnout and coping will burnout. Development and evaluation of a burnout workshop. Berlin: Technische Univercitat Berlin, Institut fur Psychologie., 1992.

© Кузьмичева Алла Александровна (allamai@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский авиационный институт
(государственный технический университет)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ И ТРЕВОЖНОСТИ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ В ПОИСКЕ ОТНОШЕНИЙ

Левчук Илья Александрович

Соискатель, Российский университет дружбы народов
(РУДН);
магистр психологии, МГИ имени Дашковой
piyavs@gmail.com

TO THE QUESTION OF SOCIAL INTELLIGENCE AND ANXIETY OF PEOPLE WHO ARE IN SEARCH OF RELATIONSHIPS

I. Levchuk

Summary: The article discusses the main aspects that influence the formation of social intelligence, which, in turn, determines the level of people's anxiety. It is noted that in accordance with the results of the analysis of modern studies on the relationship between social intelligence and anxiety, it is permissible to note that the level of education has a dual role, while increasing uncertainty in productive relationships, as a property of a more developed mind to be critical of oneself, one's achievements, resourcefulness. At the same time, the possession of certain behavioral techniques that contribute to the formation of a more thoughtful approach to relationships, the choice of a less risky behavior model that takes into account the likely dangers of building relationships with people, is possible for more highly educated people. Thus, a hypothesis is put forward that a high level of social intelligence is not directly correlated with education and is more dependent on life experience, the presence of social behavior skills, acquaintance with various social groups of people, possibly even including marginalized groups, which is relevant in present challenges and risks. It is concluded that the digitalization that has taken place, the application of information and communication technologies in all spheres of human life has also brought twofold results. On the one hand, the possibilities of building initial relationships have become much simpler, the use of social allows you to cancel live human communication, bringing the natural manifestations of emotions and the need for social contact to the level of robotization, transferring them to the format of digital interaction. As a result, the formation of real, genuine relationships becomes more complicated and becomes illusory, unreal, losing the possibility of personal identification and building a situation where the puzzles of personal interests, claims, hopes and aspirations of two or more individuals coincide when forming relationships.

Keywords: social intelligence, anxiety, society, relationships, interaction, emotional intelligence, level of education.

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты, оказывающие воздействие на формирование социального интеллекта. Анализируются современные представления о возможной взаимосвязи социального интеллекта с уровнем тревожности людей. Отмечается, что в соответствии с результатами выполненного анализа современных исследований по взаимосвязи социального интеллекта и тревожности допустимо отметить, что уровень образования оказывает двойную роль, одновременно повышая неуверенность в продуктивных отношениях, как свойство более развитого ума критически относиться к себе, своим достижениям, ресурсности. В то же время, владение определенными техниками поведения, способствующими формированию более продуманного подхода к отношениям, выбору менее рискованной модели поведения, в которой учитываются вероятные опасности выстраивания отношений с людьми, возможно для более высокообразованных людей. Таким образом, выдвигается гипотеза о том, что высокий уровень социального интеллекта не связан прямой корреляцией с образованием и более зависит от жизненного опыта, наличия навыков поведения в социуме, знакомством с различными социальными группами людей, возможно, даже включая маргинальные группы, что является актуальным в настоящее время вызовов и рисков. Делается вывод, что состоявшаяся цифровизация, проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности людей привнесла также двойные результаты. С одной стороны, значительно упростились возможности выстраивания первоначальных отношений, задействование социальных позволяет отменить живое человеческое общение, выводя естественные проявления эмоций и потребности в социальном контакте на уровень роботизации, перевода их в формат цифрового взаимодействия. В результате формирование реальных, подлинных отношений усложняется и становится призрачным, нереальным, утрачивающим возможность личностной идентификации и выстраивания ситуации совпадения пазлов личностных интересов, притязаний, надежд и чаяний двух или более индивидуумов при формировании отношений.

Ключевые слова: социальный интеллект, тревожность, социум, отношения, взаимодействие, эмоциональный интеллект, уровень образования.

Большинство исследователей определяют социальный интеллект как часть общего интеллекта, представляемого в виде способности, практического мышления или особой формы социальной адаптации. Обзор научной литературы показывает, что изучение социального интеллекта у людей, которые находятся в поиске отношений, как условие развития их коммуникативной компетентности, изучено недостаточно подробно [1]. В связи с этим, необходимо расширить изучение социального интеллекта с учетом социальной и культурной среды [2].

Социальный интеллект зачастую рассматривается в исследованиях как особые когнитивные способности или умственные ресурсы человека. Социальный интеллект предлагает эффективное решение социальных и психологических проблем в культурно чувствительном обществе [3].

Социальный интеллект является основой для развития многих видов отношений между людьми, включая профессиональные, межличностные. Для формирова-

ния эффективного действия необходима коммуникативная компетентность, как составляющая социального интеллекта. Таким образом, акцентируя внимание на проблеме социального интеллекта, имеет смысл говорить об уровне коммуникативной компетентности. Это подчеркивает исследование уровня социального интеллекта и социальной тревожности и влияния на формирование, развитие и качество отношений между людьми.

Проведенный эксперимент показывает особенности социального интеллекта и коммуникативной компетентности школьников будущие учителя. Средняя интенсивность комплексной оценки социального интеллекта означает, что люди достаточно эффективны в межличностных отношениях и нормально адаптированы в обществе. Люди со средним баллом социального интеллекта могут эффективно извлекать информацию о поведении людей, хорошо понимать язык невербального общения, высказывать точные суждения о людях, успешно предсказывать их реакции в конкретных обстоятельствах. У людей с уровнем социального интеллекта ниже нормального уровня отношения осложняются вероятностью снижения социальной адаптации.

Социальная тревожность определяется как «заметный и постоянный страх перед одной или несколькими социальными ситуациями или ситуациями, в которых человек подвергается воздействию незнакомых людей или возможному контролю со стороны других» [4]. Человек испытывает боязнь, что он будет действовать не так, как ожидают окружающие, или как, по их представлению, было бы действовать наилучшим образом, (или проявлять симптомы тревоги), что будет унижительным или смущающим» [5].

Основываясь на когнитивной модели тревожных расстройств Бека, Кларк и Уэллс [6] в 1995 г. высказали предположение, что социальная тревожность возникает вследствие развития когнитивных и поведенческих механизмов, например, предвзятой оценки собственной социальной активности [7].

В соответствии с этим предположением, имеются данные о том, что социально тревожные люди оценивают свои действия негативно, подчеркивая свои недостатки и недооценивая свои поведенческие навыки по сравнению с имеющимися навыками своего собеседника, отдавая предпочтение его оценке, которая может носить предубеждение или сравнение с участниками с низким уровнем социальной тревожности [8].

После активации схемы опасности в обработку поступающей информации вносятся искажения. Эти предубеждения часто представляют собой искажения, влияющие на интерпретацию событий таким образом, что это согласуется с содержанием дисфункциональных схем. В результате сохраняются негативные убеждения и оценки, усиливается их устойчивость [9].

Предубеждения в обработке включают феномены внимания, такие как избирательное внимание к материалу, связанным с угрозой, и предубеждения в интерпретации событий. Общие ошибки или искажения включают следующее (рисунок 1):

Тревожность взаимосвязана с приданием рискованности ситуации оценочного подхода. Ряд индивидумов подходит к рассмотрению различных жизненных ситуаций с позиции имеющегося собственного прожитого или из-

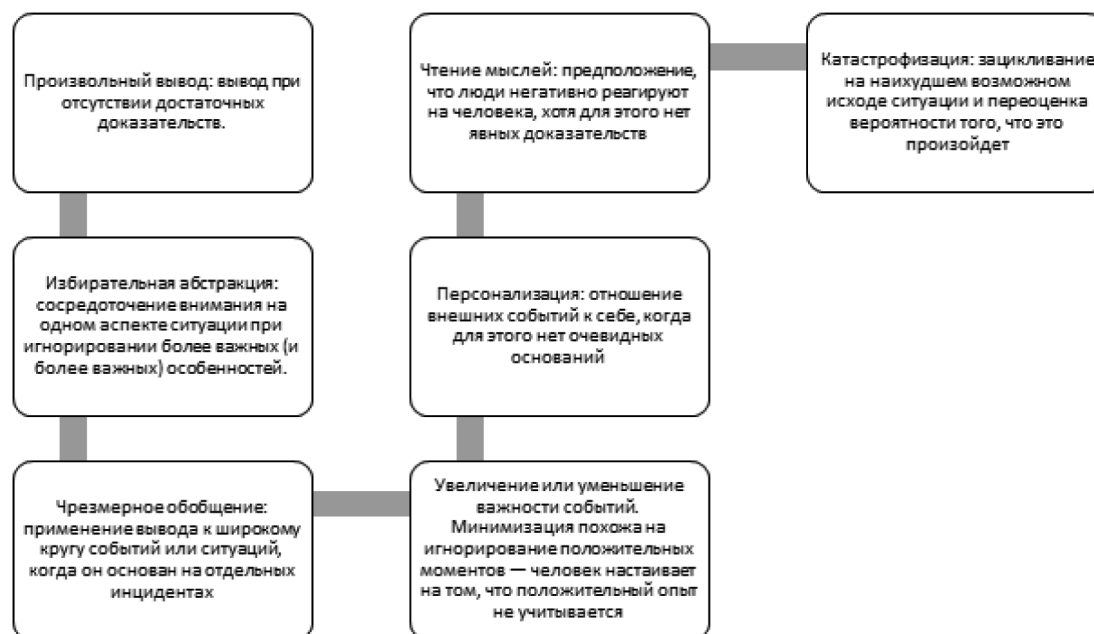

Рис. 1. Основные ошибки, свидетельствующие о низком уровне социального интеллекта

ученного чужого опыта, наличия алгоритмов поведенческих стратегий, позволяющих избегать угрожающих ситуаций.

В то же время, люди могут иметь выработанное устойчивое представление об ограниченности их собственных ресурсов, позволяющих полноценно реагировать на ситуации, которые могут представлять угрозу для безопасности, имиджа. То есть, несмотря на вероятность насмешек, уверенный в себе юноша все-равно осмелится подойти к девушке, даже если она отвергнет его на глазах у всех. Тревожность и уверенность обладают значительной корреляцией [10].

Таким образом, социальный интеллект взаимосвязан с наличием устойчивых механизмов поведенческих стратегий и реакций, позволяющих вырабатывать наиболее подходящий ответ на внешние раздражители в виде реакций собеседника, его действий (зачастую, провокационного характера, пренебрежительной мимики, показного превосходства, желания провести сравнение имеющихся данных в свою пользу). Следует отметить, что наиболее благоприятным и важным периодом для формирования социального интеллекта является детский и подростковый возраст [11].

Многие составляющие алгоритмы механизмов социального интеллекта усваиваются из поведенческих стратегий родителей, ближайшего окружения. В связи с этим для того, чтобы выработать наиболее эффективные элементы, составляющие социальный интеллект, более целесообразно выстраивать продуктивные социальные взаимоотношения различных уровней, активно принимать участие в социальной жизни, расширяя круг взаимодействия, перенимая эффективные копинг-стратегии реагирования на ситуации, вырабатывая адекватные и устойчивые модели поведения. То есть, человек, который не хочет оказаться смешным в глазах окружающих, например, одноклассников, не сможет оказать знаки внимания понравившейся девочке, опасаясь, что она поднимет его на смех, или окружающие будут их дразнить. Тем самым, происходит обеднение эмоционального, внутреннего мира.

Выбранная стратегия эскейпинга позволяет заключить, что данный юноша не уверен в себе, придает чрезмерно большое значение мнению окружающих, обесценивает подлинность собственных желаний и переживаний. И, даже, возможно, оказывает неверный выбор жизненного сценария, исключая из его хода возможную влюбленность и даже последующее создание семьи (после окончания школы и достижения совершеннолетия). Более того, имеются свидетельства того, что социально тревожные люди хуже проявляют себя в социальных взаимодействиях по сравнению с лицами с низким уровнем социальной тревожности. Однако об-

щие доказательства дефицита социальной активности у пациентов с социальной фобией или людей с повышенной социальной тревожностью неоднозначны. Несколько исследований показали, что социально тревожные люди хуже проявляют себя в социальных ситуациях.

Несмотря на то, что результаты исследований неоднозначны, у социально тревожных людей, в определенной мере, наблюдается некоторый дефицит навыков социального взаимодействия. Остается неясным, проявляются ли эти недостатки только в стрессовых социальных ситуациях (например, из-за сильной внутренней сосредоточенности на симптомах тревоги и дисфункциональных мыслях и убеждениях), либо же они являются результатом фактического когнитивного дефицита [12]. Последний пункт предполагает, что дефицит навыков должен наблюдаться не только в стрессовых социальных ситуациях, но и в оптимальных условиях тестирования. Согласно интегративной структуре социальных компетенций [13], социальный интеллект следует рассматривать как значимую составляющую социально компетентного поведения [14].

Социальная компетентность, в свою очередь, трактуется как потенциал человека и, следовательно, является необходимой способностью для соответствующей социальной деятельности. Модель предлагает относить социальный интеллект к социально разумному или компетентному поведению. На социально компетентное поведение оказывают воздействие эмоциональный и практический интеллект, несколько модераторных переменных (например, альтруизм, доброжелательность человека) и социальный контекст [15].

Концепция социального интеллекта была впервые описана Торндайком (1920), который определил ее как «способность понимать и управлять мужчинами и женщинами, мальчиками и девочками — действовать мудро в человеческих отношениях». На основе концепции многогранных моделей интеллекта была разработана интегративная модель социального интеллекта, характеризующая ее как многомерную конструкцию производительности. Многогранные модели интеллекта обеспечивают описание и классификацию способностей или тестов. В соответствии с берлинской моделью структуры интеллекта постулированы два аспекта.

Первый — это оперативный аспект, содержащий пять когнитивных способностей (рисунок 2):

Второй аспект возникает из четырех доменов контента, связанных с материалом (рисунок 3):

Социальное понимание является ключевой областью социального интеллекта. В последней версии модели авторы исключили социальные знания из основной

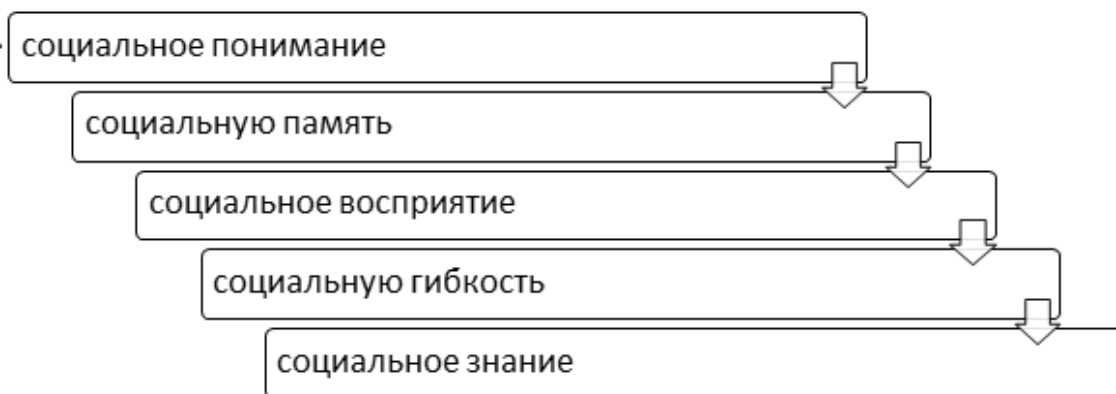

Рис. 2. Когнитивные способности оперативного аспекта берлинской моделью структуры социального интеллекта

Рис. 3. Основные домены контента

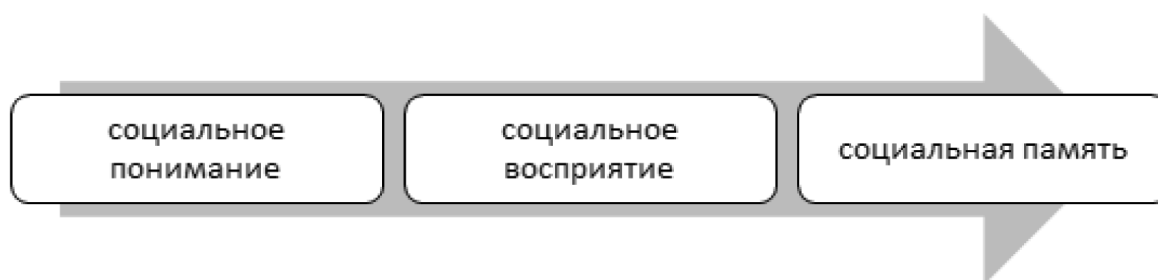

Рис. 4. Аспекты компетенций социального интеллекта, оцениваемые в рамках проведения Магдебургского теста социального интеллекта

конструкции когнитивных способностей, поскольку они не отвечают требованиям универсальной валидности и независимости от контекста. Тем не менее, социальные знания должны быть положительно связаны с другими четырьмя доменами когнитивных способностей социального интеллекта.

Подтверждающий факторный анализ с использованием мультиметодного дизайна подтвердил многомерную структуру социального интеллекта для доменов социального понимания, социальной памяти и социальных знаний. Проведенные исследования позволили заключить, что социальный интеллект отличается от академического интеллекта по оценке Берлинского теста структуры интеллекта. На основе модели социального интеллекта (улучшения и развития отношений разработан Магдебургский тест социального интеллекта (MTSI), который оценивает три аспекта компетенций социального интеллекта (рисунок 4):

Разработка задач измерения социальной гибкости

еще не завершена; поэтому это измерение не включено в настоящее исследование. Каждый оцениваемый аспект способности измеряется с использованием четырех доменов контента, связанных с материалом (письменная и устная речь, изображения и видеозаписи). Четыре предметных области изображают реалистичные социальные ситуации, имевшие место в реальной жизни, в результате чего различные задачи MTSI обладают высокой степенью внешней и экологической достоверности.

Учитывая значимость социального интеллекта для социальной компетентности и успешного социального поведения, выстраивания отношений кажется возможным, что дефицит социальной активности, наблюдаемый у людей с высоким уровнем социальной тревожности, по крайней мере, частично зависит от дефицита социального интеллекта. Отмечается, что в настоящее время отсутствуют валидные исследования, в которых рассматривалась бы связь между социальной тревожностью и социальным интеллектом людей, находящихся в поиске отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hampel, Sandra & Weis, Susanne & Hiller, Wolfgang & Witthöft, Michael. (2011). The relations between social anxiety and social intelligence: A latent variable analysis. *Journal of anxiety disorders*. 25. 545-53. 10.1016/j.janxdis.2011.01.001.
2. Masoumeh Dehdashti-Lesani The Relationship between Social Intelligence and Interpersonal Forgiveness with Happiness According to the Moderating Role of Difficulties in Cognitive Emotion Regulation in Female-Headed Households. *Int J Behav Sci*. 2021; 15(1): 1-7.
3. Callea A, De Rosa D, Ferri G, Lipari F, Costanzi M. Are more intelligent people happier? emotional intelligence as mediator between need for relatedness, happiness and flourishing. *Sustainability*. 2019;11:1022.
4. Substance Abuse and Mental Health Services Administration. *DSM-5 Changes: Implications for Child Serious Emotional Disturbance* [Internet]. Rockville (MD): Substance Abuse and Mental Health Services Administration (US); 2016 Jun. Table 16, DSM-IV to DSM-5 Social Phobia/Social Anxiety Disorder Comparison. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK519712/table/ch3.t12/>
5. World Health Organization. *The ICD-10 Classification of Mental and Behavioural Disorders: Clinical Description and Diagnostic Guidelines*. Geneva: World Health Organization; 1992.
6. Clark D.M., Wells A. A cognitive model of social phobia R.G. Heimberg, M. Liebowitz, D. Hope, F. Schneier (Eds.), *Social phobia: diagnosis, assessment and treatment*, Guilford, New York (1995), pp. 69-93.
7. Clark D.M. et al. Information processing in social phobia *Biological Psychiatry*(2002)
8. Angélico A.P., Crippa J.A.S., Loureiro S.R. Social anxiety disorder and social skills: a critical review of the literature // *The international journal of behavioral consultation and therapy*. - Vol. 6.- №. 2.- pp. 95-110.
9. Baartmans JMD, van Steensel FJA, Mobach L, Lansu TAM, Bijsterbosch G, Verpaalen I, Rapee RM, Magson N, Bögels SM, Rinck M, Klein AM. Social anxiety and perceptions of likeability by peers in children. *Br J Dev Psychol*. 2020 Jun;38(2):319-336. doi: 10.1111/bjdp.12324. Epub 2020 Feb 16. PMID: 32064647; PMCID: PMC7216937.
10. Pebriyana, Helda. (2018). The correlation of students' anxiety and self-confidence toward their speaking ability. *Journal of Languages and Language Teaching*. 5. 28. 10.33394/jollt.v5i1.331.
11. Emmerling, Robert & Boyatzis, Richard. (2012). Emotional and social intelligence competencies: Cross cultural implications. *Cross Cultural Management: An International Journal*. 19. 4-18. 10.1108/13527601211195592.
12. Rahimi H, Eftekhar HS. A study of social intelligence in students at Kashan university of medical sciences during year 2015. *Journal of Nursing Education*. 2016;5(3):41-6
13. H.-M. Süß et al. *Magdeburg Test of Social Intelligence (MTSI)* (2007)
14. Yermantaeyeva, Ardakh & Aurenova, M.D. & Uaidullakzy, Elmira & Ayapbergenova, Almira & Muldabekova, Kamshat. (2014). Social Intelligence as a Condition for the Development of Communicative Competence of the Future Teachers. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 116. 4758-4763. 10.1016/j.sbspro.2014.01.1021.
15. Ashbaugh, Andrea & Antony, Martin & McCabe, Randi & Schmidt, Louis & Swinson, Richard. (2005). Self-Evaluative Biases in Social Anxiety. *Cognitive Therapy and Research*. 29. 387-398. 10.1007/s10608-005-2413-9.

© Левчук Илья Александрович (riyavsa@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОГРАММЫ КОРРЕКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ У ПОДРОСТКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ ЛЕГКОЙ СТЕПЕНИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Маслова Лариса Александровна

Аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет
zlidnya1991@mail.ru

APPLICATION OF THE PROGRAM OF CORRECTION OF EMOTIONAL DISADVANTAGE IN ADOLESCENTS WITH MENTAL RETARDATION OF MILD DEGREE IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL SCHOOL

L. Maslova

Summary: The main task of an educational psychologist who carries out professional activity in a special school is socialization and adaptation of students with mental retardation. These processes become more complicated due to emotional disadvantage. Adolescents with mild intellectual disabilities are under the risk: a large number of students shows signs of anxiety and depression. In this article there are results of application of the emotional disadvantage correction program in adolescents with mental retardation of mild degree using special school conditions.

Keywords: special school, psychological and pedagogical support, high school age, mental retardation of mild degree, signs of emotional disadvantage, depression, anxiety, correction program.

Аннотация: Главной задачей педагога-психолога, осуществляющего профессиональную деятельность в специальной школе, является социализация и адаптация учащихся с умственной отсталостью. При эмоциональном неблагополучии данные процессы затрудняются. Подростки с легкими интеллектуальными нарушениями находятся в группе риска: у большого количества учащихся наблюдаются признаки депрессии тревожности. В данной статье анонсируются результаты применения программы коррекции эмоционального неблагополучия у подростков с умственной отсталостью легкой степени в условиях специальной школы.

Ключевые слова: специальная школа, психолого-педагогическое сопровождение, старший школьный возраст, умственная отсталость легкой степени, признаки эмоционального неблагополучия, депрессия, тревожность, программа коррекции.

Проблема депрессии и тревожности у подростков с умственной отсталостью мало изучена в научной литературе, но в последние годы появились исследования, посвященные этому вопросу. Большой вклад в изучение данной темы внесли следующие ученые: И.И. Кутько, В.В. Коновалова, Т.А. Куприянова, Т.И. Иванова, Е.С. Прохоренко, И.В. Макаров, Дж. Матсон, Дж. Бикнелл, Дж. Тейлор, С. Купер, В. Прашер, С. Баумик, Н. Пекхэм, С. Робинсон В. Синасон, П. Фрэнкиш и многие другие.

Дж. Матсон отмечает, что в недавнем прошлом было широко распространено мнение среди специалистов, что при интеллектуальных нарушениях люди не могут иметь психических патологий, но эта теория была опровергнута современными исследованиями. В настоящее время все более популярной становится научная концепция о двойном диагнозе (коморбидности): наличие умственной отсталости и сопутствующего психического заболевания [7].

Исследования В. Прашера, С. Купера, С. Баумика до-

казывают, что распространенность аффективных расстройств у лиц с умственной отсталостью выше, чем в общей популяции [1, 3, 9].

Н. Пекхэм и С. Робинсон в своих исследованиях указывают, что лица с интеллектуальными нарушениями подвергаются большему риску пережить жестокое обращение и психологическую травму [9, 11].

В. Синасон и П. Фрэнкиш отмечают, что травматичный опыт может быть причастен к развитию ряда психологических и психических расстройств (в том числе тревожности и депрессии), что способствует развитию вторичных дефектов [5, 11].

По мнению Дж. Бикнелла и Дж. Тейлора, лицам с умственной отсталостью зачастую не хватает адаптивных психологических стратегий выживания и социальной поддержки, чтобы справиться с трудными жизненными событиями, что является предиктором для возникновения депрессии и тревожности [2, 12].

Ли Халберт-Уильямс утверждает, что люди с умственной отсталостью часто испытывают стресс и напряжение в обычной жизни, а также имеют тот же набор негативных переживаний, что и нормотипичные люди [6].

По мнению Е.С. Прохоренко и И.В. Макарова, дети и подростки с умственной отсталостью в большинстве случаев обладают социально-дезадаптивным поведением, возникающим на фоне основного заболевания. Но из-за индивидуальных особенностей ребенка и его среды можно наблюдать различную клинику-психопатологическую структуру расстройств поведения и аффектов [14].

В исследованиях И.К. Шаца, Т.И. Ивановой указывается, что причинами возникновения депрессии и тревожности у умственно отсталых детей и подростков становятся такие же детерминанты, как и у здоровых сверстников, но их могут усилить особенности, связанные с интеллектуальным дефектом, присущие этой группе [13, 16].

В.Е. Дэвис и его коллеги указывают, что когнитивный уровень может влиять на депрессивную симптоматику. Данное расстройство может проявляться в виде «поведенческих депрессивных эквивалентов», например агрессии, крика, селфхарма, психомоторных изменений, раздражительности, гнева, потери активности в повседневной жизни [4].

Таким образом, можно утверждать, что распространенность депрессии и тревожности среди лиц с умственной отсталостью легкой степени является довольно высокой. Литературный обзор показал, что подростки данной группы проявляют те же признаки этих расстройств, что и их нормотипичные сверстники, однако, существуют некоторые и специфические черты.

Нами выделены следующие признаки депрессии у подростков с умственной отсталостью легкой степени: сниженное или мрачное настроение; утрата прежних интересов и способности получать удовольствие от того, что ранее радовало; хроническая усталость; повышенная истощаемость психических процессов; снижение физической активности; неадекватная самооценка (несоответственно завышенная или заниженная, нестабильная); чувство вины; ощущение ненужности, одиночества; нарушения сна любого типа; высокая раздражительность; эмоциональная лабильность; агрессивность; самоповреждающее поведение (селфхарм); сужение социальных связей; склонность к употреблению алкоголя, наркотиков, курение.

При тревожности подростки с легкими интеллектуальными нарушениями могут демонстрировать следующие проявления: напряжение; беспокойство; озабоченность; нервозность; настороженность; психомоторные реакции (двигательное беспокойство); снижение кон-

центрации внимания; агрессивное и аффективное реагирование; изменения в межличностном общении (сужение социальных связей или поиск поддержки).

Описание констатирующего этапа эксперимента

Базой исследования выступили две школы, осуществляющие образовательную деятельность в городе Новокузнецке: МКОУ «Специальная школа № 53», МКОУ «Специальная школа № 58». Общая выборка составила 100 человек.

Поставленный эксперимент проходил в несколько этапов:

1. Констатирующая диагностика (сентябрь, 2021 г.)
2. Осуществление деятельности по реализации 1 части психологической программы коррекции (октябрь 2021 г.– апрель 2022 г.);
3. Осуществление деятельности по реализации 2 части психологической программы коррекции (октябрь 2022 г.– апрель 2023 г.);
4. Контрольная диагностика (май, 2023 г.).

Для выявления признаков депрессии и тревожности мы использовали следующие методы: опросник детской депрессии М. Ковач; шкала личностной тревожности Спилберга-Ханина; авторский опросник «Выявление признаков депрессии и тревожности у подростков с умственной отсталостью».

Исходя из результатов обследования, мы выделили несколько градаций состояний эмоционального неблагополучия, которые представлены в таблице.

На основе проведенной диагностики нами было принято решение создать две группы из подростков с выявленными признаками депрессии и тревожности: контрольную и экспериментальную. В первую группу вошли учащиеся МКОУ «Специальная школа № 53» (31 человек), во вторую – учащиеся МКОУ «Специальная школа № 58» (24 человека). Все испытуемые обучаются по одной программе и им оказывается идентичное психолого-педагогическое сопровождение, поэтому они подходят для сравнительного анализа. С испытуемыми, вошедшими в экспериментальную группу, проводились коррекционные занятия в рамках разработанной нами программы. В контрольной группе данная деятельность не осуществлялась.

Характеристика программы «Коррекция эмоционального неблагополучия у учащихся старших классов»

Обзор литературы показал, что многие исследователи придерживаются мнения, что сама по себе умственная отсталость не является противопоказанием для применения методов коррекции депрессии и тревожности,

Таблица.

Выявленные состояния эмоционального неблагополучия у испытуемых

Выявленное состояние	МКОУ «Специальная школа № 58	МКОУ «Специальная школа № 53
Признаки тяжелой депрессии и высокого уровня тревожности	18%	12%
Признаки тяжелой депрессии	2%	0%
Признаки депрессии средней тяжести и высокого уровня тревожности	12%	18%
Признаки депрессии средней тяжести	4%	2%
Признаки легкой депрессии и высокого уровня тревожности	6%	0%
Признаки высокого уровня тревожности	6%	30%
Стабильное состояние	52%	38%

разработанных для людей без интеллектуальных нарушений, но важно чтобы подросток был мотивирован и осознанно подходил к занятиям. Мы пришли к выводу, что в условиях специальной школы будет целесообразно проводить с учащимися старших классов коррекционные занятия, включающие в себя элементы арт-терапии, игротерапии и когнитивно-поведенческой терапии.

Целесообразность программы определяется тем, что для подростков с легкими интеллектуальными нарушениями характерна склонность к переживанию депрессии и тревожности, поэтому важно формировать у них понятие о безопасном поведении, развивать коммуникативные навыки, учить контролировать себя и свое эмоциональное состояние, учить принимать и ценить себя, учить конструктивно выходить из конфликтов, способствовать формированию адаптивных паттернов поведения.

Программа рассчитана на учащихся старших классов специальных школ от 11 до 17 лет. Когнитивный уровень должен соответствовать не менее IQ 50. Наполняемость подгрупп не должна превышать 8 человек.

Цель: коррекция эмоционального неблагополучия у подростков с умственной отсталостью легкой степени.

Задачи: 1. снижение признаков выраженной и значительной тревожности; 2. снижение выраженности признаков депрессии разной тяжести; 3. формирование адаптивных паттернов поведения; 4. развитие умения переживать и контролировать негативные эмоции; 5. формирование самооценности и положительного отношения к себе; 6. развитие уверенности в своих силах; 7. развитие коммуникативных навыков.

На коррекционные занятия было зачислено 24 человека, которые разделены на три группы по 8 учащихся в соответствии с их возрастом и когнитивным уровнем развития. Программа рассчитана на 2 года и включает 84 занятия: по 30 минут для первой группы; по 35 минут для второй группы; по 40 минут для третьей группы.

Технологиями и методами стабилизации эмоцио-

нального состояния подростков с умственной отсталостью легкой степени выступили: элементы игротерапии, арт-терапии и когнитивно-поведенческой терапии, упражнения с психологическим содержанием, психогимнастика, релаксация.

Структура коррекционного занятия включает в себя: вводную часть (ритуал, игра, упражнение); основную часть (практические упражнения, беседы, игры); психогимнастику; заключительную часть (релаксация, рефлексия).

Данная программа состоит из трех блоков: диагностический, который предполагает тщательное обследование на предмет эмоционального неблагополучия; психокоррекционный, который предполагает проведение занятий, включающих элементы когнитивно-поведенческой терапии, игротерапии и арт-терапии; просветительский, который предполагает информирование родителей и учителей о существовании данной проблемы, а также проведение консультационной работы, направленной на выстраивание общения, нивелирующего эмоциональное неблагополучие у учащихся старших классов.

Стоит отметить, что педагог-психолог, реализующий программу коррекции, должен быть хорошо знаком с поведенческими особенностями и уровнем развития высших психических функций учащихся. Специалист на занятиях должен проявлять гибкость, в каких-то моментах быть достаточно директивным и умеющим подстроиться под непредвиденные ситуации.

Описание контрольного этапа исследования

В нашем исследовании для сравнительного анализа мы использовали двухгрупповой межсубъектный дизайн «До и после», в окончательном виде выборка составила 55 человек: 24 в экспериментальной группе и 31 в контрольной. Для проверки гипотезы был выбран непараметрический Т-критерий Уилкоксона, который проверяет наличие значимых различий между двумя наборами данных, полученных в разных условиях на одной и той же выборке (замеры «до и после») [34]. Анализ данных проводился с помощью программы SPSS Statistics.

Гипотеза, которую мы будем проверять звучит следующим образом: психологическая программа коррекции, включающая в себя элементы игротерапии, арт-терапии и когнитивно-поведенческой терапии позволяет нивелировать признаки эмоционального неблагополучия в виде депрессии и тревожности у подростков с умственной отсталостью легкой степени.

В экспериментальной группе были получены следующие результаты по опроснику детской депрессии, разработанного М. Ковач: выраженные признаки депрессии не выявлены, средняя выраженность наблюдается у 25%, незначительные признаки – у 29%, отсутствие признаков – у 46%. Целесообразно сравнить полученные результаты в данной выборке с констатирующим этапом. Визуализация представлена на рисунке 1.

Из рисунка 1, мы можем увидеть, что после прохождения программы коррекции у учащихся наблюдается значительная положительная динамика: выраженные признаки депрессии не выявлены, увеличилось количество испытуемых без симптоматики данного состояния.

С помощью статистического анализа было доказано,

что интенсивность сдвигов в сторону уменьшения уровня тяжести депрессии превышает интенсивность сдвигов в сторону тенденции сохранения ее на прежнем уровне (Т в зоне значимости). Исходя из полученных данных, можно заключить, что после прохождения программы коррекции у учащихся наблюдаются значительные изменения в сторону улучшения эмоционального состояния.

В контрольной группе были получены следующие результаты по опроснику М. Ковач: выраженные признаки депрессии выявлены у 32% учащихся, средняя выраженность наблюдается у 23%, незначительные признаки – у 3%, отсутствие признаков – у 42%. Сравнение результатов диагностики констатирующего и контрольного этапов представлено на рисунке 2.

Исходя из рисунка 2, можно заключить, что глобальных изменений в контрольной группе не произошло, но можно наблюдать некоторую отрицательную динамику: увеличилось количество испытуемых с выраженными признаками депрессии.

Статистический расчет показал, что интенсивность сдвигов в сторону увеличения уровня тяжести депрес-

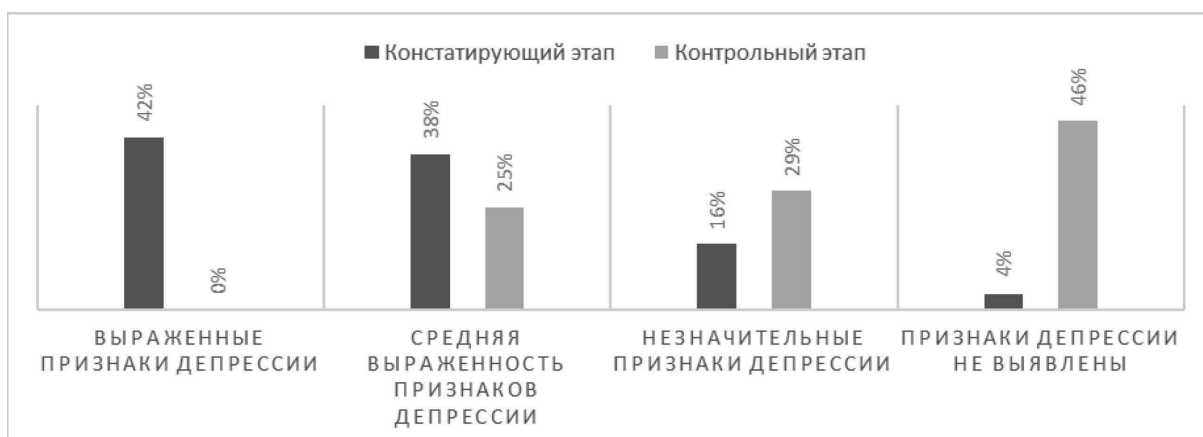

Рис. 1. Сравнительные результаты (М. Ковач, экспериментальная группа)

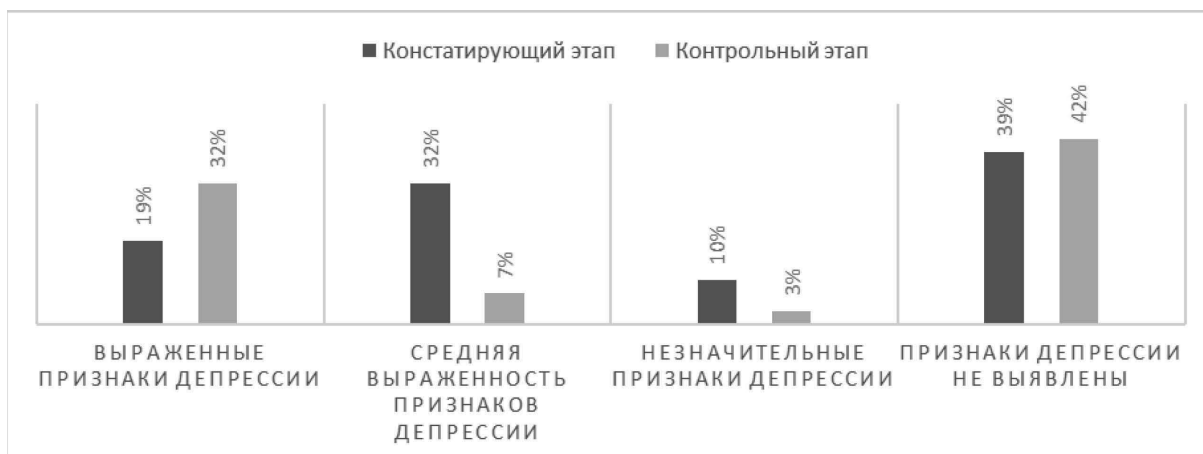

Рис. 2. Сравнительные результаты (М. Ковач, контрольная группа)

сии превышает интенсивность сдвигов в сторону ее уменьшения и тенденции сохранения ее на прежнем уровне (Т в зоне значимости), поэтому можно констатировать, что эмоциональное состояние учащихся контрольной группы ухудшилось.

По шкале личностной тревожности Спилберга-Хани-

на в экспериментальной группе были получены следующие диагностические данные: у 100% учащихся наблюдается умеренный уровень тревожности. Сравнение с констатирующим этапом показано на рисунке 3.

Исходя из данных, представленных на рисунке 3, мы можем заключить, что после прохождения программы

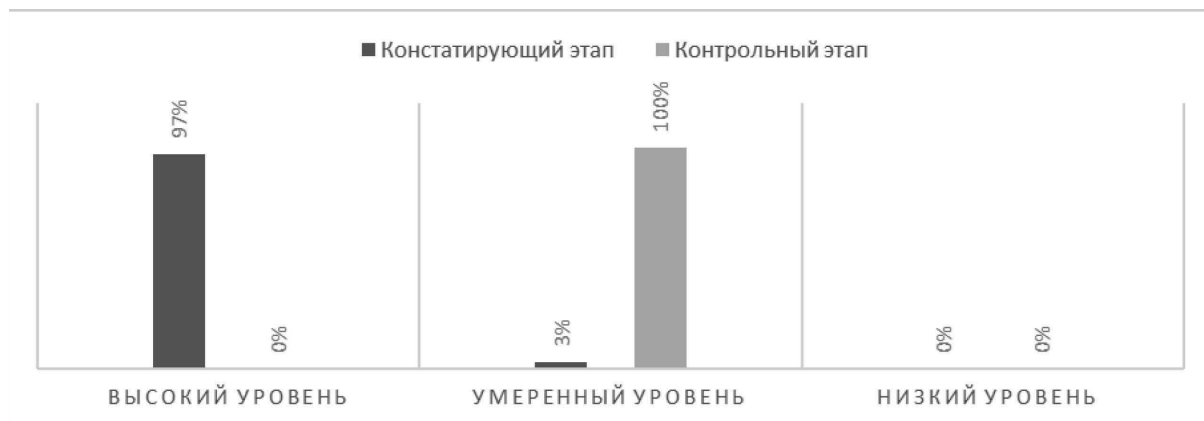

Рис. 3. Сравнительные результаты (шкала тревожности Спилберга-Ханина, экспериментальная группа)

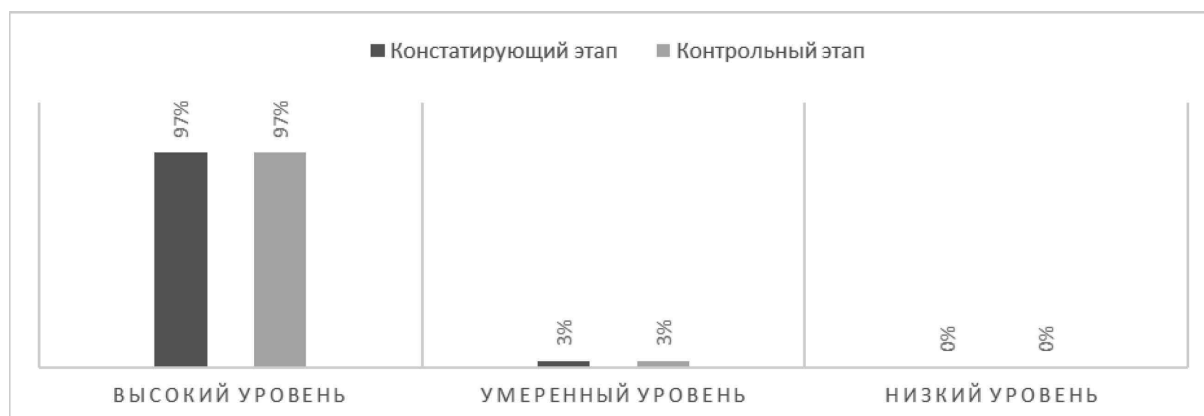

Рис. 4. Сравнительные результаты (шкала тревожности Спилберга-Ханина, контрольная группа)

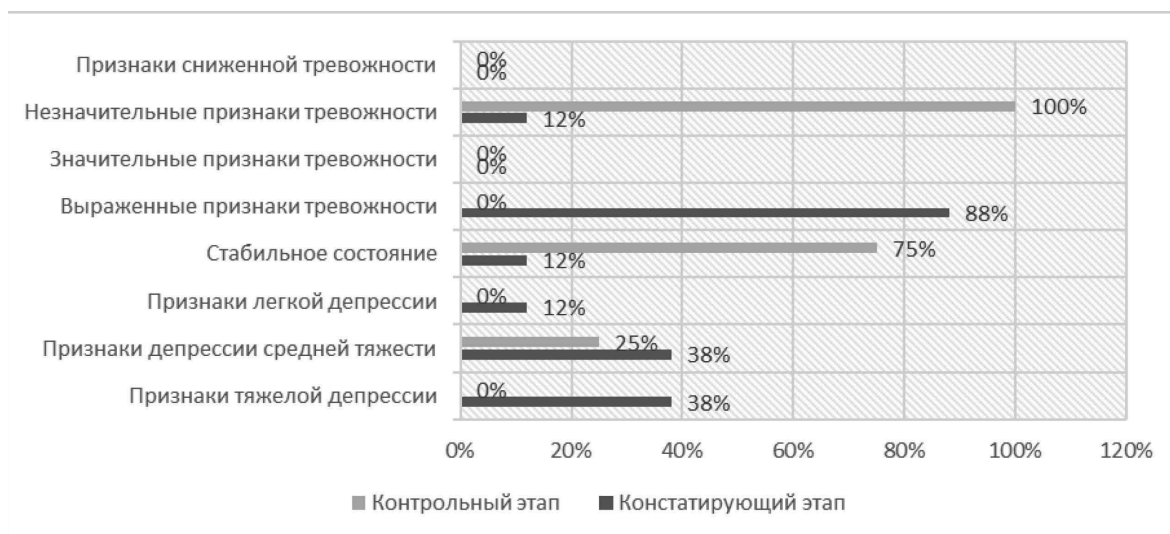

Рис. 5. Сравнительные результаты (авторский опросник, экспериментальная группа)

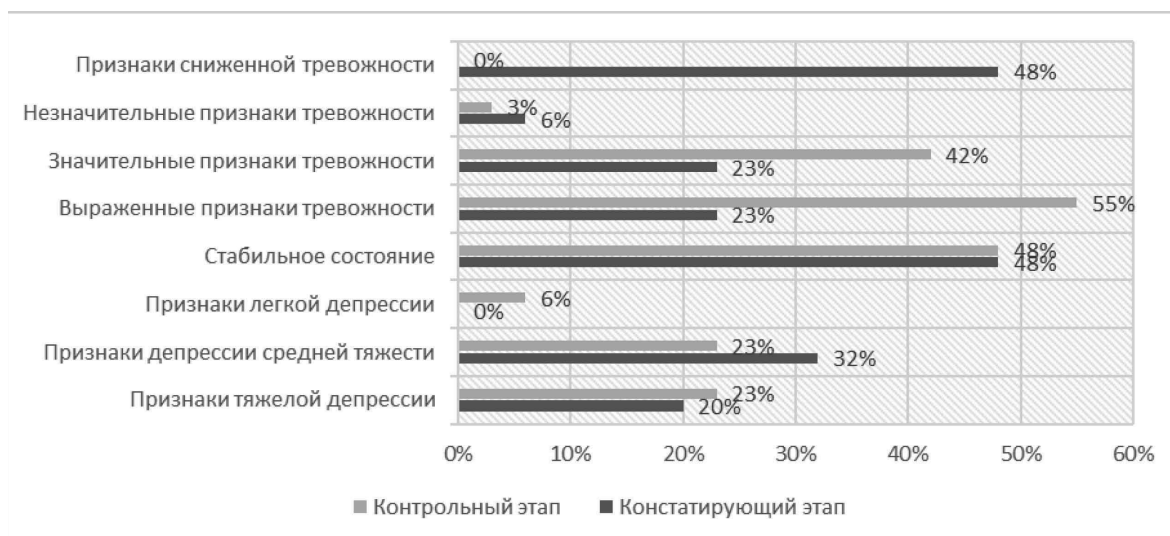

Рис. 6. Сравнительные результаты (авторский опросник, контрольная группа)

коррекции, наблюдается положительная динамика: все учащиеся, входящие в экспериментальную группу, имеют умеренный уровень тревожности.

Статистический анализ показал, что интенсивность сдвигов в сторону уменьшения уровня тревожности превышает интенсивность сдвигов в сторону увеличения ее уровня (Т в зоне значимости). Можно сделать вывод, что есть значительные изменения в сторону стабилизации эмоционального состояния у испытуемых данной выборки.

В контрольной группе наблюдалась следующая ситуация: высокий уровень тревожности выявлен у 97% учащихся, умеренный – у 3%. Сравнение результатов диагностики с констатирующим этапом представлено на рисунке 4.

Из рисунка 4 можно сделать вывод, что в контрольной группе значимых изменений не наблюдается.

Математический расчет показал, что интенсивность сдвигов в сторону увеличения уровня тревожности превышает интенсивность сдвигов в сторону ее уменьшения и тенденции сохранения на прежнем уровне (значимость 0.05), то есть глобальных изменений у испытуемых контрольной группы по данному показателю не произошло.

Контрольная диагностика в экспериментальной группе по авторскому опроснику показала, что признаки тяжелой депрессии в данной выборке отсутствуют, средняя тяжесть наблюдаются у 25% учащихся, признаки легкой депрессии – не обнаружены, стабильное состояние выявлено у 75%, у 100% наблюдаются незначительные признаки тревожности. Сравнение результатов диагностики с констатирующим этапом представлено на рисунке 5.

Проанализировав рисунок 5, можно сделать вывод, что у учащихся экспериментальной группы прослеживается положительная динамика: снизился уровень тревожности, отсутствуют выраженные признаки депрессии.

Данный вывод подтверждается и результатами статистического анализа: интенсивность сдвигов в сторону уменьшения уровней депрессии и тревожности превышает интенсивность сдвигов в сторону тенденции ее увеличения и сохранения на прежнем уровне (Т в зоне значимости), то есть у учащихся экспериментальной группы отмечаются весомые положительные изменения.

В контрольной группе были получены следующие результаты обследования по авторскому опроснику: признаки тяжелой депрессии выявлены у 23% учащихся, средняя тяжесть – у 23%, признаки легкой депрессии – у 6%, стабильное состояние – у 48%, выраженные признаки тревожности выявлены у 55%, значительные признаки – у 42%, незначительные – у 3%, признаки сниженной тревожности не выявлены. Сравнительный анализ констатирующего и итогового этапов представлен на рисунке 6.

Исходя из рисунка 6, можно прийти к выводу, что у учащихся контрольной группы отсутствует положительная динамика: незначительно повысился уровень тревожности, увеличилось количество испытуемых с выраженными признаками депрессии.

Математический анализ показал, что интенсивность сдвигов в сторону увеличения уровней депрессии и тревожности превышает интенсивность сдвигов в сторону ее уменьшения и тенденции сохранения на прежнем уровне (Т в зоне значимости). Можно констатировать, что у испытуемых контрольной группы наблюдается отрицательная динамика.

Хотелось бы отметить, что статистические данные в этой группе различаются по шкале личностной тревожности Спилберга-Ханина и шкале тревожности авторского опросника. Это можно объяснить разницей во временных отрезках обследования и более адаптиро-

ванными вопросами представленной нами методики.

Таким образом, исходя из результатов контрольной диагностики и статистического анализа, мы можем заключить, что заявленная нами гипотеза подтвердилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bhaumik S. et al. Psychiatric service use and psychiatric disorders in adults with intellectual disability // *Journal of intellectual disability research*. – 2008. – Т. 52. – №. 11. – С. 986-995.
2. Bicknell J. The psychopathology of handicap // *Annual Progress in Child Psychiatry & Child Development*. – 1984.
3. Cooper S.A. et al. Mental ill-health in adults with intellectual disabilities: prevalence and associated factors // *The British journal of psychiatry*. – 2007. – Т. 190. – №. 1. – С. 27-35.
4. Davis, J.P., Judd, F.K., & Herrman, H. (1997). Depression in adults with intellectual disability. Part 1: A review. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 31(2), 232–242.
5. Frankish P. Thirty years of disability psychotherapy, a paradigm shift? // *Advances in Mental Health and Intellectual Disabilities*. – 2013.
6. Hulbert-Williams L., Hastings R.P. Life events as a risk factor for psychological problems in individuals with intellectual disabilities: A critical review // *Journal of Intellectual Disability Research*. – 2008. – Т. 52. – №. 11. – С. 883-895.
7. Matson J.L., Matson M.L. (ed.). *Comorbid conditions in individuals with intellectual disabilities*. – Springer, 2015.
8. Peckham N.G., Howlett S., Corbett A. Evaluating a survivors group pilot for women with significant intellectual disabilities who have been sexually abused // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. – 2007. – Т. 20. – №. 4. – С. 308-322.
9. Prasher V.P. Presentation and management of depression in people with learning disability // *Advances in Psychiatric Treatment*. – 1999. – Т. 5. – №. 6. – С. 447-454.
10. Robinson S. *Preventing the emotional abuse and neglect of people with intellectual disability: Stopping insult and injury*. – Jessica Kingsley Publishers, 2013.
11. Sinason V. *Mental handicap and the human condition*. – London: Free Association Books, 1992. – Т. 38.
12. Taylor J.L., Novaco R.W. A brief screening instrument for emotionally unstable and dissocial personality disorder in male offenders with intellectual disabilities // *Research in Developmental Disabilities*. – 2013. – Т. 34. – №. 1. – С. 546-553. Богомолова А.О. Особенности проявления тревожности у детей с умственной отсталостью // *ББК 74.202 А 43*. – 2019. – С. 155.
13. Иванова, Т.И. Депрессивные расстройства настроения у детей с умственной отсталостью / Т.И. Иванова // *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. – 2007. – № 4(47). – С. 25-28.
14. Прохоренко Е.С. Расстройства поведения у детей и подростков с умственной отсталостью / Е.С. Прохоренко, И.В. Макаров // *ББК Р7. 614*. – 2022. – С. 8.
15. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – Санкт-Петербург: Речь, 2010. – 350 с.
16. Шац, И.К. Причины и клинико-психологические проявления состояний психической декомпенсации у детей, страдающих умственной отсталостью / И.К. Шац // *Специальное образование*. – 2019. – С. 333-338.

© Маслова Лариса Александровна (zlidnya1991@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗУЧЕНИЕ КОДОВ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА¹

Медяник Ольга Викторовна

Кандидат психологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
medyanikov@list.ru

STUDYING THE MAIN COGNITIVE BIASES OF FINANCIAL BEHAVIOR OF USERS IN THE CONTEXT OF CYBER FRAUD

O. Medyanik

Summary: This article proposes criteria for classifying psychological effects that influence user behavior in the context of cyber fraud. Special attention is paid to effects such as reliability, authority, promises, scarcity, confirmation, and pushing, which can lead to errors in decision-making and situation assessment. A classification and definition of manipulative influence codes is proposed, taking into account their reflection on individual psychological processes and states. The result of this research is a classification of types of cyber fraud based on cognitive biases and codes of psychological influence. The study may be of interest to a wide audience, including social media users, banking and financial service users, business representatives, and government agencies working with confidential information. Additionally, this research may be useful for professionals in the fields of cybersecurity and psychology.

Keywords: financial behavior, social engineering, cognitive biases, cyber fraud, codes of psychological influence.

Аннотация: Статья предлагает критерии для классификации психологических эффектов - кодов манипулятивного влияния, которые влияют на поведение пользователей в случаях кибермошенничества. Были проведено пилотажное исследование: полуструктурное интервью контент-анализ и метод «мозгового штурма» среди студентов с целью разработки значимых компонентов стратегий манипулятивных воздействий, учитывая их отражение на индивидуальные психологические процессы и состояния индивида. Исследование может быть интересно широкой аудитории, включая пользователей социальных сетей, банковских и финансовых услуг, а также представителей бизнеса и государственных органов, занимающихся конфиденциальной информацией. Кроме того, это исследование может быть полезно для специалистов в области кибербезопасности и психологии.

Ключевые слова: финансовое поведение, социальная инженерия, когнитивные искажения, кибермошенничество, коды манипулятивного воздействия.

Введение

Развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к ряду существенных позитивных изменений – ускорение взаимодействия, общения субъектов, упрощение получения доступа к информации, снижение издержек при производстве и др. Вместе с тем, возрастают риски и угрозы, связанные с информационно-коммуникационными технологиями, одной из наиболее важных из которых является утечка информации, потеря данных в результате мошенничества с целью получения экономической прибыли. Процесс развития информационно-коммуникационных технологий сопряжен с расширением форм и стратегий мошенничества в этой сфере, а также групп, на которые ориентированы действия мошенников. В настоящее время социоинженерные атаки становятся все более распространенными, а их жертвами часто становятся пользователи финансовых услуг. Социоинженерия представляет собой манипуляции сознанием и поведением людей с целью получения доступа к конфиденциальной информации

или финансовым ресурсам. При этом социоинженеры используют различные методы воздействия на психологические особенности человека, включая когнитивные искажения [1,2].

В контексте социальной инженерии и кибермошенничества манипулятивные воздействия злоумышленников могут быть использованы для манипуляции людьми и получения несанкционированного доступа к информации. Например, мошенник может использовать «эффект подтверждения», чтобы убедить жертву предоставить доступ к своему аккаунту, представив себя как представителя технической поддержки. Другим распространенным когнитивным искажением является «эффект авторитета», когда мы склонны доверять людям, которые имеют высокий статус или авторитетную позицию. Злоумышленник может использовать этот эффект, представив себя как высокопоставленный сотрудник компании или правительственный чиновник, чтобы получить доступ к конфиденциальной информации. В целом, понимание манипулятивных воздействий может помочь защититься

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда No 23-28-00701, <https://rscf.ru/project/23-28-00701/>

от социальной инженерии и кибермошенничества.

На этапе теоретического исследования уязвимости пользователей в контексте кибермошенничества мы обратились к достаточно большому арсеналу работ, начиная с 50-х годов прошлого века. Авторы этих работ стремились раскрыть проблематику уязвимости индивида в ситуации влияний когнитивных искажений поведения при воздействии социальной инженерии. Эти знания мы посчитали важными для базового изучения кодов воздействия в ситуации прихода в современную жизнь проблемы кибербезопасности. В рамках этого исследования была проведена классификация когнитивных искажений финансового поведения, где были выделены такие виды, как гиперболическое дисконтирование, эффект потери, эффект доверия и эффект авторитета и авторы – разработчики данных эффектов (Таблица 1).

Проведя анализ этих работ, можно выделить способы или тактики воздействия на поведение и мышление

других людей с целью получения выгоды или достижения своих целей, которые определили как код манипулятивного воздействия. Он может быть использован как в личных, так и в профессиональных отношениях, и может проявляться в различных формах, таких как обман, убеждение, принуждение и т.д. Не существует конкретных авторов или разработчиков кодов, но как явление существует уже давно и присутствует в различных культурах и обществах. Изучение этих кодов позволяет лучше понимать, как люди могут быть подвержены воздействию и как можно защититься от манипуляций. Это особенно актуально в контексте кибермошенничества, где манипулятивные приемы могут привести к серьезным финансовым последствиям для жертв.

Некоторые коды манипуляций из них могут быть разделены на несколько групп, таких как:

1. Коды, направленные на создание эмоциональной зависимости. Эти коды используются для того, чтобы вызвать у другого человека чувство вины,

Таблица 1.

Классификация когнитивных искажений финансового поведения.

N	Вид когнитивного искажения	Смысловой компонент	Авторы, разработчики когнитивного искажения
1	гиперболическое дисконтирование (hyperbolic discounting)	Психологический эффект, при котором люди предпочитают меньшую награду в настоящем, чем большую награду в будущем.	Kahneman D. (1979, 2011) [1,2], Ainslie G. (1992) [3], Laibson D. (1997) [4], Thaler R. (1999, 2008) [5,6], Hofmann W. (2012) [7], Green L. (2013) [8]
2	«эффект потери» (loss aversion)	Психотический эффект, при котором люди переживают сильнее финансовую потерю, чем выигрыш того же размера.	Loewenstein G. (1993) [8], Кирби К.Н. (1995) [10], Green L. (2004) [11], Madden G. J. (2010) [12], Bickel W. K. (2012) [13]
3	«эффект доверия» (trust effect)	Психологический эффект, когда люди больше доверяют другим людям, даже если информация не является достоверной	Herbert S. (1955) [14], Tversky A. (1974) [15], Akerlof G. (2009) [16], Tannenbaum D. (2011) [17]
4	«эффект авторитета» (authority bias)	Психологический эффект, когда люди склонны доверять мнению или рекомендации авторитетных людей без достаточной проверки информации.	Milgram, S. (1974) [18], Cialdini, R. B. (2001), [19]
5	«эффект обещаний» (promise effect)	Психологический эффект, при котором люди становятся более склонны к выполнению задачи или покупке товара, если им было дано обещание вознаграждения за это действие.	Lepper, M. R. (1973) [20], Deci, E. L. (1999) [21], Frey, B. (2001) [22], Ariely, D. (2009) [23]
6	«эффект дефицита» (scarcity effect)	Психологический эффект, при котором присутствие срочности в задаче или цели усиливает мотивацию человека к их выполнению.	Worchel S. (1975) [24], Fuchs C. (2010) [25]
7	«эффект подтверждения» (confirmation bias)	Психологический эффект, при котором ищут и интерпретируют информацию таким образом, чтобы она подтверждала уже существующие убеждения и стереотипы.	Brehm, J. W. (1966) [26], Snyder, M. (1977) [27], Petty, R. E. (1986) [28], Berger J. (2012) [29]
8	«эффект подталкивания» (nudge effect)	Психологический эффект, при котором люди принимают идеи и мнения, которые им были предложены, без достаточного анализа их правильности и обоснованности.	Taler, R. (2009) [30], Halpern, D. (2015) [31]
9	«эффект иллюзия контроля» (Illusion of control)	Психологический эффект, при котором люди ошибочно считают, что они имеют больший контроль над событиями, чем на самом деле.	Langer, E. J. (1975) [32], Свапнил, Ш. (2017) [33], Кашапова Р.Э. (2015) [34]

страха или обязательства. Например, манипулятор может использовать фразы типа «ты меня не любишь», чтобы вызвать у другого человека чувство вины.

2. Коды, направленные на создание иллюзии выбора. Эти коды используются для того, чтобы заставить другого человека думать, что он имеет выбор, хотя на самом деле выбора нет. Например, манипулятор может использовать фразы типа «ты можешь сделать это сам, или я могу сделать это за тебя».
3. Коды, направленные на создание иллюзии согласия. Эти коды используются для того, чтобы заставить другого человека думать, что он согласен на что-то, хотя на самом деле он этого не хочет. Например, манипулятор может использовать фразы типа «ты же не против, правда?».
4. Коды, направленные на создание иллюзии необходимости. Эти коды используются для того, чтобы заставить другого человека думать, что он обязан что-то сделать. Например, манипулятор может использовать фразы типа «ты должен это сделать».
5. Коды, направленные на создание иллюзии справедливости. Эти коды используются для того, чтобы заставить другого человека думать, что то, что манипулятор хочет, является справедливым или правильным. Например, манипулятор может использовать фразы типа «это справедливо, что ты должен это сделать».
6. Коды, направленные на создание иллюзии важности. Эти коды используются для того, чтобы заставить другого человека думать, что то, что манипулятор хочет, является очень важным. Например, манипулятор может использовать фразы типа «это очень важно для меня».
7. Коды, направленные на создание иллюзии единства. Эти коды используются для того, чтобы заставить другого человека думать, что он и манипулятор находятся в одной команде или имеют общую цель. Например, манипулятор может использовать фразы типа «мы должны работать вместе, чтобы достичь этой цели».
8. Коды, направленные на создание иллюзии контроля. Эти коды используются для того, чтобы заставить другого человека думать, что манипулятор контролирует ситуацию или имеет большую власть. Например, манипулятор может использовать фразы типа «я знаю, что лучше для нас обоих».

Было проведено пилотажное исследование, куда вошли 2 качественных психологических исследования, в задачи которых входило:

1. Изучение семантического поля психологических кодов воздействия со стороны киберпреступников.
2. Описание ситуаций риска, связанных с цифровым

финансовым поведением на основе пережитого опыта студентов или их субъективного представления.

3. Разработка матрицы психологических кодов на основе контент-анализа полуструктурированных интервью.
4. Разработка вопросов для исследования воздействия кодов на пользователей в условиях кибермошенничества.

Метод

На первом этапе было проведено пилотажное исследование с использованием полуструктурированных письменных интервью «Манипулятивные коды воздействия – 13». В исследовании приняли участие 39 студентов 3 курса факультета психологии СПбГУ. Студентам было предложено 13 кодов воздействия со стороны цифровых мошенников: авторитет, обязательство, сравнение, жалость, страх и запугивание, друг, инструкция, фантомная фиксация, профайлинг, взаимность, дефицит, социальное присоединение, экспертность. Участники исследования должны были дать определение или ассоциативную реакцию на каждый код воздействия со стороны киберпреступника.

Данное пилотажное исследование позволило изучить семантическое поле психологических кодов воздействия со стороны киберпреступников и с учетом пережитого опыта студентов или их субъективного представления описать ситуации риска, связанные с их цифровым финансовым поведением. С помощью контент-анализа полуструктурированных интервью была разработана матрица психологических кодов, в которую заносились ключевые слова. Анализ полученных результатов качественного исследования показал, что все 13 кодов, предложенных участникам исследования, встречались в практике. Результатом исследования послужила «Классификация кодов психологического воздействия», продемонстрированная в Таблице 2. Классификация представляет собой руководство, содержащее информацию о различных кодах и стратегиях манипулятивного воздействия на психологические процессы и состояния человека. В таблице указаны названия кодов воздействия, их смысловые компоненты и отражение психологических процессов и состояний, которые используются для достижения желаемого эффекта. (Таб. 2.)

Контент-анализ полученных данных полуструктурированных интервью студентов показал, что большинство манипулятивных кодов воздействия используют различные стратегии для создания доверия и влияния на психологические процессы и состояния людей. Код «Авторитет» использует уважаемых и опытных личностей для вызова уважения и доверия. Люди могут подражать авторитетам, стремясь повторить их поведение

Таблица 2.

Классификация кодов психологического воздействия.

N	Название кода воздействия	Смысловые компоненты стратегий воздействия	Отражение психологических процессов и состояний
1	Авторитет	Доверие авторитетным и уважаемым личностям, которые имеют большой опыт и знания в определенной области.	доверие, уважение, подражание, социальная идентификация
2	Обязательство	Доверие обещаниям и гарантиям, которые даются мошенником	социальное влияние, чувство вины, страха
3	Сравнение	Сравнение товаров и услуг, чтобы выбрать наилучший вариант.	зависть, ревность, низкая самооценка, страх неудачи, чувство недостаточности
4	Жалость	Доверие тем, кто проявляет сочувствие и понимание к проблемам и потребностям.	низкая самооценка, страх неудачи, чувство недостаточности
5	Страх и запугивание	Доверие тем, кто создает угрожающую атмосферу и угрожает негативными последствиями.	страх, тревога, беспокойство, низкая самооценка, страх неудачи, чувство недостаточности
6	Друг	Доверие тем, кто создает дружескую атмосферу и проявляет интерес к их жизни и проблемам.	чувству удовлетворения, комфорта и безопасности в группе, принадлежность к группе, страх одиночества
7	Инструкция	Доверие тем, кто дает точные инструкции и руководство по выполнению задания	уважение, доверие, чувство удовлетворения, стресс, тревога, безопасность, уверенность
8	Фантомная фиксация	Доверие тем, кто создает иллюзию необходимости быстрой реакции и срочности.	чувство нервозности, тревоги, радость, удовлетворение
9	Профайлинг	Доверие тем, кто анализирует их профиль и использует их слабые места для воздействия.	чувство страха, беспокойства, ценности, убеждения, логика
10	Взаимность	Доверие тем, кто предлагает что-то бесплатно или взамен на что-то другое.	чувство обязательности, вины, ценности и убеждения
11	Дефицит	Доверие тем, кто создает иллюзию дефицита товара или времени	низкая самооценка, чувство недостаточности, неполноценности, принятие решений, потребности
12	Социальное присоединение	Доверие тем, кто предлагает присоединиться к группе единомышленников и создает ощущение принадлежности.	потребность в принадлежности к группе, чувство неполноценности, отверженности, одобрение
13	Экспертность	Доверие тем, кто убеждает в правильности своих действий или дает совет о покупке определенного товара	чувство доверия, неполноценности, неуверенности

или мнения. Этот код отражает процессы социальной идентификации и доверия. Код «Обязательство» использует обещания и гарантии, чтобы создать доверие, но в то же время может вызвать чувство вины и страха. Код «Сравнение» использует сравнение товаров и услуг, чтобы выбрать наилучший вариант, но может вызвать зависть, ревность, низкую самооценку, страх неудачи и чувство недостаточности. Код «Жалость» использует сочувствие и понимание к проблемам и потребностям, чтобы вызвать доверие, но может отражать низкую самооценку, страх неудачи и чувство недостаточности. Код «Страх и запугивание» использует угрозы и создание угрожающей атмосферы, чтобы вызвать доверие, но может отражать страх, тревогу, беспокойство, низкую самооценку, страх неудачи и чувство недостаточности. Код «Друг» использует дружескую атмосферу и интерес к жизни и проблемам людей, чтобы вызвать доверие и отражает чувство удовлетворения, комфорта и безопасности в группе, принадлежность к группе и страх одиночества. Код «Инструкция» использует точные инструкции и руководство по выполнению задания, чтобы

вызвать уважение, доверие, чувство удовлетворения, стресс, тревогу, безопасность и уверенность. Код «Фантомная фиксация» использует иллюзию необходимости быстрой реакции и срочности, чтобы вызвать доверие, но может отражать чувство нервозности, тревоги, радости и удовлетворения. Код «Профайлинг» использует анализ профиля и слабых мест людей, чтобы вызвать доверие, но может отражать чувство страха, беспокойства, ценности, убеждения и логики. Код «Взаимность» использует предложение бесплатного товара или услуги или взамен на что-то другое, чтобы вызвать доверие, но может отражать чувство обязательности, вины, ценности и убеждения. Код «Дефицит» использует иллюзию дефицита товара или времени, чтобы вызвать доверие, но может отражать низкую самооценку, чувство недостаточности, неполноценности, принятие решений и потребности. Код «Социальное присоединение» использует предложение присоединиться к группе единомышленников и создает ощущение принадлежности, чтобы вызвать доверие, но может отражать потребность в принадлежности к группе, чувство неполноценности, отверженности, одобрение

Таблица 3.

Опросник «Исследования влияния кодов психологического воздействия на пользователей» (сокращённая версия).

N	Код	Вопросы
1	авторитет	1. Вы перешли по ссылке на розыгрыш денежных средств, которую Вам отправляли важные или авторитетные для Вас люди, которым доверяете. Вы выигрываете денежный приз, но вам необходимо внести дополнительный взнос, чтобы получить его. Станете ли вы вносить указанную сумму, чтобы получить выигрыш?
		Будете ли Вы проходить и оплачивать незнакомый для вас онлайн-курс, который очень советовал авторитетный для вас или известный человек (блогер, артист)?
3	сравнение	Вы скорее закажете товар со скидкой у неизвестного онлайн-продавца, чем товар дороже у проверенного продавца?
		Вы нашли онлайн-вакансии, перед Вами стоит выбор между работодателем, который мало сообщает о себе, но обещает много платить или работодателем, который предлагает заработную плату меньше, но о нем известно больше. Выберите ли вы первого работодателя?

женности и одобрения. Код «Экспертность» использует убеждение в правильности своих действий или совет о покупке определенного товара, чтобы вызвать доверие, но может отражать чувство доверия, неполноценности и неуверенности.

По результатам исследования можно сделать вывод, что манипулятивные коды воздействия на психологические процессы и состояния людей могут быть использованы как для создания доверия, так и для вызова различных отрицательных эмоций и чувств. Коды «Авторитет», «Обязательство», «Друг», «Инструкция» и «Экспертность» могут вызывать уважение, доверие и чувство удовлетворения, тогда как коды «Сравнение», «Жалость», «Страх и запугивание», «Фантомная фиксация», «Профайлинг», «Взаимность», «Дефицит» и «Социальное присоединение» могут вызывать различные отрицательные эмоции и чувства, такие как зависть, ревность, страх, беспокойство, низкая самооценка, чувство недостаточности, обязательности, вины, потребности в принадлежности к группе и одобрения.

На втором этапе исследования была задействована группа из 8 студентов, которым было предложено провести мозговой штурм и придумать за 2 часа 2-3 ситуации киберриска, в которые они или их знакомые могут попасть под влиянием манипулятивных кодов психологического воздействия. Кроме того, были учтены 78

ситуаций, предложенных группой студентов первого этапа исследования. В дальнейшем, от второй группы требовалось разработать опросник для пользователей, который включал по 2 ситуации на каждый код из наиболее часто встречающихся на практике и из материалов первого этапа исследования. В результате был получен проект опросника, состоящий из 23 утверждений. Приведем примеры 4 вопросов этого опросника на 2 кода: «Авторитет» и «Сравнение» в Таблице 3.

Этот материал позже был включен в структуру опросников, используемых в различных исследованиях уязвимости пользователей в контексте кибермошенничества на текущем этапе [35, 36, 37].

Конкретные задачи данного исследования включили описание ситуаций риска, связанных с цифровым финансовым поведением, разработку матрицы психологических кодов на основе контент-анализа полуструктурированных интервью, изучение возможных способов возможных манипуляций со стороны киберпреступников и создание опросника для пользователей, который позволяет изучать влияние кодов психологического воздействия на пользователей. Результаты исследования могут быть использованы для создания программ и методик по повышению кибербезопасности, а также для обучения пользователей правилам безопасного поведения в цифровой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kahneman, D., & Tversky, A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 47(2), 263-291. <https://doi.org/10.2307/1914185>
2. Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. Farrar, Straus and Giroux.
3. Ainslie, G. (1992). *Picoeconomics: The strategic interaction of successive motivational states within the person*. Cambridge University Press.
4. Laibson, D. (1997). Golden eggs and hyperbolic discounting. *The Quarterly Journal of Economics*, 112(2), 443-478. <https://doi.org/10.1162/003355397555253>
5. Thaler, R.H. (1999). Mental accounting matters. *Journal of Behavioral Decision Making*, 12(3), 183-206. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0771\(199909\)12:3<183::AID-BDM318>3.0.CO;2-F](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0771(199909)12:3<183::AID-BDM318>3.0.CO;2-F)
6. Thaler, R.H., & Sunstein, C.R. (2008). *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. Yale University Press.
7. Hofmann, W., Schmeichel, B.J., & Baddeley, A.D. (2012). Executive functions and self-regulation. *Trends in Cognitive Sciences*, 16(3), 174-180. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2012.01.006>

8. Green, L., & Myerson, J. (2013). How many impulsivities? A discounting perspective. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 99(1), 3-13. <https://doi.org/10.1002/jeab.2>
9. Loewenstein, G., & Prelec, D. (1993). Preferences for sequences of outcomes. *Psychological Review*, 100(1), 91-108. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.100.1.91>
10. Кирби К.Н. и Хернштейн Р.Дж. «Delay-discounting in humans: A preference for smaller, immediate rewards or larger, delayed rewards?» *Psychological Science*, 1995, 6(3), 173-178. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1995.tb00500.x>
11. Green, L., & Myerson, J. (2004). A discounting framework for choice with delayed and probabilistic rewards. *Psychological Bulletin*, 130(5), 769-792. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.130.5.769>
12. Madden, G.J., & Johnson, P.S. (2010). A delay-discounting primer. In *Impulsivity: The Behavioral and Neurological Science of Discounting* (pp. 11-37). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/12069-002>
13. Bickel, W.K., Jarmolowicz, D.P., Mueller, E.T., Gatchalian, K.M., & McClure, S.M. (2012). Are executive function and impulsivity antipodes? A conceptual reconstruction with special reference to addiction. *Psychopharmacology*, 221(3), 361-387. <https://doi.org/10.1007/s00213-012-2689-x>
14. Herbert S. (A Behavioral Model of Rational Choice. *Quarterly Journal of Economics*, 69(1), 99-118, 1955), <https://www.jstor.org/stable/1884852>
15. Tversky A. and Kahneman D. (Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*, 185(4157), 1124-1131, 1974 <https://science.sciencemag.org/content/185/4157/1124>
16. Akerlof G. and Shiller R. (Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism. Princeton: Princeton University Press, 2009) <https://www.amazon.com/Animal-Spirits-Psychology-Drives-Economy/dp/0691142335>
17. Tannenbaum D., Craig R. Fox, and Noah J. Goldstein ("Loss Aversion" in Riskless Choice: A Reference-Dependent Model. *Quarterly Journal of Economics*, 126(4), 1643-1675, 2011) <https://www.jstor.org/stable/23016504>
18. Milgram, S. (1974). *Obedience to Authority: An Experimental View*. New York: Harper & Row.
19. Cialdini, R. B. (2001). *Influence: Science and Practice* (4th ed.). Boston: Allyn & Bacon.
20. Lepper, M.R., Greene, D., & Nisbett, R.E. (1973). Undermining children's intrinsic interest with extrinsic reward: A test of the «overjustification» hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 28(1), 129-137. <https://doi.org/10.1037/h0035519>
21. Deci, E.L., Koestner, R., & Ryan, R.M. (1999). A meta-analytic review of experiments examining the effects of extrinsic rewards on intrinsic motivation. *Psychological bulletin*, 125(6), 627-668. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.6.627>
22. Frey, B.S., & Jegen, R. (2001). Motivation crowding theory. *Journal of economic surveys*, 15(5), 589-611. <https://doi.org/10.1111/1467-6419.00150>
23. Ariely, D., Gneezy, U., Loewenstein, G., & Mazar, N. (2009). Large stakes and big mistakes. *Review of Economic Studies*, 76(2), 451-469. <https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2009.00523.x>
24. Worchel, S., Lee, J., & Adewole, A. (1975). Effects of supply and demand on ratings of object value. *Journal of Personality and Social Psychology*, 32(5), 906-914. doi: 10.1037/0022-3514.32.5.906
25. Fuchs, C., Prandelli, E., & Schreier, M. (2010). The psychological effects of empowerment strategies on consumers' product demand. *Journal of Marketing*, 74(1), 65-79. doi: 10.1509/jmkg.74.1.65
26. Brehm, J. W. (1966). *A theory of psychological reactance*. New York: Academic Press.
27. Snyder, M., Tanke, E.D., & Berscheid, E. (1977). Social perception and interpersonal behavior: On the self-fulfilling nature of social stereotypes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 35(9), 656-666. doi: 10.1037/0022-3514.35.9.656
28. Petty, R.E., & Cacioppo, J.T. (1986). *Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change*. New York: Springer-Verlag.
29. Berger, J., & Milkman, K.L. (2012). What makes online content viral? *Journal of Marketing Research*, 49(2), 192-205. doi: 10.1509/jmr.10.0353
30. Taler, R., & Sunstein, C.R. (2008). *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. Yale University Press. doi: 10.2307/j.ctt1nq9bx9.
31. Halpern, D., Service, O., Thaler, R.H., & Behavioral Insights Team (Great Britain). (2015). *Inside the Nudge Unit: How small changes can make a big difference*. Illustrated edition. W.H. Allen. ISBN 0753556545, 9780753556542. Total pages: 383
32. Langer, E.J. (1975). The illusion of control. *Journal of Personality and Social Psychology*, 32(2), 311-328. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.32.2.311>
33. Свапнил, Ш. Когнитивные искажения современности / Ш. Свапнил // *Качество жизни: современные риски и технологии безопасности: Материалы II Международной научно-практической конференции, Тверь, 17–18 апреля 2017 года.* – Тверь: Тверской государственной технический университет, 2017. – С. 127-129
34. Кашапова Э. Р., Рыжкова М.В. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида // *Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика*. 2015. №2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-iskazheniya-i-ih-vliyanie-na-povedenie-individa> (дата обращения: 18.08.2023).
35. Медяник О.В., Легостаева Н.И. Коды психологического воздействия на потребителей финансовых услуг в условиях кибермошенничества. В сборнике: *Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании. Материалы Второй и Третьей Международной научно-практической конференции.* Москва, 2023. С. 328-341.
36. Медяник О.В., Легостаева Н.И. Финансовое поведение россиян: факторы, типы, коды уязвимости. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2022. № 4. С. 50-55.
37. Медяник О.В., Медяник А.И. Разработка типологии потребителей финансовых услуг в условиях кибермошенничества. В книге: *Ананьевские чтения - 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков - к новым достижениям и инновациям. материалы международной научной конференции.* Санкт-Петербург, 2022. С. 793-794.

© Медяник Ольга Викторовна (medyanikov@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛОЛА ХОФФМАНН: ПИОНЕР ЮНГИАНСТВА В ЧИЛИ

LOLA HOFFMANN: PIONEERING JUNGIANISM IN CHILE

K. Mosunova

Summary: Objective: This article aims to provide an overview of the accomplishments of Lola Hoffmann, one of the early proponents of Jungianism in Chile. Methods: The research for this article involved literature analysis, comparative analysis of different approaches, and the synthesis of information. Findings: This study presents a concise biography of Lola Hoffmann, highlighting key moments in her life and career, as well as her significant contributions to the promotion of Jungianism in psychotherapy. Conclusions: Lola Hoffmann is widely recognized in Chile as one of the most influential and renowned psychotherapists. Her invaluable contributions to the development of psychotherapy, particularly in Latin America during the 20th century, are highly regarded.

Keywords: Lola Hoffmann, C. Jung, psychotherapy, Chile, Latin America, Jungianism.

Мосунова Ксения Александровна

Международный институт информатики, управления,
экономики и права;
АНО ДПО «Институт психотерапии и клинической
психологии», г. Москва
k.gubina.rod@mail.ru

Аннотация: Цель: описание достижений одного из первых последователей юнгианства в Чили - Лолы Хоффманн. Методы: во время работы над статьей использовались такие методы, как: анализ литературы, метод сравнения и сопоставления различных подходов, методы обобщения и синтеза. Результаты: представлена краткая биография ученого, рассмотрены ключевые моменты в ее жизни и карьере, а также достижения Лолы Хоффманн в продвижении юнгианства в психотерапии. Выводы: Лола Хоффманн признана в Чили одним из популярных и известных психотерапевтов. Отмечен ее огромный вклад в развитие психотерапии в XX веке, особенно в Латинской Америке.

Ключевые слова: Лола Хоффманн, К. Юнг, психотерапия, Чили, Латинская Америка, юнгианство.

Введение

Лола Хоффманн (1904–1988) до сих пор является одной из самых ярких ученых в психотерапии Чили, однако о ее деятельности и достижениях совершенно неизвестно в России, которая является ее исторической родиной. Деятельность ученого не была связана с Россией, но оказавшись на другой стороне планеты, Лола Хоффманн пришла к пониманию, что именно изучение опыта и травм предыдущих поколений могут исчерпывающе ответить и помочь в тех вопросах, в которых недостаточно было исследований одной только науки - медицины. Характер вклада Хоффманн в психотерапевтическую науку тесно переплетается с ее собственным личностным развитием.

Методы

При написании статьи использовался анализ литературы – изучение существующих статей, книг и других источников информации по теме исследования, что помогло определить актуальность темы, выявить основные проблемы и направления исследований, а также определить ключевые источники для дальнейшего изучения. Также применялся метод сравнения и сопоставления различных подходов и результатов исследований по теме исследования и методы обобщения и синтеза для создания целостного представления о теме исследования.

Результаты

Елена Якоби – Лола Хоффманн – родилась в Риге, столице современной Латвии, на тот момент части Российской империи, 19 марта 1904 года. Она была второй из трех детей, рожденных Зигфридом Якоби и Сельмой Якоби, приходившимися друг другу двоюродными братом и сестрой. Ее отец был уважаемым юристом, а мать, что было редкостью в то время, была свободной эмансипированной женщиной [2].

Судьба Якоби резко изменилась с началом Первой мировой войны. А в 1919 году, в разгар Гражданской войны, семья Якоби покинула родной город и поселилась в Германии. В Фрайбурге Елена изучала медицину вопреки желанию своих родителей. Во Фрайбургском университете в это время преподавали выдающиеся философы Эдмунд Гуссерль и Мартин Хайдеггер, а Елена даже посещала лекции Рихарда Вильгельма и Карла Густава Юнга, не предполагая, что тридцать лет спустя эти авторы станут столь важными в ее жизни [5].

Защитив дипломную работу о надпочечниках крыс в 1928 году и получив высшее образование, Елена отправилась в Берлин в качестве ассистента к ведущему гормонологу Германии Паулю Тренделенбургу. В Берлине она стала свидетелем культурного подъема тех лет: присутствовала на премьере «Весны священной» Игоря Стравинского, «Трёхгрошовой оперы» Бертольда Брехта, интересовалась дадаизмом, движением Баухаус и твор-

чеством художника Курта Швиттерса. К тому же она имела возможность посетить скрипичный концерт в исполнении Альберта Эйнштейна, который был организован для сбора средств для бедных еврейских студентов.

В Берлине Елена встретила чилийского ученого, доктора Франца Хоффмана, за которого вышла замуж. У пары было двое детей, Адриана и Франсиско, которые жили со своими дядями по материнской линии и двоюродными братьями в одном доме.

После того, как Хоффманы были назначены на кафедру физиологии Университета Чили, Франц работал по контракту академическим работником, а его жена - почетным ассистентом. Такой порядок вещей сохранялся в течение двадцати пяти лет. Эти годы Лола посвятила исследованиям. В возрасте сорока пяти лет она почувствовала волнующую неуверенность, что побудило ее совершить переломный шаг в своей научной карьере [6].

Сама Лола комментировала это следующим образом: «Моя работа в Институте физиологии не оплачивалась, а мысль о смерти Франца ужасала меня». «Я начала сомневаться в своей эмоциональной и экономической зависимости от Франца, что контрастировало с моей спонтанной и продуктивной независимостью в юности». Обеспокоенная своим положением, она решила, прежде всего, подтвердить свой диплом врача-хирурга без какого-либо определенного проекта. Однако ей в руки попала книга по теории К.Г. Юнга, написанная Иоландой Якови, ученицей исследователя. Эта книга произвела на Лолу такое впечатление (а одновременно с этим странное созвучие, практически омонимичность ее фамилии к своей), что та решила встретиться с автором в Мюнхене. На встрече Иоланда истолковала сон, приснившийся Лоле перед уходом из физиологии [7].

Во сне она видела себя делающим обычную операцию, при которой она вскрывала грудную клетку собаки. Но вдруг, изнутри животного, появилась госпожа Энгель, секретарь института. Лола так испугалась, подумав, что убила секретаря, что она вдруг проснулась. Интерпретация доктора Якови заключалась в том, что она убивала своего собственного ангела (Engel по-немецки ангел), работая в лаборатории. Она призвала Лолу следовать собственной интуиции и пойти в психиатрию. В 1953 году она получила почетную должность в психиатрической клинике под руководством доктора Игнасио Матте, где проработала пять лет, а затем отправилась в Европу, чтобы учиться у Эрнста Кречмера и у уже пожилого Юнга [5].

Стоит сказать о ее встрече со скульптором Тотилой Альбертом, с которым у нее завязались сентиментальные отношения, продолжавшиеся до самой смерти скульптора. На самом деле отношения со скульптором повлияли на очередную смену направления ее жизни, как она сама

заявляет: «это была такая важная встреча, что вдруг одним вздохом она изменила всю мою жизнь... Чрезвычайно счастливое время, и при этом также грустное, потому что оно проходило между виной и любовью»... «Я была с ним в течение семнадцати лет, до самой его смерти, в отношениях, в которых мы вдвоем продолжали поддерживать свои собственные семейные жизни» [3]. Благодаря Тотиле Лола утверждает, что получила энергию, которая помогла ей в ее формировании ее индивидуальности и продолжала развиваться, работать и помогать своим пациентам до последних дней своей жизни.

Лола Хоффманн была пионером юнгианского движения в Чили в то время, когда академическую поддержку имел исключительно фрейдистский психоанализ. Тем не менее, она настойчиво распространяла работы Юнга, организуя учебные группы и семинары по сновидениям, что стало ядром Фонда К.Г. Юнга. Юнг, первоначально последователь Зигмунда Фрейда, вскоре оставил психоанализ, потому что его видение психического механизма в появлении невроза было другим. Юнг основывал свою терапию на процессе индивидуации, который возвышает человека до объединения личности. Для этого он прибегает к различным процедурам анализа бессознательного, основной из которых является толкование снов [1].

Лола Хоффманн вслед за Юнгом сначала посвятила себя анализу сновидений, развивая это в возможностях работы со своими пациентами. Ее эрудиция и знание символов, культуры греко-римских, иудео-христианских и восточных стран позволило ей выработать богатое представление о мифологии, легендах и фольклоре. В течение тридцати восьми лет она записывала как свои собственные сны, так и сны своих пациентов. Ее техника включала в себя стимулирование сновидца, как указывает Юнг, к расширению, заключающемуся в изучении всех возможных коннотаций содержания сновидения, включая иррациональное и фантастическое, с учетом его биографии и условий повседневной жизни. Она подтвердила, как говорил ее учитель, что это больше, чем отдельный сон, это серия снов, которые позволяют нам изучить его значение. Точно так же она наблюдала совпадения, обнаруженные между снами разных спящих: «Душа во всем мире одна. Глубина души знает, что она не смертна, что жизнь подобна проходу сквозь материю и что если человек позволяет себе направлять, слушать, повиноваться и действовать, то он выполнил свою миссию» [9].

По мере того, как она продвигалась в своей собственной индивидуации, она была более становилась способной к облегчению страданий своих пациентов. Также росло количество ее учеников и ее слава как мудрой женщины. А Юнг говорил, что именно в этом и заключается конечная цель терапии: мудрость. В последние годы своей жизни она искал новые процедуры для открытия восприятия в восточных источниках - она перевела ки-

тайскую традиционную книгу перемен «И Цзин» на испанский язык.

Но наибольшим открытием в зрелом возрасте у Лолы Хоффманн было объединение разных терапевтических практик для работы с трансгенерационными психологическими травмами. Она называла это - работа с предками.

В начале 1980-х годов она объединила их в дисциплину, которой дала название - анцестрология (от исп. ancestro - предок). В ней она смогла объединить весь свой клинический и аналитический опыт.

С 1984 года с ней начал работать Педро Энгель, который в последний несколько десятилетий возглавляет Школу Анцестрологии [4]. Комплексный подход в работе с унаследованными моделями поведения в данной традиции имеет целью не просто излечение, но и нацелен на то, чтобы дать человеку понимание ответственности о трансцендентности его действий в будущих поколениях.

В настоящее время продолжают дела Лолы Хоффманн многие специалисты, как в Чили, так и в других странах. Последователи анцестрологии в Чили продвигают идею активного взаимодействия между разными отраслями знания, привлекая к сотрудничеству и диалогу представителей наиболее консервативных отраслей психиатрии, естественных и точных наук.

Вот что пишет на эту тему чилийская юрист и психотерапевт Кристина Льягуно: «Вчера я прочитала статью в газете, в которой говорилось, что в США обезьяну заставили импульсом мысли включить компьютер. И они показали это как великий научный подвиг, утверждая, что было бы очень хорошо применить его к тем людям, у которых нет каких-то частей тела, чтобы они могли двигаться. Но если бы эти люди были поскромнее, они бы поняли, что есть такие люди, как Лола, сам Хеллинггер, произведения Анны Анселин Шутценбергер, например. Если своими мыслями мы направим жизнь ребенка, и не только ребенка, если мы сможем решить, что они будут

делать через три поколения, наши внуки и правнуки, им не нужно было бы заставлять обезьяну включать телевизор. Это также происходит потому, что в науке есть непроницаемые перегородки.

Что ученые должны сделать, так это посмотреть не много больше на то, что делают соседи, но не их соседи-ученые, я имею в виду. Время от времени им нужно расфокусироваться, чтобы увидеть то, что их окружает. Мы не единожды обнаружим, что есть замечательные люди, которые делают более впечатляющие вещи, обнаружим много специалистов, помогающих людям, и вместо того, чтобы завидовать им, мы можем видеть, как это происходит, работать и применять их методы, принять их» [4].

В чилийском обществе сильна память и травмы военного переворота 1973 года и последовавших за ним лет диктатуры, насилия и репрессий. Многие последователи Лолы Хоффманн работают с потомками жертв репрессий и со случаями, когда в семье есть люди, занимавшие противоположные лагеря в событиях тех лет. Поэтому открытый диалог и взаимодействие в вопросах психологии находит доброжелательную реакцию, прежде всего, в интеллектуальных кругах.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Лола Хоффманн является одним из пионеров юнгианства в Чили. Личность Лолы Хоффманн и ее деятельность очень интересны и важны для понимания развития психотерапии в XX веке. Ее непростой жизненный путь наложил отпечаток на ее наследие. Путь от хирургической медицины через психиатрию до использования символических практик в работе с бессознательным - довольно характерен для терапии этого периода и более всего в Латинской Америке. Удивительным образом, Лоле удалось оказаться в самых разных местах и быть современницей эпохальных и трагических событий (при этом не быть вовлеченной ни в одни из них), и при всем этом сохранить огромное жизнелюбие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг К. Архетипы и коллективное бессознательное. Москва: АСТ, 2019.
2. Calderón Leonora. Mi Abuela Lola Hoffmann. 2ª edición Cuatro Vientos. Editorial Santiago, Chile, 1997.
3. Delia Vergara. Encuentros con Lola Hoffmann. Santiago de Chile: Editorial Catalonia, 2018
4. Engel Pedro. Ancestrología: sanando con los antepasados. Buenos Aires: Del Nuevo Extremo, 2014. Pp. 55-56.
5. Enrique Escobar M. Lola Hoffmann: Terapeuta Jungiana (1904-1988) // Revista Chilena de Neuro-Psiquiatría. 2008. №46 (1). Pp. 63-65.
6. Juan Cristóbal Villalobos. Una aventura radical: El camino de Lola Hoffmann. Santiago de Chile: Ediciones UDP, 2023.
7. Leonora Calderon Hoffmann Lola Hoffmann: La revolución interior. Penguin Random House Grupo Editorial Chile, 2014.
8. Pedro Engel, Gloria Liberman. Ancestrología en la empresa: Un nuevo concepto que contribuye al éxito: Santiago de Chile: Norma, 2012.
9. Reyes W, Julia X. Bienaventurado el que no se escandalice de mí. Notas Psicobiográficas de Lola Hoffmann. Terapia Psicológica. 2001. № 19 (36). Pp. 91-103.

© Мосунова Ксения Александровна (k.gubina.rod@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К СВОЕЙ ВНЕШНОСТИ

Рубанова Евгения Юрьевна

Кандидат психологических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)
blizru@bk.ru

THE ROLE OF CULTURE IN THE DEVELOPMENT OF A PERSON'S ATTITUDE TO HIS APPEARANCE

E. Rubanova

Summary: The article is devoted to the study of the influence of modern culture of idealization and standardization of specific models of the appearance of men and women, as well as people of different age categories from the perspective of a psychocultural approach. The author presents the problems of social, labor and household discrimination faced by many people in different countries of the world, and, in addition, examines the mental aspect of the influence of all factors of aggressive imposition of images of "ideal" appearance on human life. It is concluded that the negative influence of a culture that denies the individualism of the human body and its image causes the development of various mental disorders and disorders, including eating disorders, dysmorphic phobia, a decrease in self-confidence, as well as the development of depression or other forms of social isolation.

Keywords: dysmorphophobia, eating disorder, social isolation, beauty standards, culture, depression, mental health, self-confidence.

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния современной культуры идеализации и стандартизации конкретных моделей внешности мужчины и женщины, а также людей различных возрастных категорий с позиции психокультурного подхода. Автором приводятся проблемы социальной, трудовой и бытовой дискриминации, с которой сталкиваются многие люди в разных странах мира, и, кроме того, исследуется психический аспект влияния всех факторов агрессивного навязывания образов «идеальной» внешности на жизнедеятельность человека. Делается вывод о том, что негативное влияние культуры, отрицающей индивидуализм человеческого тела и его образа, становится причиной развития различных психических отклонений и расстройств, среди которых расстройство пищевого поведения, дисморфофобия, снижение уровня самоуверенности, а также развитие депрессии или иных форм социальной изоляции.

Ключевые слова: дисморфофобия, расстройство пищевого поведения, социальная изоляция, стандарты красоты, культура, депрессия, психическое здоровье, самоуверенность.

Отношение личности к своей личности играет крайне важную роль в построении бытовых, профессиональных, социально-межличностных и иных отношений в процессе жизнедеятельности человека. При этом на сегодняшний день мы можем столкнуться если не с глобальной, то по крайней мере с достаточно серьёзной проблемой, затрагивающей многие современные общества и связанной с влиянием социально-культурных факторов на идеализацию стандартов красоты и поведения человека, что находит своё отражение в росте случаев психических расстройств по типу дисморфофобии, нарушении пищевого поведения и вплоть до развития различных форм депрессии.

В первую очередь следует определить, что же понимается под внешностью? Так, доктор психологических наук и профессор Рябкина З.И. рассматривает категорию внешности через призму телесности человека, которая в свою очередь проявляется в многообразии и полифункциональности, эксплицируясь во внешнем облике конкретного индивидуума [3, с. 51].

В таком случае внешность – это своего рода собирательное понятие, отражающее совокупность морфологических особенностей человека, в том числе,

характеризующее качество функционирования систем организма индивидуума, особенности функционирования его органов, а также внешних признаков тела. Фактически внешность представляет собой комплексное отражение индивидуальных качеств и характеристик человеческого организма, в связи с чем это также и информативный источник о личности и её бытии.

Как правило, во внешности человека уделяется особое внимание внешнему строению головы и лица, такому строению туловища, а также отдельных конечностей человека. Также берутся во внимание отдельные органы на лице, специфические морфологические характеристики по типу роста человека, учитываются анатомические особенности, в частности осанка и походка. Это своего рода базовые элементы и признаки внешности человека, которые первично оцениваются другим субъектом.

Следует отметить, что в последнее двадцатилетие отмечается усиление внимания ко вторичным элементам естественной внешности, в частности, к таким морфологическим элементам как ресницы, брови, учитывается форма и размер губ, форма и цвет зубов, форма носа, подбородка. Развиваются функциональные элементы и признаки, среди которых мимика, жестикуляция, походка, голос и речь и др.

И если все отмеченные элементы, признаки и характеристики внешности так или иначе связаны с естественным происхождением, то также справедливо заметить, что на сегодняшний день не меньшее внимание уделяется сопутствующим элементам внешности, к которым относится одежда, аксессуары, обувь, головные уборы, очки, а также иные вещи, которые человек носит с собой и которые так или иначе влияют на общее восприятие внешности субъекта социума, характеризую его внешний облик.

Однако, чем важна внешность в современном обществе и каким образом собственное отношение к ней влияет на уровень жизни, психическое и физическое состояние человека? Феномен красоты в психоисторическом аспекте формировался в течение многих веков на основании тех или иных культурных стереотипов, свойственных для конкретного общества и в конкретный промежуток времени.

Тенденции отношения к внешности, идеалы, стандарты, а также иные предрасположенности неоднократно изменялись и к 20 веку скорость изменения трендов значительно усилилась, в связи с чем уже в 21 веке отношение людей к «идеалам» внешности других людей меняется каждые 2-4 года. Связаны такие процессы в том числе с глобализацией не только политических и экономических отношений, но и также в связи со смешением культурных особенностей народов разных стран. В особенности транслированию новых культурных эталонов в отношении внешности человека способствуют сети-Интернет, средства массовой информации, а также массовые медиа, которые опираясь на спрос, агрессивно навязывают новые культурные стереотипы относительно внешности современного человека, типизируя облик и поведение людей в зависимости от их гендерной принадлежности.

Не стоит недооценивать влияния культурных стереотипов и сформированных трендов в отношении внешности человека, поскольку данный атрибут личности является если не главным, то по крайней мере очень важным элементом социальной, трудовой, межличностной и иной интеграции субъекта в общество. В особенности чрезмерное влияние внешности на все главные аспекты общественной жизни можно проследить в обществе Южной Кореи, где данный феномен носит даже дискриминационный характер.

Данный факт подтверждает исследователь Шакирова Е.И., отмечая: «лицо, фигура, одежда — это главные факторы, по которым корейцы оценивают всех, кого встречают... Огромную роль в современной жизни играет внешность, тогда как дискриминация по внешнему виду является острой социальной проблемой» [5, с. 92].

И ведь действительно, при исследовании данного

психокультурного феномена, в особенности распространенного в Южной Корее, можно заметить, что менее привлекательные люди подвергаются буллингу в образовательной среде, менее конкурентоспособны даже при наличии больших профессиональных навыков и умений по сравнению с более красивыми людьми в трудовой среде, а также за редким исключением могут быть интегрированы в социальные связи, обрести друзей и семью. Ситуация с чрезмерным влиянием отношения общества к внешности его участников доходит вплоть до того, что корейские дети не могут наравне с другими поступить в конкретное учреждение дошкольного образования или в школу, осуществляя тем самым сегрегацию по признаку внешности начиная с малых лет и формируя психоэмоциональное отношение о важности внешности в жизни корейцев [6].

Менее распространено культурное влияние на отношение общества к внешности людей в странах Европы, при этом такая проблема, но в меньшей мере, также прослеживается в российском, казахском, белорусском, украинском и некоторых других обществах.

Исходя из выше рассмотренных видов дискриминации, можно заметить, что большая часть дискриминационных практик завязана на визуальной составляющей, стереотипы и отношения к другому обязательно в большей или меньшей мере включают в себя характеристики облика, из чего следует, что ущемления по внешности неотрывно связаны с другими видами дискриминации (к примеру, на основании финансового положения и социального происхождения; на основании национальной или расовой принадлежности; и т.д.) и должны изучаться вкупе с ними.

Определив важность социально-культурного влияния лукизма на благосостояние отдельно взятого индивидуума, в частности, определив в чём именно проявляется негативный и дискриминационный эффект стереотипизации идеалов внешности человека, следует определить как же данное явление влияет на процесс самоотношения личности с психической точки зрения?

В первую очередь, стереотипы и стандарты моды, а также искусственно формируемые идеалы красоты побуждают людей придерживаться их, даже вопреки тому, что это может противоречить их осознанным интересам и реальным желаниям. Дабы не быть «изгоем» современного общества, люди пытаются придерживаться тех трендов в отношении внешности, которые действуют в конкретный промежуток времени, тем самым стараясь соответствовать общим ценностям. К примеру, в России и ряде стран постсоветского пространства психическая компенсация неполноценности внешности осуществляется за счёт приобретения брендовых и иных дорогостоящих атрибутов, которые могут отразить не только внешний облик человека, но и также его социально-экономический статус.

В Южной Корее, Китае, Тайланде, Сингапуре и некоторых других странах большой акцент делается именно на морфологических особенностях тела, в связи с чем дабы поддерживать стандарты красоты, граждане этих стран делают пластические операции и иные серьёзные хирургические вмешательства, связанные с изменением формы и размера носа, губ, подбородка, разреза глаз, размера лба, груди, ягодиц и других частей тела.

Ученые из исследовательской лаборатории Univ-Tomorrow Research Laboratory for the Twenties (UTRLT) провели исследование среди корейской молодежи в возрасте от 20 до 35 лет. Исследование проводилось с целью определить, какой процент молодых людей уже успели опробовать на себе услуги пластической хирургии. Опрос показал, что 38 % граждан уже проходили пластическую операцию, причем почти половина из них делали полостные операции, а вторая половина – инвазивные [7].

По другим данным опроса, проведенного корейским агентством по изучению потребительского спроса (КСА) среди 1000 пациентов, выявлено, что 70% граждан перенесли пластическую операцию для улучшения внешности, а 14.5% считают, что результат улучшил их перспективы на получение повышения по службе или переход на более престижную работу [8]. Из 1000 опрошенных при этом 32% не удовлетворены результатами операции в последующем, что связано со сравнительно быстрым изменением трендов в отношении внешности в Корее (примерно раз в 1-2 года).

Психическое отношение личности к своей внешности, меняющееся под влиянием современной культуры, также трансформируется в иное, менее радикальное, но не менее опасное направление для жизни человека. Люди, ошибочно воспринимающие свою внешность несоответствующей современным стандартам красоты и моды при сопоставлении с образами, наблюдаемыми в социальных сетях, масс-медиа и СМИ, прибегают к неосознанным изменениям в своём организме.

В первую очередь на волне неудовлетворённости своей внешностью в связи с избыточным весом, люди могут садиться на изнуряющие диеты, заниматься спортом, травмирующим и изматывающим психические и физические ресурсы организма. Более опасно при этом нарушение пищевого поведения, которое может выражаться в психоэмоциональной зависимости человека от подсчёта калорий, в постоянном контроле за потребляемой едой, а также в испытании чувства вины за употребление пищи сверх меры или такой якобы «вредной» еды.

Расстройство пищевого поведения на фоне неудовлетворённости человека своей внешностью, стремящегося создать своё тело по идеалу, который он неоднократно и ежедневно наблюдает в сети-Интернет и даже

в социальной среде, может привести к развитию более серьёзных психических расстройств, среди которых анорексия, булимия, компульсивное переедание, диетическая депрессия.

Кандидат психологических наук Мешкова Т.А. и учёный Дурнева М.Ю., рассматривая в своём исследовании сущность деструктивного влияния нарушения пищевого поведения, справедливо отмечают: «данное психическое расстройство связано с серьёзными негативными изменениями в эмоциональной, поведенческой, личностной сферах, а также с нарушениями восприятия собственного тела. Следует подчеркнуть и хроническое течение данных нарушений, приводящих к снижению качества жизни в личностном, межличностном и финансовом планах» [1, с. 26].

Для менее волевых людей и личностей с низким уровнем самосознания столкновение с негативным влиянием массовой информации, транслирующей стереотипы в отношении внешности, это может обернуться и в более серьёзные последствия психических отклонений, в рамках которых человек не то чтобы не сможет осуществить принятие своей индивидуальности, но и также не будет в силах приспособиться под новые стандарты, что очевидно только усугубит ситуацию с самоотношением к своей внешности.

Это выражается, в частности, в развитии дисморфофобии, то есть такого расстройства психики, при котором личность чрезвычайно и в некоторой мере необъективно обеспокоено дефектами, характеристиками и иными особенностями своей внешности. К симптомам дисморфофобии относятся:

- устойчивое стремление глядеть в зеркало, поиск выгодного ракурса, при котором недостаток не так виден;
- отказ от фотографий;
- диета и физические упражнения, косметологические процедуры вплоть до пластических операций, злоупотребление косметикой, использование эпатажной одежды и аксессуаров с целью отвлечь внимание от дефекта;
- непрерывный поиск информации в целях устранения определённых недостатков;
- неуверенность и избегание социальных связей вплоть до полной или частичной изоляции с сопутствующим развитием депрессии [2, с. 194].

Справедливо отметить, что на отношение личности к своей внешности негативное оказывает влияние и иная крайность – культивирование ценностей о принятии «нездоровых» образов физического и психического состояния личности. К примеру, речь идёт о продвижении в социальных сетях культуры одобрения полных людей. Никто не отрицает саму необходимость борьбы с фэтшеймингом

и дискриминацией людей с избыточным весом, однако трансляция идей о том, что иметь излишнюю массу тела это нормально, не указывая на очевидные проблемы, связанные как с физическим здоровьем (нарушение опорно-двигательного аппарата; нарушение гормонального фона; образование проблем с сердечно-сосудистой системой), так и с таким психическим здоровьем (переедание; эмоциональная зависимость от еды; диетическая депрессия), это также неправильный подход к решению проблемы.

Ожирение населения – это полноценная социальная проблема, с которой сталкиваются многие страны (США; Бразилия; Россия), в то время как одобрение обществом полных людей и сглаживание проблем, вытекающих из состояния ожирения, лишь затормаживает процессы формирования психически и физически здорового населения.

Положительное культурное проявление на отношение личности к своей внешности можно проследить в движении бодипозитива (в его адекватном проявлении). Данное культурное явление продвигает идею позитивного отношения личности к своей внешности вне зависимости от имеющихся дефектов, особенностей морфологического характера, а также от сформированных в обществе стандартов красоты [4, с. 172].

Бодипозитив представляет своего рода осознанность идентичности своего тела и адекватное понимание его психофизических потребностей, в связи с чем указанный культурный феномен позволил, к примеру, инвалидам и иным людям с отклонениями в физическом развитии принять собственную внешность, быть уверен-

ными и полноценно вступать в социальные отношения, не ожидая оценок и осуждения общественности.

В целом же по итогам исследования можно прийти к выводу о сильнейшем влиянии культуры в процессы отношения личности к своей внешности. Представляется возможным выявить тенденцию к усилению внимания народов различных государств к своей внешности в связи с глобализационными процессами и взаимопроникновением культур, что в особенности легко осуществляется с помощью сети-Интернет. Основной и общий посыл современной культуры как-бы полярно делится на две основы, где в рамках одной происходит типизация и идеализация внешности человека, что сказывается негативно на психоэмоциональном отношении личности к самому себе, а также побуждает к развитию дискриминации в таком социуме.

В содержании другого направления влияния культуры на отношение личности к своей внешности можно отметить позитивное влияние, основанное на адекватном и осознанном восприятии человеком своих характеристик.

Однако проанализированные в статье материалы доказывают, что в основном население различных стран в большей мере сталкивается как раз таки с агрессивным навязыванием стереотипов, стандартов, ценностей и иных моделей того, как должен выглядеть человек, что способствует развитию различных видов дискриминаций на основании внешности, среди которых фэтшейминг приносит психическому здоровью уязвимых людей наибольший ущерб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дурнева, М.Ю. Влияние социокультурных стандартов привлекательности на формирование отношения к телу и пищевого поведения у девушек подросткового и юношеского возраста / М.Ю. Дурнева, Т.А. Мешкова // Психологическая наука и образование. – 2013. – Т. 18, № 2. – С. 25-34.
2. Косицына, Д.С. Диморфобия как форма психического расстройства в подростковом возрасте / Д.С. Косицына // Молодежь XXI века: шаг в будущее. – 2019. – №20. – С. 194-195.
3. Рябикина, З.И. Отношение к своей внешности как фактор структурирования бытия и события личности / З.И. Рябикина // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия: Материалы Всероссийской научной конференции, Ростов-на-Дону, 28–30 октября 2019 года / Под общей редакцией П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Кредо», 2019. – С. 51-52.
4. Торопина, Н.Ю. Предпосылки возникновения бодипозитива как социального движения / Н.Ю. Торопина // #ScienceJuice2020: Сборник статей и тезисов, Москва, 23–27 ноября 2020 года / Составители: Е.В. Страмнова, С.А. Лепешкин. Том 1. – Москва: Издательство ПАРАДИГМА, 2021. – С. 170-177.
5. Шакирова, Е.И. Лукизм в Южной Корее как социальный феномен начала XXI в / Е.И. Шакирова // Современные востоковедческие исследования. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 91-101.
6. Нет косметике и к-пор: как феминистки Южной Кореи борются со стереотипами // Forbes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/480130-net-kosmetike-i-k-pop-kak-feministki-uznoj-korei-borutsa-so-stereotipami> (дата обращения: 29.07.2023).
7. Почти половина жителей Южной Кореи делали пластические операции // EMC group of companies European medical center [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.emc-beauty.ru/advice/3043> (дата обращения: 29.07.2023).
8. Южная Корея: испорченные красотой // BBC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/society/2014/12/141217_south_korea_plastic_surgery_victims (дата обращения: 29.07.2023).

© Рубанова Евгения Юрьевна (blizru@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА СТАРШЕКЛАСНИКОВ

Щербакова Наталья Евгеньевна

канд.пед.наук, доцент, доцент,
Пензенский государственный университет
stenyakova-n@mail.ru

Сигаева Анастасия Сергеевна

Пензенский государственный университет
sigaeva.anastasija@yandex.ru

A STUDY ON THE MOTIVATION OF HIGH SCHOOL STUDENTS TO CHOOSE A CAREER

**N. Shcherbakova
A. Sigaeva**

Summary: The article is devoted to the actual problem of motivation of high school students' professional choice. After all, adolescence in domestic psychology is considered as a psychological age of transition to independence, a period of self-determination, formation of worldview, moral consciousness and self-consciousness. One of the most important lines of development of this period is the process of professional self-determination, which culminates in a professional choice. It is important to understand that choosing a career is a complex, multidirectional process that requires careful preparation and reflection. In making this choice, you need to consider a variety of psychological aspects: your interests, abilities, and individual characteristics, as well as environmental factors such as the social status of the profession, employment opportunities, and salary. The article presents the results of the research conducted on the psychological aspects of motivation of high school students' professional choice.

Keywords: motivation, motive, professional choice, professional self-determination, senior school age, choice, career guidance.

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме мотивации профессионального выбора старшеклассников. Ведь юность в отечественной психологии рассматривается как психологический возраст перехода к самостоятельности, период самоопределения, формирования мировоззрения, морального сознания и самосознания. Одной из важнейших линий развития этого периода является процесс профессионального самоопределения, кульминацией которого становится профессиональный выбор. Важно понимать, что профессиональный выбор – это сложный и многовариантный процесс, который требует тщательной подготовки и размышления. В процессе выбора необходимо учитывать разнообразные психологические аспекты: свои интересы, способности и индивидуальные особенности, а также факторы внешней среды, такие как социальный статус профессии, возможности трудоустройства и заработная плата. В статье представлены результаты проведенного исследования психологических аспектов мотивации профессионального выбора старшеклассников.

Ключевые слова: мотивация, мотив, профессиональный выбор, профессиональное самоопределение, старший школьный возраст, выбор, профессиональная ориентация.

Юность в отечественной психологии рассматривается как психологический возраст перехода к самостоятельности, период самоопределения, формирования мировоззрения, морального сознания и самосознания. Одной из важнейших линий развития этого периода является процесс профессионального самоопределения, кульминацией которого становится профессиональный выбор [5].

Важно понимать, что профессиональный выбор – это сложный и многовариантный процесс, который требует тщательной подготовки и размышления. В процессе выбора необходимо учитывать разнообразные психологические аспекты: свои интересы, способности и индивидуальные особенности, а также факторы внешней среды, такие как социальный статус профессии, возможности трудоустройства и доходность.

Это может привести к ошибкам и неудачам в будущей профессиональной деятельности, а также к неудовлетворенности результатами своего выбора.

В отечественной психологии выделяются несколько

этапов профессионального выбора: идеи и размышления о профессиональном будущем, сбор и анализ информации о профессиях, определение личных интересов и способностей, принятие решения, а также осуществление выбора и готовность к будущей профессиональной деятельности [10].

Одним из важных факторов успешного профессионального выбора является информированность и образованность. Важно брать на себя ответственность за свое будущее и учиться новому, изучать информацию о профессиях и требованиях к ним, участвовать в различных мероприятиях, связанных с профессиональной ориентацией.

Следовательно, профессиональный выбор – это важный этап в жизни каждого человека, который требует особого внимания и специальной подготовки. Важно помнить, что выбранный путь должен соответствовать не только внешним требованиям, но и индивидуальным потребностям, способностям, чтобы обеспечить успешную готовность к профессиональной деятельности [8].

Например, девушкам часто рекомендуется выбирать профессии, связанные с заботой о других людях, такие как медицинские профессии или педагогическая деятельность. Юношам предлагается ориентироваться на профессии, связанные с техникой или физикой. Эти стереотипы могут оказать влияние на выбор профессии, поэтому профессиональный выбор должен учитывать потребности и интересы каждого учащегося вне зависимости от его пола.

Обеспечение непрерывного образования личности невозможно без внутренней готовности к профессиональному выбору и положительной мотивации. Недостаточный уровень развития или вообще отсутствие мотивации выбора профессии у старшеклассников снижает качество их обучения в дальнейшем.

Одним из важных аспектов мотивации профессионального выбора также является рассмотрение перспектив на рынке труда. Обучающиеся должны осознавать потенциальные возможности для трудоустройства в соответствии с выбранной профессией и учитывать потребности рынка труда. Также важно учитывать научно-технические изменения в мире труда и их влияние на текущие и будущие профессии.

Осуществление правильного профессионального выбора должно обеспечить учащимся возможность оценить свои сильные и слабые стороны и выбрать профессию, которая наилучшим образом отвечает их способностям и интересам. Психолог, учителя и родители могут помочь старшеклассникам составить профиль своих навыков, а также предоставить информацию о различных образовательных организациях и карьерных линиях в различных отраслях.

В итоге профессиональный выбор старшеклассников должен быть направлен на возможность принимать осознанные решения относительно своих профессиональных целей и обеспечивать им основу для успешной карьеры в будущем.

Проблема мотивации профессионального выбора и профессионального самоопределения рассматривалась и разрабатывалась в рамках отечественной (Н.С. Пряжников, Е.А. Климов, А.А. Реан и многие другие) и зарубежной психологии (Э. Гинзберг, Дж. Голланд, А. Маслоу и многие другие) [1; 2; 3; 4; 6; 9].

Необходимо обращать внимание на динамичный характер мотивации. Она постоянно меняется и приспособляется к новым условиям, а также она может возникать нетипичными способами. Профессиональная мотивация включает в себя несколько типов мотивации. Одним из наиболее распространенных типов мотивации является индивидуальная мотивация, которая связана с

личными целями, потребностями и желаниями личности. Она предопределяет направление профессиональной деятельности и степень удовлетворения в профессиональной деятельности.

Еще одним типом мотивации является социальная мотивация, которая связана с желанием получить одобрение и поддержку со стороны окружающих.

Следующий тип мотивации – экономическая мотивация, которая связана с финансовыми стимулами, такими как зарплата, бонусы и премии. Она может быть важной для некоторых старшеклассников, но не является единственным или даже самым важным фактором мотивации.

Таким образом, профессиональная мотивация имеет большое значение для осуществления профессионального выбора школьниками, поэтому ее изучение и управление являются важной задачей в области организационной психологии и психологии труда.

Проблему исследования составило противоречие между актуальным уровнем научной разработанности проблемы мотивации профессионального выбора старшеклассников и потребностью общества в компетентных, мотивированных на успех профессиональной деятельности, специалистов.

Основной целью исследования было выявление психологических аспектов мотивации профессионального выбора старшеклассников.

Гипотеза нашего исследования заключалась в предположении о том, что к психологическим аспектам мотивации профессионального выбора старшеклассников относятся: различия в значимости социальных, моральных, престижных, внутренних индивидуально и социально значимых мотивов при совершении профессионального выбора.

Исследование проводилось на базе МБОУ СОШ №60 и №63 г. Пензы, в котором приняли участие 68 человек (34 девушки и 34 юноши), возраст составил от 15 до 17 лет.

Эмпирическое исследование включало в себя три этапа.

На первом этапе была проведена диагностика мотивов выбора профессии старшеклассниками, предпочитаемых направлений профессиональной деятельности, а также уровня готовности совершить успешный профессиональный выбор.

Методики исследования:

1. Методика «Мотивы выбора профессии» (Р.В. Овчарова).

2. Методика определения основных мотивов выбора профессии (Е.М. Павлютенков).
3. Методика «Дифференциально-диагностический опросник» (Е.А. Климов; модификация А.А. Азбель).
4. Методика «Профессиональная готовность» (А.П. Чернявская).

На втором этапе была проведена математико-статистическая обработка данных, сформулированы выводы относительно психологических аспектов мотивации профессионального выбора старшеклассников.

На третьем этапе, на основе полученных данных и сформулированных выводов были разработаны практические рекомендации старшеклассникам для осуществления успешного профессионального выбора.

По результатам диагностики предпочитаемых направлений профессиональной деятельности по методике «Дифференциально-диагностический опросник» (Е.А. Климов; модификация А.А. Азбель), значимыми направлениями, на которые ориентируются участники исследования при выборе профессии, являются работа с техникой и технологиями (16,62%), работа со знаниями и информацией (18,04%) и работа с художественными образами (18,33%).

Можно сделать вывод, что большинство людей ищут профессию, которая позволит им взаимодействовать с другими людьми, проявлять творческие способности и использовать свои навыки работы с информацией и технологиями.

Предпочитаемым направлением профессиональной деятельности среди девушек является работа с художественными образами (20,69%) и с другими людьми (20,29%). Среди юношей – работа с другими людьми (19,22%) и со знаковыми системами (18,53%).

Это можно объяснить тем, что сегодня многие молодые люди ищут профессию, которая позволит им делать что-то, что имеет смысл и приносит удовлетворение. Работа с художественными образами и другими людьми может считаться более креативной и интересной, чем работа, которая предполагает просто достижение личных результатов. Кроме того, это может быть связано с тем, что многие молодые люди хотят работать в области, где они могут быть полезны другим людям и где они могут оказывать помощь и поддержку. Наименее предпочитаемым направлением для обеих групп участников является работа, связанная с достижением личных результатов и предполагающая наличие развитых специальных способностей (11,96% среди девушек и 13,14% среди юношей).

По результатам математико-статистического анализа полученных данных выявилось, что существуют

различия в выборе технического направления профессионального развития: на уровне тенденции юноши выбирают технические направления чаще, чем девушки ($r = 432,5$ при $p \leq 0,05$).

По результатам диагностики уровня готовности к совершению адекватного профессионального выбора по методике «Профессиональная готовность» (А.П. Чернявская), наиболее актуальным компонентом готовности является ощущение автономности совершаемого профессионального выбора (21,86%). Тем не менее, участники отмечают недостаточную информированность о спектре возможных профессиональных направлений (15,91%).

Для повышения готовности к совершению адекватного профессионального выбора необходимо обеспечить участникам более полную информацию о доступных профессиональных направлениях и возможностях, а также помочь им развить чувство автономности и уверенности в принимаемых решениях. Возможно, стоит провести специальные программы подготовки к профессиональному выбору, в рамках которых участники смогут ознакомиться с различными профессиями, прошли практику или стажировку в различных компаниях, а также получили квалифицированные консультации по вопросам профессионального развития.

Наиболее актуальным компонентом готовности как среди девушек (22,23%), так и среди юношей (21,5%) является ощущение автономности совершаемого профессионального выбора. Склонность к планированию профессиональных перспектив выше среди девушек (21,24%), однако юноши отличаются более оптимистичным настроем относительно самого факта совершения профессионального выбора (21,5%).

Обратим внимание на то, что важность социальной поддержки в осуществлении процесса профессионального выбора высока как для девушек (20,25%), так и для юношей (18,7%). Только юноши чаще, чем девушки указывают на значимость эмоциональной поддержки (21,50% против 19,86%).

Следует отметить, что остальные компоненты готовности включают такие аспекты, как знание своих способностей и интересов, оценку рынка труда, умения в поиске информации и принятии решений. При этом, среди девушек более важными являются компоненты, связанные с планированием, а у юношей - более общие компоненты, такие как осознание значимости совершаемого выбора.

Результаты исследования наглядно показали, что готовность к профессиональному выбору является многоаспектной конструкцией, и каждый из ее компонентов имеет свое значение. Однако, наиболее важными явля-

ются ощущение автономности в совершении выбора и присутствие социальной поддержки в этом процессе.

Анализируя результаты анкетирования старшеклассников о предпочитаемых профессиях, можно отметить, что у девушек больше интересов в области гуманитарных наук, в то время как у юношей больше интересов связано с научно-технической сферой. Это может быть связано с традиционными представлениями о мужских и женских профессиях. В общем, результаты анкетирования свидетельствуют о том, что у девушек и юношей есть разные предпочтения и интересы в профессиональном развитии. При выборе профессии рекомендуется учитывать индивидуальные особенности и интересы каждого человека, а также современные требования рынка труда. Стоит обратить внимание на необходимость проведения дополнительных работ по привлечению девушек к профессиям в сфере обработки материалов и геологии, а также на активную работу по дестигматизации и повышению престижа военных специальностей для женщин.

Среди юношей же стоит обратить внимание на необходимость работы по изменению стереотипов и убеждений к педагогической деятельности, а также проведения мотивационной работы на самом раннем возрасте вместе с родителями и учителями, так как по результатам анализа данных анкет девушек и юношей к отрицательным направлениям профессионального выбора в ряде случаев наблюдается совпадение отрицательных направлений профессионального развития («геология» - 21,47% и 46,18%, «обработка материалов (дерево, металл и т.п.)» - 48,53% и 40%, «сфера обслуживания» - 20,29% и 33,24% соответственно). При этом среди наиболее нежелательных направлений девушки именно исследуемой выборки отмечают военные специальности (17,06%), юноши – педагогику (33,82%), хотя в данных школах реализуется региональный проект «Профильный педагогический класс». Кроме того, для девушек в большей степени характерна осознанность выбора и дифференциация направлений, что подтверждается более высокими показателями по сравнению с юношами.

Также важно учитывать различия в осознанности выбора профессиональной деятельности у девушек и юношей и включать это в разработку программ профориентации для старшеклассников.

По результатам выявления ведущего типа мотивации при выборе профессии по методике «Мотивы выбора профессии» Р.В. Овчаровой, наибольшую роль при совершении профессионального выбора для старшеклассников играют внешние положительные мотивы (32,58%) и внутренние индивидуально значимые мотивы (33,78%). Наименьшую роль играют внешние отрицательные мотивы (11,44%), связанные с ощущением негативного давления, критикой со стороны значимых

лиц или референтных групп. Это означает, что для большинства старшеклассников основными мотивами при выборе профессии выступают внешние и внутренние факторы, которые создают положительную эмоциональную окраску и мотивацию для достижения определенной цели. Также важно отметить, что негативные мотивы играют меньшую роль в процессе профессионального выбора, что говорит о том, что старшеклассники склонны воспринимать свой выбор профессии как свой собственный выбор, а не под давлением со стороны окружающих.

Максимальное значение при совершении профессионального выбора для девушек имеют внутренние индивидуально значимые мотивы (33,3%), для юношей – внешние положительные мотивы (36,62%). Минимальное значение в обеих группах приобретают внешние отрицательные мотивы (10,08% для девушек и 13,31% для юношей). Важным фактором является также социальная поддержка в выборе профессии: для девушек этот параметр имеет значение в 23,23%, для юношей – 27,91%. Недостаток социальной поддержки может значительно затруднить профессиональный выбор и воздействовать на его качество. Также стоит отметить необходимость учета индивидуальных особенностей личности при выборе профессии. Для девушек такими факторами являются увлечения и интересы (16,45%), для юношей – особенности характера (19,64%).

В итоге профессиональный выбор является многопараметрическим процессом, который требует учета как внутренних мотивов и особенностей личности, так и внешних факторов, таких как социальная поддержка и условия окружающей среды.

По результатам диагностики мотивов профессионального выбора Е.М. Павлютенкова можно отметить, что наиболее значимыми мотивами при совершении профессионального выбора для старшеклассников, принявших участие в исследовании, являются утилитарные (14,99%) и материальные (13,68%) мотивы.

Это означает, что для большинства старшеклассников важным фактором при выборе профессии является ее практическая польза и возможность заработка высокой заработной платы. Другими значимыми мотивами при профессиональном выборе являются познавательные (11,47%), социальные (11,24%) и престижные (11,27%) мотивы. Социальные мотивы связаны с возможностью помогать людям, заниматься общественной и благотворительной деятельностью. Престижные мотивы обозначают желание заниматься престижной и увлекательной работой.

Таким образом, результаты диагностики мотивов профессионального выбора позволяют сделать вывод, что старшеклассники ориентированы на практические и

материальные аспекты профессионального выбора, однако у них также есть другие значимые мотивы, связанные с социальной и познавательной активностью.

Важную роль при выборе профессии для девушек играют утилитарные (14,11%) и социальные (13,4%) мотивы. Для юношей основными мотивами являются утилитарные (15,95%) и престижные (13,88%) мотивы. Наименее значимыми мотивами для обеих групп выступают эстетические мотивы (7,12% среди девушек и 6,51% среди юношей).

Таким образом, наиболее актуальным компонентом психологической готовности участников исследования является ощущение независимости совершаемого профессионального выбора. Тем не менее, участники отмечают недостаточную информированность о спектре возможных профессиональных направлений.

Большинство участников исследования при выборе профессии ориентируются на сферы, связанные с взаимодействием с другими людьми, работу с художественными образами и работу со знаковыми системами.

В целом отмечается прагматическая тенденция выбора направления профессионального развития. Наибольшую роль при совершении профессионального выбора для старшеклассников играют внешние стимулы, ради которых они считают нужным приложить свои усилия (материальное стимулирование, возможность продвижения по службе, одобрение коллектива, престиж и т.д.), а также мотивы, связанные с получением радости от выполняемой работы.

Результаты исследования были подвергнуты математико-статистической обработке. С помощью критерия ранговой корреляции Спирмена были выявлены различия в психологических аспектах мотивации профессионального выбора старшеклассников (в двух выборках).

Основываясь на полученных результатах, сделаем следующие выводы:

- существует связь между значимостью престижных мотивов и предпочтение технического направления профессионального развития. Чем выше стремление девушек к профессиям, которые ценятся среди знакомых, позволяют достичь видного положения в обществе, тем менее они склонны выбирать профессии технической направленности ($r_s = -0,371$ при $p \leq 0,05$). То есть, чем большую роль в жизни девушек играют престиж и социальный статус, тем менее они склонны выбирать профессии в технической сфере. Это может объясняться традиционными стереотипами о том, что технические профессии считаются «мужскими» и менее престижными, а также отсутствием ролевых моделей и поддержки со стороны обще-

ства и семьи. Однако, это не означает, что девушки не могут оказаться успешными в технической сфере, если они на самом деле заинтересованы и талантливы в этой области. Необходимо бороться со стереотипами и создавать условия для разнообразия профессиональных интересов и реализации потенциала каждого человека;

- существует связь между значимостью престижных мотивов и принятием решений. Чем больше для девушек важно признание их профессионального выбора среди знакомых и достижение высокого положения в обществе, тем выше они оценивают свою способность к принятию решений, умение принимать ответственность за сделанный выбор и его последствия ($r_s = 0,560$ при $p \leq 0,01$). То есть, чем больше девушкам важно соответствовать престижным мотивам, тем более уверенно они принимают решения и готовы нести за них ответственность. Это может объясняться тем, что для достижения высокого положения в обществе и признания выбранной профессии необходимо принимать сложные решения и не бояться неизвестности или неудач. Поэтому, развивая престижные мотивы, девушки могут стать более уверенными в своих способностях к принятию решений, что, в свою очередь, может положительно сказаться на их карьере и жизненном успехе;
- существует связь между значимостью материальных мотивов и планированием ($r_s = 0,487$ при $p \leq 0,05$). Чем важнее для девушки получение материальных благ, тем более детально они продумывают и оценивают временную перспективу в профессиональном плане (выбор профессии, учебного заведения, работы, близкие и дальние перспективы). Они более склонны планировать свои финансы, ориентируясь на определенные цели, сохранять деньги и инвестировать их. Это может быть связано с желанием обеспечить себе и свою семью материально, достичь максимальной стабильности и независимости. Однако, следует помнить, что стремление к материальному благополучию не должно забывать о более высоких ценностях, таких как здоровье, семья, духовное развитие и др.;
- существует связь между значимостью моральных мотивов и эмоциональным отношением к выбору профессии ($r_s = -0,534$ при $p \leq 0,05$). Чем выше стремление девушки к совершенствованию своего морального облика, духовного мира, развитию нравственных качеств, тем более сдержанно она относится к разным профессиям и профессиональным группам и к необходимости принятия решения о выборе профессии. Девушки более взвешенно и обдуманно подходят к вопросу профессионального выбора. Это может проявляться в более долгом процессе выбора

профессии, в затруднительности сделать окончательный выбор и в более чувствительном эмоциональном отношении к этому вопросу. Возможно, они более склонны к выбору профессии, которая соответствует их моральным убеждениям и ценностям, даже если это может означать ограничения в возможностях карьерного роста или заработка. В целом, эта связь указывает на то, что моральные мотивы могут играть важную роль в процессе выбора профессии и профессиональном становлении личности;

- существует связь между значимостью мотивов, связанных с содержанием труда, и предпочтением технического направления профессионального развития ($r_s = 0,377$ при $p \leq 0,05$). Чем сильнее указанные мотивы, тем чаще юноши предпочитают техническое направление профессионального развития;
- существует связь между значимостью познавательных мотивов и автономностью ($r_s = 0,342$ при $p \leq 0,05$). Чем выше стремление юношей к овладению специальными знаниями, познание содержания конкретного труда, тем более самостоятельными они себя ощущают. Однако связь не является очень высокой, что говорит о том, что другие факторы также могут играть роль при выборе профессии. Возможно, некоторые молодые люди имеют сильные мотивы, связанные с содержанием труда, но имеют недостаточные знания или навыки для выбора технического направления. Также есть вероятность, что мотивы, связанные с содержанием труда, могут быть не такими значимыми для девушек, что может объяснить относительно низкий коэффициент корреляции в данном случае. В целом, однако, связь между мотивами, связанными с содержанием труда и предпочтением технического направления профессионального развития, является полезной информацией для ориентации в выборе профессии;
- существует связь между значимостью внешних положительных мотивов и информированностью ($r_s = 0,425$ при $p \leq 0,05$). Чем большее значение для юношей имеют стимулы, ради которых они считают нужным приложить свои усилия (материальное стимулирование, возможность продвижения по службе, одобрение коллектива, престиж и т.д.), тем большую степень информированности они у себя отмечают. То есть, юноши больше склонны узнавать об актуальных событиях и новостях, которые могут помочь им достичь этих мотивов. Эта связь может быть обусловлена тем, что юноши обычно более активно принимают участие в тех информационных процессах, которые имеют отношение к достижению этих мотивов. Также воз-

можно, что поиск информации является частью стратегии достижения этих мотивов;

- существует связь между значимостью внешних положительных мотивов и планированием ($r_s = 0,373$ при $p \leq 0,05$). Чем большее значение для юношей имеют стимулы, ради которых они считают нужным приложить свои усилия (материальное стимулирование, возможность продвижения по службе, одобрение коллектива, престиж и т.д.), тем больше они продумывают перспективы своего профессионального развития. Это говорит о том, что для многих юношей внешняя мотивация играет важную роль в формировании их целей и планов на будущее. Они стремятся достичь успеха и признания со стороны окружающих, и используют свои профессиональные умения и навыки, чтобы этого достичь. Понимание значимости этих мотивов может помочь профессиональным консультантам и психологам в разработке более эффективных стратегий поддержки и развития юношей.

Из проведённой диагностики мотивов профессионального выбора старшеклассников видно, что очень большое количество специальностей и профессиональных направлений не вызывает интереса у большинства старшеклассников. Поэтому современным образовательным организациям крайне важно изменять путь своей деятельности относительно профориентационной работы со школьниками.

По результатам выбранных методик был составлен перечень рекомендаций для психологов и педагогов общеобразовательных организаций, соблюдая которые возможно повысить мотивацию выбора специальностей различных направлений.

Данные могут быть использованы для разработки и реализации индивидуальных программ коррекции и развития, планирования работы по профессиональному самоопределению старшеклассников, а также для создания методических материалов для проведения тренингов, семинаров и практических занятий. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в процессе оценки эффективности образовательных программ и методов работы с детьми и молодежью, в разработке мер поддержки и социальной защиты молодежи, а также в формировании политики государства в области образования и занятости населения. Таким образом, полученные данные имеют широкий потенциал для использования в различных областях деятельности и являются ценным инструментом для совершенствования профессиональной работы психологов и педагогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жумалиева Ж.М. Проявление мотивационных факторов в старшем школьном возрасте в выборе профессии // Инновационная наука. – 2016. – №4-5 (16). – С.96-99.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий: Учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб., доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 336 с.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
4. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения молодежи. – Ростов н/Д., 2008. – 336 с.
5. Кон И.С. Психология ранней юности: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1989. – 198 с.
6. Лукашевич Н.П. Психология труда: Учеб. пособие / Н.П. Лукашевич, И.В. Сингаевская, Е.И. Бондарчук. – 2-е изд., доп. и пере-раб. – К.: МАУП, 2004. – 112 с.
7. Митина Л.М. Психологическое сопровождение выбора профессии: науч.-метод. пособие / Л.М. Митина, Л.В. Брендакова, И.В. Вачков. – 2-е изд., испр. – М.: Моск. псих.-соц. ин-т: Флинта, 2003. – 184 с.
8. Нургатина О.Н., Соломахин О.Б., Султанова Н.Д. Профессиональное самоопределение старшеклассников: проблемы выбора // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №2 – С.260.
9. Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения: учеб.-метод. пособие. – М.: Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. – 400 с.
10. Чернявская А.П. Развитие уровня готовности личности к выбору профессии // Психологическая наука: проблемы и перспективы. – Киев, 1990. – С. 107-116.

© Щербаква Наталья Евгеньевна (stenyakova-n@mail.ru), Сигаева Анастасия Сергеевна (sigaeva.anastasija@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пензенский государственный университет

ПОЛЕМИКА У.В.О. КУАЙНА И Н. ХОМСКОГО ПО ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА КАК ТРАДИЦИОННЫЙ СПОР МЕЖДУ ЭМПИРИКОМ И РАЦИОНАЛИСТОМ

Засыпкин Сергей Николаевич

Аспирант, Институт философии Российской академии наук
zassipkin@gmail.com

DEBATES BETWEEN W.V.O. QUINE AND N. CHOMSKY ON THE PROBLEM OF LANGUAGE AS A TRADITIONAL DISPUTE BETWEEN AN EMPIRICIST AND A RATIONALIST

S. Zasyupkin

Summary: The purpose of this article is to study the arguments used by Quine and Chomsky in their correspondence polemic regarding the ideas set forth in the work "Word and Object". Quine tried to build a theory of language in a behaviorist manner, using concepts such as stimulus, reaction and reinforcement. He believed that language acquisition by children could be explained as a process of ontogenesis of reference. Chomsky, on the other hand, objected to behaviorism and showed its weak explanatory power in the theory of language, demonstrating the vulnerabilities of empiricism and behaviorism on new material, as well as a deviation from the requirements of strictness of definitions. Briefly, several arguments against Quine's position can be explicated. Firstly, the synonymous use of the concepts «language» and «theory», understood as a network of sentences associated with each other and with external stimuli, forces us to consider the linguistic predisposition itself as a network of sentences; secondly, the postulation of an innate pre-linguistic space of qualities makes the behaviorist scheme "stimulus-reaction-reinforcement" superfluous; thirdly, understanding the process of language acquisition on the principle of "stimulus-response", in turn, entails a number of difficulties in explaining the semantic richness of the language, as well as the impact on the process of assimilation of various physiological states, etc.

Keywords: language acquisition, stimulus meaning, observation sentences, behaviorism, pre-linguistic quality space, innate ideas, speech disposition, stimulus meaning, dogma of empiricism, indeterminacy of translation.

Аннотация: Данная статья в центре своего внимания ставит анализ аргументов и контраргументов, задействованных в заочной полемике Куайна и Хомского, которые на новом материале воспроизводят старый спор между эмпириками и рационалистами. Куайн пытался построить теорию языка на бихевиористский манер, используя такие понятия как стимул, реакция и подкрепление. Он полагал, что освоение языка детьми может быть объяснено как процесс онтогенеза референции. Хомский же возражал против бихевиоризма и показывал его слабую объяснительную силу в теории языка, на новом материале демонстрируя уязвимости эмпиризма и бихевиоризма, а также отступление от требований строгости дефиниций. Кратко можно эксплицировать несколько аргументов против позиции Куайна. Во-первых, синонимичное использование понятий «язык» и «теория», понимаемых в качестве сети предложений, ассоциированных между собой и с внешними стимулами, вынуждает рассматривать саму языковую предрасположенность как сеть предложений; во-вторых, постулирование врожденного долингвистического пространства качеств делает излишней саму бихевиористскую схему «стимул-реакция-подкрепление»; в-третьих, понимание процесса усвоения языка по принципу «стимул-реакция», в свою очередь, влечет ряд трудностей в объяснении семантического богатства языка, а также влияния на процесс усвоения различных физиологических состояний и др.

Ключевые слова: освоение языка, стимульное значение, предложения наблюдения, бихевиоризм, долингвистическое пространство качеств, врожденные идеи, речевая диспозиция, недоопределенность теории, догма эмпирицизма, неопределенность перевода.

В 1960 году был опубликован один из главных трудов Куайна «Слово и объект», где развиваются идеи теории языка, сквозь которую решаются проблемы эпистемологии. Это единственный труд указанного автора, который в систематической манере излагает взгляды американского философа на то, как ребенок усваивает язык вместе с его убеждениями, верованиями и системой знания о мире. Бихевиоризм оказывается базовым инструментом в теоретическом описании функционирования языка, требуя от теории описания в терминах вербальной предрасположенности людей к

речевой реакции на внешние стимулы. Отсюда формулируется задача прояснения предпосылок обыденного разговора об обычных вещах в связи с наблюдаемыми стимулами и социальной обусловленностью ситуации говорения. Обыденный язык понимается как концептуальная схема и являет собой разветвленную вербальную структуру, чье отношение с опытом соотносится как единое целое и включает в себя все науки и вообще все, что можно сказать о мире. В работе также развиваются аргументы против различения аналитических и синтетического суждений, проводится мысленный эксперимент

о невозможности радикального перевода, развернуто излагаются тезисы о неопределенности перевода и недоопределенности научных теорий.

Столь яркая работа не прошла незамеченной. В 1969 году вышло первое издание сборника под редакцией Д. Дэвидсона и Я. Хинтикки «Слова и возражения: размышления о работе Куайна» [19], который стал результатом критического осмысления идей, изложенных Куайном в работе «Слово и объект» и содержал критические статьи относительно различных аспектов философии Куайна. Особая ценность сборника заключается в том, что в нем содержатся ответы и контраргументы Куайна своим оппонентам. В 1975 году вышло переиздание этой книги, куда также вошла библиография, составленная самим Куайном.

В этом сборнике нас больше всего интересует статья Хомского «Эмпирические допущения Куайна», содержащая ряд критических замечаний относительно теории языка и полемика указанных авторов. Год спустя после первого издания сборника в октябре 1970 года Куайн в журнале «Synthese» публикует статью «Методологические размышления о современных лингвистических теориях», в которой показывает различие между ним и Хомским в их исследовательских установках и, как следствие, в их целях при анализе языка, тем самым развивая свои аргументы и вновь обосновывая свою позицию по вопросу построения языковой теории.

Данный специфический интерес к полемике указанных авторов обусловлен несколькими факторами. Во-первых, оба предлагают оригинальные теоретические концепции и подходы к описанию функционирования и освоения языка ребенком [4, 5]. Во-вторых, сама эта проблема приобрела особую значимость в контексте философского изучения языка в XX веке [1, 2]. С одной стороны, это связано с осознанием того, что дети удивительно быстро научаются чрезвычайно сложной системе языка в раннем детстве до того, как разовьются их общие интеллектуальные способности, имея в своем распоряжении очень скудный и фрагментарный лингвистический опыт, а с другой стороны, обуславливается общим признанием концепции значения как употребления, в рамках которой была признана неадекватность традиционного объяснения освоения языка с помощью остенсивных определений [10, 12, 18]. И в-третьих, используемая оппонентами аргументация повторяет полемику давнего спора между эмпириками и рационалистами на новом материале, а именно построение объяснения языковой теории [3].

Переходя непосредственно к разбору «Эмпирических допущений Куайна» следует отметить, что у самого Куайна статья Хомского вызвала двоякие чувства: «Рассуждения Хомского оставили у меня одновременно ощущение удовлетворения и разочарования. Я нашел удовлетвори-

тельным то, что он нигде в своих заявлениях открыто не входит в противоречие с моей позицией. В то же время меня расстроило то, что он выразил несогласие относительно того, что считал моей позицией» [19, с. 302].

Нечеткость терминов

В своем первом критическом аргументе Хомский акцентирует внимание на том, что Куайн, по сути, предлагает двоякое понимание языка. С одной стороны, знание языка может быть представлено в качестве сети лингвистических форм (в первом приближении это предложения), связанных как между собой, так и с внешними стимулами. Данная формулировка представлена Куайном как фактическое утверждение. Отсюда следует, что любая теория и вообще все знание могут быть охарактеризованы как ткань (fabric), состоящая из предложений, различным образом ассоциируемых между собой и с невербальными стимулами посредством механизма условной реакции. Следует сразу обратить внимание на то, что Куайн в теорию включает и повседневное знание, и верования, и убеждения, и ожидания. Хомский указывает на следующую особенность оппонента, который использует термины «язык» и «теория» взаимозаменяемо, что иллюстрируется следующей цитатой «В результате ассоциаций предложений с предложениями появляется разветвленная вербальная структура, которая, прежде всего в качестве единого целого, самыми разнообразными способами соотносится с невербальной стимуляцией. Эти связи присоединяются к отдельным предложениям (для каждого человека), однако одни и те же предложения, в свою очередь, так связаны друг с другом и с другими предложениями, что невербальные соединения сами могут растягиваться или поддаваться давлению. Очевидным образом эта структура взаимосвязанных предложений представляет собой единый связный продукт, включающий в себя все науки и, конечно же, все то, что вообще может быть сказано о мире; поскольку по крайней мере логические истины и, безусловно, многие предложения здравого смысла имеют отношение к любой проблеме и тем самым обеспечивают взаимосвязи» [4, с.15].

С другой стороны, Куайн в работе «Слово и объект» определяет язык в качестве «комплекса данных диспозиций к вербальному поведению, в котором говорящие на одном языке волей-неволей оказываются сходными друг с другом» [4, с.44]. Хомский обращает внимание в этом месте на одно фактическое допущение, которое далеко от очевидности. Понимая язык в качестве сети предложений, мы вынуждены и саму предрасположенность к речевому поведению характеризовать посредством такой сети. Иными словами, понятие предрасположенности (или диспозициональности) не имеет четкой и однозначной дефиниции в куайновской теории.

В ответе Куайн поясняет свою позицию тем, что тер-

мины языка и теории, действительно, употребляются им как взаимозаменяемые и равнозначные только в некоторых контекстах и понимаются как сеть предложений, ассоциированных между собой и внешними стимулами посредством условной реакции. Данная позиция обусловлена отказом от классического разделения предложений на аналитические и синтетические [11], отказом от разделения на значение и коннотацию, иными словами, отказом от утверждения, что каждое предложение теории имеет отдельное значение и эмпирическое содержание [13]. Сам термин «теория», говорит Куайн, чисто технически означает набор предложений в совокупности со всеми логически выводимыми из него предложениями, которые не выходят за рамки его словаря. В работе «Слово и объект», уже не в техническом смысле, под теорией понимается класс всех предложений, ограниченных словарем, в истинность которых верит субъект.

В то же время Куайн настаивает на том, что различие языка и теории небесполезно, так как важно проводить границу между проблемами терминологии и проблемами фактов. Когда происходит обвинение кого-либо в абсурдности убеждений, вполне возможна такая ситуация, что оппоненты по-разному используют слова, то есть интерпретируют термины различными способами. В этом случае проблема заключается не в теории, а в языке, в терминологии. Поэтому в контекстах, где нельзя приравнивать язык и теорию, Куайн предлагает говорить о проблеме значения и верования.

Как кажется, Хомский попал в самое больное место всей теоретической конструкции Куайна, ведь именно четкая и недвусмысленная определенность терминов является лейтмотивом всего творчества последнего [15, 16]. В своем творчестве Куайн критиковал и изгонял термины, не отвечающие принципам ясности, очевидности, полезности и объяснительной силы. Отсюда в его работах такое большое количество технических терминов, больше относящихся к естественным наукам - «предложение наблюдения», «нейронный вход», «стимуляции», «срабатывания сенсорных рецепторов» и другие. Он был убежден, что эти новые термины-аналоги помогут сформулировать научную теорию в строгих методологических рамках, избегая рисков возникновения проблем, порождаемых непрозрачностью и неясностью используемых терминов.

«Нишета стимула» и объяснительные границы бихевиоризма

Второй блок критики Хомский посвящает бихевиористской схеме объяснения процесса освоения языка, которую Куайн воспроизвел вслед за Уотсоном как «стимул – реакция – подкрепление». Будучи непоколебимым в своей теории языка, Куайн выделяет «три возможных механизма, посредством которых возможно заучивание предложений. Во-первых, посредством прямого воз-

действия стимула и получения вербального ответа...; во-вторых, через ассоциацию предложений между собой; в-третьих, по аналогии» [19, с. 56]. Следствием такой интерпретации, подчеркивает Хомский, оказывается тезис о том, что язык представляется в виде конечного набора ассоциированных предложений, поскольку такие механизмы предлагают слишком бедный набор стимулов, способных познакомить индивида с ограниченным спектром предметов окружающего мира. Окружающий мир человека, овладевшего языком по бихевиористской схеме, будет поразительно скуден и мал по объему лексических единиц, уверен Хомский. Он добавляет, что сам Куайн при этом говорит о принципиальной неопределенности в количестве предложений языка, понимая язык как предрасположенность к вербальному поведению [8].

На критику о конечном наборе предложений, которые способен освоить индивид, Куайн, ссылаясь на свои работы, в частности на сборник «С логической точки зрения» и «Слово и объект», стремится показывать некорректность обвинений со стороны Хомского. Причина в том, что он нигде не говорит о конечном числе предложений в языке, так как количество предложений для него не определено. Куайн считает, что основание непонимания лежит в том, как следует трактовать сам термин «предложение». Предложение представляет собой структурированную целостность, наличие которой позволяет осмысленно конструировать новые предложения. Внутренняя структура является основанием для продуцирования типовых предложений, а в ходе модификации этой структуры получают принципиально новые предложения [13].

Проблема врожденности

Развивая критику бихевиористского подхода к объяснению процесса освоения языка, Хомский отмечает определенное противоречие в построении куайновской теории, где присутствует постулируемая им концепция врожденного долингвистического пространства качеств (prelinguistic quality space), содержащего шкалу расстояний (distance measure). Для автора «Картезианской лингвистики» очевидно, что структура данного пространства будет определять содержание изучаемой теории [5]. Пояснить принцип работы долингвистического пространства качеств Хомский пытается на простом примере: если понаблюдать за поведением годовалого ребенка, то можно заметить, что разные по цвету мячи он идентифицирует как, в сущности, один и тот же объект, несмотря на их явное цветовое различие. В то же время одинаковый по цвету мяч и платок будут восприняты им как совершенно разные предметы. На этом основании, по мнению Хомского, Куайн заключает, что разноцветные мячи в этом пространстве, по всей видимости, расположены ближе друг к другу, нежели к схожему по цвету платку. Данное свойство и позволяет идентифицировать объекты. Следствием этих рассуждений Хомский видит не-

обходимость признания долингвистического пространства качеств многомерным. Поясняя свой тезис, Хомский говорит о том, что Куайн задумывал это пространство с ограниченным количеством измерений, описывающих только физические качества объектов (по всей видимости, равное по количеству органов чувств у человека), поэтому врожденной оказывается лишь способность идентификации качеств объектов, но не самих объектов. Отсюда Хомский заключает, что в долингвистическом пространстве качеств не может быть никаких идей платка, или мяча, или каких-либо абстрактных идей.

Хомский также указывает на своеобразное соседство в куайновской теории бихевиористской схемы объяснения освоения языка с врожденной теорией идей в виде, обсуждаемого выше пространством качеств. Пытаясь придать своей схеме эмпирическую обоснованность, Куайн вводит концепт «закрепления/подкрепления» (reinforcement), под которым подразумевается действие социума по поощрению произнесения ребенком социально приемлемых и осмысленных звуков. В этом случае сам концепт закрепления бессмысленен, так как, по сути дела, уверен Хомский, врожденная теория идей не нуждается в каком-либо объяснении с использованием терминов закрепления. В то же время их можно представить на этом месте, дабы соблюсти ритуал, который позволяет видеть куайновскую теорию более научной.

Куайн, в свою очередь, негодует по поводу риторики, которой пользуется Хомский в отношении врожденных идей. Сам термин «постулировать» не является корректным, говорит он. Куайн убежден, что исследователь рано или поздно будет вынужден прийти к осознанию необходимости признания некоторых врожденных свойств. Отсюда врожденные идеи следует мыслить, как «врожденную предрасположенность к наблюдаемому и видимому другим поведению. ... Склонность к языку является врожденной, с другой стороны, освоение языка, в котором эта способность задействуется, включает интерсубъективно наблюдаемые черты человеческого поведения и окружающих его обстоятельств, при этом не существует ни врожденного языка, ни телепатии» [19, с. 306]. Если прибегнуть к метафоре, то можно выразить эту же идею следующим образом: врожденный механизм являет собой сердце и мускулатуру самого поведения.

В своих более поздних работах Куайн детально разбирает связь между необходимостью принять определенную научную теорию и признать, как существующие «вспомогательные инструменты» этой теории для наличия возможности объяснить и понять окружающий мир [16]. В истории философии в вопросе о врожденных идеях принято разводить по разным углам эмпириков и рационалистов, но в случае Куайна и Хомского врожденные структуры признаются, но служат разным целям: для первого — это методологическая необходимость, позволяю-

щая систематизировать восприятие окружающего мира; для второго — это сама языковая способность.

Неопределенность перевода

Возвращаясь к нечеткому определению понятия речевой диспозиции (speech disposition), Хомский указывает на появление в этой связи известной куайновской идеи, а именно неопределенности перевода, суть которой состоит в том факте, что различные руководства к переводу с одного языка на другой могут быть установлены различными путями. Эти руководства совместимы с полнотой речевой диспозиционности, но в то же время могут противоречить друг другу. Это возможно благодаря тому, что Куайн сдвигает проблему с полноты речевой диспозиционности (totality of speech dispositions) к стимульному значению. Хомский говорит о том, что диспозиция индивида к вербальному ответу при определенных стимульных условиях не тоже самое, что и диспозиция индивида быть вынужденным согласиться или не согласиться с предложением при определенных условиях. Иными словами, если два человека оказываются в ситуации взаимодействия с абсолютно неизвестным для них языковым сообществом, они могут, полагаясь на свой опыт общения с этим сообществом, составить два словаря таких, что любой другой индивид, воспользовавшись их словарями, сможет успешно взаимодействовать с этим сообществом. Однако сами полученные словари могут частично или полностью входить в противоречие друг с другом. Это еще раз, убежден Хомский, показывает отсутствие строгой дефиниции понятий «язык» и «речевая диспозиция» у Куайна [9].

Полагаясь на эмпирические допущения, Куайн пытается обосновать некоторые философские следствия, касающиеся языка и знания, отмечает Хомский. Фундаментальным для знания являются аналитические гипотезы, выходящие за пределы свидетельств (evidence), то есть чувственных данных. Эти гипотезы организуют разрозненные чувственные данные в определенные и понятные индивиду вещи и понятия. Они имплицитно содержатся в любой диспозиции к речевому поведению у носителя языка, поэтому при переводе и при изучении другого языка переводчик неосознанно по аналогии приписывает свои языковые гипотезы и способ мышления носителя другого языка. Следовательно, необоснованное приписывание означает возможность других интерпретаций данных. Куайн кладет следующий тезис в основание неопределенности перевода: «Не может быть никаких сомнений в том, что конкурирующие системы аналитических гипотез могут полностью соответствовать всей совокупности речевого поведения и в той же степени могут соответствовать всей совокупности диспозиций речевого поведения и все же предполагать взаимно несовместимые переводы бесчисленных предложений, невосприимчивых к независимому контролю» [4, с.58].

Поясняя предыдущий тезис, следует отметить, что Куайн четко отделяет построение аналитических гипотез на основе данных от постулирования стимульных значений предложений наблюдения. Стимульные значения влекут за собой неопределенность нормального индуктивного типа, так как на основе опыта общения с носителями языка всегда можно исправлять словарь, внося туда изменения. «Нормальная» неопределенность характерна, в том числе, для индуктивных выводов, включенных в перевод предложений, содержащих функциональные связки истинности. Следовательно, для Куайна существует различие между нормальной индукцией и формированием теорий. Хомский, анализируя данный тезис, предполагает, что существует априорная система, которой обладает наш разум и на которой базируется нормальная индукция и подлинные гипотезы. Развивая эту идею, он предполагает, что любые науки в своих теориях базируются на аналитических гипотезах, которые всегда временны и непостоянны, поэтому научные теории изменяются и в науках происходят революции. В то же время идея аналитических гипотез не распространяется Куайном на теорию освоения языка по той возможной причине, полагает Хомский, что об истинности предложений можно говорить сугубо в рамках определенной концептуальной схемы [17]. Следовательно, межъязыковая синонимия возможна исключительно в рамках определенного набора аналитических гипотез. Однако в принципе не существует фиксированного набора гипотез для построения общей теории языка; нам требуются каждый раз новые теории для каждого языка в отдельности (Хомский даже уточняет, что и для каждого говорящего требуется своя гипотеза). Отсюда нет ничего универсального для норм и форм языка. С такой неопределенностью и приходится работать лингвистам, констатирует Хомский. Другими словами, его интересует вопрос: каково сущностное различие между аналитическими гипотезами, используемыми во время перевода и влекущими за собой неопределенность, и аналитическими гипотезами, конституирующими естественнонаучную теорию, которой удается избегать неопределенности?

Куайн строит свой ответ следующим образом. Отмечая, что он действительно подчеркивает различие между повседневной индуктивной неопределенностью, как в случае с идентификацией стимульного значения, и неопределенностью более глубокого типа, в частности неопределенностью перевода, он видит главное отличие неопределенности перевода от недоопределенности теории в том, что неопределенность перевода находится по ту сторону правильного или неверного перевода. В переводе вообще нельзя сказать об истинном переводе! В то время как любая естественнонаучная теория всегда имеет дело с истиной.

Следующий контраргумент Куайна касается часто необоснованного обвинения, предполагающего, что предложения выражают всегда точно определенные идеи, а не какие-либо другие. Куайн не приемлет широко рас-

пространенного заблуждения относительно того, что чисто интуитивно индивид способен понять смысл услышанных предложений. Исходя из такого заблуждения, многие считают, что есть правильный ответ на вопрос: «Что сказал иностранец?» Для Куайна подобный вопрос всегда имеет несколько вариантов ответа в зависимости от используемого словаря, которые с необходимостью ведут к успешному акту коммуникации.

Таким образом, язык в теории Куайна может быть представлен в виде «врожденного пространства качеств с заложенным в нем ощущением разграничения и дистанции» [19, с. 54], которое коррелирует с очевидными физическими качествами. Определенные типы индуктивных операций (например, обобщение в пространстве качеств) базируются на врожденных свойствах ума и некоторых элементах логики, касающихся истинностных функций. Применяя эти свойства, ребенок (или лингвист, делающий радикальный перевод) может сформировать истинные гипотезы относительно стимульных значений и логических связей истинности. Эти гипотезы могут иметь разное истинностное значение. Более того, освоение языка представляет собой ассоциирование предложений между собой и с определенными стимулами; в то же время этот процесс завершается формированием определенной сети взаимосвязанных предложений или определенной системы возможных реакций. Изучение языка есть изучение предложений. При этом у ребенка вообще нет никакой теории языка, которой бы он руководствовался во время изучения языка; никакая теория языка не предшествует непосредственному опыту освоения языка, подчеркивает Хомский. Этим процесс освоения языка отличается от усвоения физики, где человек уже работает с определенной концептуальной схемой. Хомский отмечает, что Куайн сформулировал вполне классическую эмпиристскую доктрину, допущения которой он подвергает критическому анализу.

Проблема восприятия окружающего мира

Хомский отрицает представление о том, что возможные концепты обыденного языка (*ordinary language*) можно охарактеризовать в терминах простых физических измерений или что концепты, характеризующиеся такими свойствами, есть потенциальные концепты обыденного языка. Другими словами, как ребенок воспринимает нож? Как объект с определенно заданным набором свойств, или как объект, используемый для определенных целей, или, сочетая данные восприятия, понимает нож как объект, имеющий такие-то свойства и используемый для таких-то целей? Как мы отличим в точности похожий на нож предмет, используемый в другой культуре совершенно по другому предназначению? Иными словами, остается открытым вопрос: каковы врожденные свойства ума (*mind*), определяющие природу опыта и содержание того, что познается на основании этого опыта?

Само понятие «обучение предложениям» (learning of sentence), продолжает Хомский, у Куайна строго не определено. Если представить ситуацию, что некто описывает сад за своим окном с красивой березой, то это значит, что он выучил предложение «В саду за моим окном есть красивая береза». Такое предположение абсурдно, считает Хомский, так как, обучаясь языку, мы «изучаем не предложения и не усваиваем бихевиористский репертуар через тренировки и закрепления. Скорее, мы как-то развиваем принципы, определяющие форму и значение неопределенного количества предложений» [19, с. 64]. Поэтому неверна трактовка знания языка как ассоциированной сети, сформированной условными реакциями.

Отвечая на критику Хомского относительно понимания языка как комплекса предрасположенностей к вербальному поведению, или, другими словами, как набора возможностей появления высказывания в определенных условиях; Куайн указывает на невозможность проведения различия между высказываниями на различных языках. Избегая данной трудности, Куайн смещает проблемное поле с совокупности речевых предрасположенностей к стимульным значениям, которые работают по принципу согласия/несогласия с утверждением в определенных условиях на основании одного случайно выбранного эксперимента.

Куайн указывает, что исследователь свободен в выборе той диспозиции, которая наиболее приемлема для выявления остенсивного значения, так как пассивное наблюдение лингвиста за вербальным поведением носителя языка не дает возможности установить значения выражений, поэтому он вынужден обращаться к опросу носителя изучаемого им языка. Куайн также добавляет, что стимульное значение предложения-наблюдения всегда имеет объединяющую основу в виде чувственных данных, которая способна идентифицировать стимульное значение по различным параметрам, будь то пространство, или звук, цвет, запах и т.д. Понятая таким образом деятельность лингвиста позволяет удостовериться в том, на что конкретно указывает испытуемый, а это нивелирует возникновение трудностей с определением того, что такое «нож» (объект с такими-то свойствами, или объект используемый для таких-то целей, или, сочетая данные восприятия, объект, имеющий такие-то свойства и используемый для таких-то целей).

Возвращаясь к критическим аргументам Хомского, отметим, что, на его взгляд, неправомерно определение языка как комплекса наличных предрасположенностей к вербальному поведению, благодаря которым говорящие на одном языке с необходимостью придут к сходству друг с другом в речи, в силу невозможности объяснения в терминах бихевиоризма следующих фактов. В частности, Хомский задает провокационный вопрос:

что заставляет язык меняться в зависимости от настроения, индивидуальности, повреждений головного мозга, доверчивости, уровня знания и верований? Как объяснить такие бесчисленные зависимости в рамках «предрасположенности к ответу»? Все эти проблемы нетрудно обнаружить в рассуждениях бихевиористов. Кроме того, бихевиористская схема, по мнению Хомского, не позволяет Куайну признать синонимию. На основе стимульных значений невозможно объяснить синонимичные фразы «Увидимся послезавтра» и «Увидимся через четыре дня после позавчера». Иными словами, значения предложения не характеризуется в терминах условной реакции и обусловленного стимулом использования фразы.

Хомский не согласен также с тезисом Куайна о том, что в физике мы можем работать в рамках какой-то временной теории, а в рамках изучения языка это не представляется возможным, так как мы не можем претендовать на наличие общей теории языка. Хомский считает такое утверждение «догмой эмпиризма», которая ни на чем не основана, добавляя, что куайновское понимание врожденной предрасположенности к языковому поведению на основе эмпирических данных в рамках схемы «стимул – реакция» не имеет смысла, так как бессмысленно говорить о врожденных «идеях», основывая их развитие на эмпирических данных.

Последние критические замечания Куайн оставляет без ответа, по всей видимости в силу того, что все они вытекают из отвержения Хомским тезиса о бихевиористском механизме освоения языка и «нищите стимула», которое уже было им прокомментировано.

Разобранные аргументы по смыслу сильно напоминают спор эмпириков и рационалистов о том, как человек познает мир. Авторы не проходят мимо традиционно обсуждаемых вопросов: что является источником познания; что определяет то, что воспринимает человек: действительно ли Я воспринимает предметы окружающего мира или структуры человеческого сознания («идеи») определяют и формируют окружающий мир; останавливаются на проблеме врожденности [3].

2. Методологические основания построения языковой теории

1970 Куайн публикует статью «Методологические размышления о современных лингвистических теориях» [14], в которой главным образом критикует теорию языка Хомского. Главный аргумент Куайна направлен выявление методологических допущений в языковой теории оппонента. Куайн начинает свое рассуждение с проведения различия между двумя типами построения лингвистической теории, а именно «подгонкой» (fitting) и «руководством» (guiding). «Fitting» предполагает, что постулируемое правило верно в том случае,

если в него укладывается наблюдаемое поведение, т.е. данное правило не противоречит действительному положению дел, в противном случае правило может быть изменено. «Guiding» предполагает, что индивид следует правилам, которые на самом деле управляют его поведением. Очередное противостояние эмпириков и рационалистов, решающих вопрос, с чего начать построение научной теории - с разрозненных фактов и последующих их обобщений, и модификации этих обобщений (позиция Куайна), либо нам сразу дана/врождена определенный теоретический взгляд на мир (позиция Хомского и его теория генеративной грамматики). Здесь Куайн уже наступает на оппонента с традиционных эмпирических позиций.

Он предлагает проанализировать две системы освоения грамматики английского языка, из которых одна является старомодной, а вторая современной. Далее предлагается представить себе датчан, изучающих английский язык, руководствующихся этими двумя системами. Результат, по мнению Куайна, будет следующий: в конце обучения все будут говорить по-английски так, что их будут понимать носители языка англичане, но при этом обученные будут руководствоваться разными схемами. Эти грамматические системы удовлетворяют требованиям носителей языка, что делает их корректными. Парадоксально то что эти схемы не руководят языковым поведением самих англичан. Иными словами, «подгонка» есть стиль выведения правила, исходя из наблюдения за реальным поведением, в то время как «руководство» предполагает, что сами правила руководят поведением, тем самым, Куайн предлагает две перспективы изучения языкового поведения.

Хомский, в противовес указанным возможностям, говорит Куайн, предлагает еще один взгляд на язык: правила управляют поведением не только изучающих некоторый язык как иностранный, но и носителей самого этого языка. «Истинные правила – это правила, которыми имплицитно руководствуются сами носители языка. В этом смысле задача лингвиста и состоит в нахождении именно таких правил» [14, с. 386]. Куайн считает, что лингвисты используют древовидные схемы в качестве инструментов для определения всей совокупности правильных предложений, и обвиняет Хомского в том, что он делает сами древовидные схемы частью объективной лингвистической реальности, которая должна быть исследована.

Тривиальность позиции Хомского, отмечает Куайн, заключается в том, что носителям языка приписывается неосознанное предпочтение одной системы грамматических правил другой, которая также не осознается индивидом; причем обе эти системы оказываются экстенсивно эквивалентными [6, 7]. Предположив наличие двух различных возможных систем, Куайн говорит о

том, что следует решить, какая именно система и почему руководит вербальным поведением индивида. «Имплицитное «руководство» представляет собой довольно спорную идею, которая вряд ли может претендовать на точную методологию. Если имеет смысл говорить, что носитель языка руководим одной системой правил, а не другой экстенсивно эквивалентной системой, то данное соображение должно вести исследователя к идее диспозициональности наблюдаемого поведения носителя языка в наблюдаемых условиях» [14, с. 388].

В то же время сам Куайн не имеет претензий к диспозициональности и к понятию имплицитного и неосознанного подчинению правилу, если эти правила понимаются в качестве «подгонки». Для разъяснения тезиса воспользуемся следующей метафорой: все тела подчиняются (в смысле «подгонки») закону тяготения, так же, как и носители английского языка подчиняются всем экстенсивно эквивалентным системам правил, определяющим всю совокупность корректных предложений английского языка. Камнем преткновения, считает Куайн, становится срединная позиция Хомского, в которой правилам не уделено должного внимания, поэтому в его концепции они остаются четко не определенными.

Куайн предлагает еще раз обратиться к пониманию задач, решаемых грамматистами. Классическим считается деятельность лингвистов «по разграничению, рекурсивно и в формальных терминах, бесконечной совокупности правильно организованных фонем в конкретном языке» [14, с. 389]. Следствием этого является проблема признания того, что существует некоторое правильное языковое поведение. Тогда вполне закономерен вопрос: что является поведенческими данными, свидетельствующими в пользу грамматической корректности? Куайн признает, что таких критериев не существует; есть лишь некоторые достаточные условия, которые позволяют лингвисту сделать вывод о правильности высказываний. Обычно считают правильной (well-formed) ту последовательность фонем, которую продуцируют сами носителями языка, поэтому действия грамматиста можно описать следующим образом: тестируя различные последовательности фонем, он следит за реакцией носителей языка. Если исследователь получает адекватный ответ на высказывание, следовательно, имеет дело с правильным высказыванием данного языка, если же получает замешательство со стороны информанта, то помещает данный паттерн в разряд неправильных. Имея на руках массив подобных данных, грамматист систематизирует их для выведения каких-либо правил.

Позицию Хомского в этом случае, отмечает Куайн, можно охарактеризовать как признание того, что само языковое сообщество владеет некоторым чувством грамматической правильности, которую лингвисты, в свою очередь, могут и должны открыть. Парадоксаль-

ным образом сами носители языка имеют чувство правильности и могут составить список четко сформулированных правил, в соответствии с которыми отбираются корректные высказывания. Если признать эту модель верной, то, считает Куайн, необходимо указать для нее ясный критерий и эффективный метод. Он убежден, что «внимание, уделенное данной концепции, есть проявление готовности признать лингвистические универсалии» [14, с. 390]. Поясняя данный тезис, скажем, что проблема данных в пользу этих универсалий недостаточно оценена. Следует также отметить, что Хомский убежден в правомерности своего тезиса о том, что во всех языках, им исследованных, предложения имеют субъектно-предикатную структуру, так как при переводе с языка на язык удастся ее сохранять. Куайн, однако, сомневается в этом утверждении, считая возможной ситуацию, когда переводчик сам переносит структуры своего языка на структуры языка, который он переводит. Проблема в том, что исследователь не имеет четкого поведенческого критерия для разграничения того, что считать субъектом, а что предикатом. Поэтому Куайн убежден в недостаточности простого соглашения относительно определения субъекта и предиката в виду того, что трудность заключается в существовании экстенсивно эквивалентных грамматик.

Следует пояснить значение эквивалентных грамматик на следующем примере. Представим, что для некоторого существующего языка есть две экстенсивно эквивалентные системы грамматики, два экстенсивно равных рекурсивных определения правильных последовательностей слов. Одна система говорит, что последовательность трех конституэнтов должна выглядеть «АБ» и «В», а другая утверждает иную последовательность «А» и «БВ». Загадочная привычка вынуждает нас признать, что одна из систем верна по обоюдному согласию носителей данного языка. Для того чтобы выяснить, какая именно является правильной, можно спросить у носителей языка. Однако Куайн убежден, что данная попытка решения проблемы тупиковая и ведет к дурной бесконечности вопросов. Обращаясь к семантическим понятиям синонимии, аналитичности, пытаясь разобраться с тем, что же означают высказывания, исследователь погружается в пучину все новых и новых вопросов. Для того чтобы обратиться с вопросом к носителям языка о том, как должно быть правильно, исследователь сначала сам должен понять свой вопрос, а чтобы понять его, он вновь должен обратиться к носителям языка. Это бесконечное погружение и расширение круга вопросов не может быть продуктивным решением поставленной проблемы, так как здесь вообще нет никакого решения.

Куайн заявляет, что «полемика вокруг семантических понятий бурлит уже двадцать лет. Кто-то критикует данную терминологию как недостаточно эмпирически обоснованную. Другие защищают данные понятия без

каких-либо их усовершенствований» [14, с. 393-394]. Выходом же из сложившейся ситуации американскому философу видится «невинное и непротиворечивое понятие стимульного значения» предложения, которое характеризуется Куайном как «класс стимульных ситуаций, при наличии которых данный говорящий согласится с высказыванием, если его спросить об этом. Стимульное значение наилучшим образом представлено в предложении наблюдения ... [которое] определяется как предложение, чье стимульное значение одинаково для всех носителей данного языка» [14, с. 394]. Поэтому отождествление стимульных значений оказывается неприемлемой аппроксимацией для понятия синонимии, к которому взывает семантика.

Далее Куайн пытается показать, как работает его понятие стимульного значения в тех случаях, когда говорят о значении или синонимии. Он предлагает начать с рассмотрения глубинной структуры (*deep structure*) в ее отношении к логическому анализу. Задаваясь вопросом о том, что происходит при введении логических символов для функций истинности и кванторов, он констатирует, что предложение перефразируется несколько необычным образом для повседневной речи. Эта ситуация схожа с той, когда ребенок решает алгебраическую задачу по вычислению скорости передвижения или, когда пишется компьютерная программа. Куайн делает следующий вывод: «Я нахожу термин 'логический анализ' вводящим в заблуждение в том, что он предполагает обнаружение логической структуры, которая скрытно пронизывает все предложение. Я считаю эту концепцию и неясной, и бесполезной» [14, с. 395]. Логический анализ в то же время делает предложение формализованным и облегчает работу с ним. Схожее положение дел можно обнаружить и в естественных науках, когда в естествознании используется пара понятий вида и рода, или, когда в физике для описания пространства прибегают к идиоме четырехмерности. «Никто ведь не хочет сказать, что бинарные термины Линнея, или четырехмерное пространство Эйнштейна, или бинарный компьютерный код каким-либо образом имплицитны обыденному языку. И у меня нет причин, чтобы схожим образом не рассматривать кванторы и истинностные функции» [14, с. 395], заключает Куайн.

Если продолжать считать, что носители языка обладают детальной, хоть и не артикулируемой грамматической структурой (в частности, глубинной структурой), которая пока еще не открыта, тогда как можно было бы узнать об истинности открытия или даже простого ее предположения. С другой стороны, глубинные структуры можно рассматривать в качестве вспомогательного механизма для проведения демаркационной линии, очерчивающей класс корректных последовательностей фонем. Так понятая глубинная структура определенным образом напоминает логический анализ, когда «оба

представляют собой переформулировку предложений обыденного языка, к которой мы обращаемся с целью получения технического удобства» [14, с. 396].

Куайн замечает, что при этом цели исследователей оказываются разными. «Цель грамматика состоит в том, чтобы облечь предложение в такую форму, чтобы оно могло быть сгенерировано грамматическим деревом наиболее эффективным способом. Цель логика состоит в том, чтобы облечь предложение в такую форму, которая наиболее эффективно обеспечивает логические вычисления или демонстрирует ее следствия и связи, позволяя избегать ошибок и парадоксов» [14, с. 396]. Отсюда Куайн предостерегает от отождествления глубинной структуры и логического анализа, так как они служат разным целям.

Заключение

Диалог Куайна и Хомского уже на новом материале воспроизводит аргументы, используемые в споре между эмпириками и рационалистами. Методологический выбор оптики для построения научной теории между «fitting» и «guiding» сразу заставляет автора определиться с отправной точкой. Куайн последовательно придерживается принципа о том, что все что дано человеку - это сенсорные данные, которые в своей совокупности образуют целостную картину мира. Тезис Хомского о «нищете стимула» подчеркивает ограниченность объяснительной способности теории в части невозможности объяснить появления понятий, обозначающих то, что не дано в чув-

ственных данных. В случае обсуждения теория освоения языка следствием оказывается ограниченность словаря, который в действительности не является ограниченным и имеет бесконечно разнообразный выразительный потенциал. Для преодоления данного затруднения Куайн вводит в теорию тезис о врожденном «долингвистическом пространстве качеств» как механизме разграничения физических свойств объектов в восприятии ребенком. Данное допущение, с точки зрения Хомского, делает излишним другие элементы теории и применение бихевиористского принципа подкрепления.

Анализируя используемую авторами аргументацию, необходимо отметить, что несмотря на стремление Куайна построить эмпирически выверенную теорию языка ему не удается обойти «проблему врожденности», чьи элементы попадают в теорию ввиду методологической необходимости.

Таким образом, Куайн попытался построить теорию языка, основанную на методологических подходах, используемых эмпирическими науками, в частности, i) четкого определения понятий, не допускающего неоднозначного толкования и ii) использование сенсорных данных в качестве основания для построения теории. Хомский свои контраргументы направляет на эти основополагающие постулаты, подчеркивая неопределенность понятий в теоретических рассуждениях самого Куайна (в частности, определение базового понятия «языка») и допущение врожденных идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глок Г.-И. Аналитическая философия: как она есть / Пер. с англ. В.В. Целищев. М.: Канон-плюс, 2022. – 440 с.
2. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа экономики, 2006. – 375 с.
3. Киссель М.А. Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии 20 века). М.: Мысль, 1974. – 279 с.
4. Куайн У.О.В. Слово и объект / Пер. с англ. А.З. Черняк, Т.А. Дмитриева. М.: Логос: Праксис, 2000. – 386 с.
5. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли/ Пер. с англ. Предисл. Б.П. Нарумова. М.: КомКнига, 2005. – 232 с.
6. Cambridge companion to Chomsky. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 332 p.
7. Cambridge companion to Quine. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 309 p.
8. Chomsky N. Quine's Empirical Assumptions // Synthese. 1968. Vol. 19. No. 1/2. – P. 53-68.
9. George A. Whence and Whither the Debate Between Quine and Chomsky? // The Journal of Philosophy. 1986. – Vol. 83. No. 9. – P. 489-499.
10. Guasti M.T. Language acquisition: the growth of grammar. Massachusetts: The MIT Press, 2002. – 490 p.
11. Horwich P. Chomsky versus Quine on the Analytic-Synthetic Distinction // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1992. – Vol. 92. – P. 95-108.
12. Horwich P. Scientific Conceptions of Language and Their Philosophical Import // Philosophical Issues. 1993. – Vol. 3. – P. 123-133.
13. Quine W.V.O. From a logical point of view. New York: Harvard University Press, 1961. – 190 p.
14. Quine W.V.O. Methodological reflections on current linguistic theory // Synthese, Vol. 21. 1970. – P. 386-398.
15. Quine W.V.O. The ways of paradox and other essays. New York, 1966. – 269p.
16. Quine W.V.O. Theories and things. Massachusetts USA: Harvard College, 1982. – 223p.
17. Tomalin M. Goodman, Quine, and Chomsky: from a grammatical point of view // Lingua. 2003. – P. 1223-1253.
18. Tomasello M. Constructing a language: a used-based theory of language acquisition. Massachusetts: Harvard University Press, 2005. – 399 p.
19. Words and objections. Essays on the work of W.V. Quine. Dordrecht: D. Riedel Publishing Company, 1969. – 378 p.

© Засыпкин Сергей Николаевич (zassipkin@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

METHODOLOGY FOR THE STUDY OF THE FOUNDATIONS OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

**A. Lukyanov
E. Bikmetov
K. Khranova**

Summary: The main purpose of the work is a methodological analysis of social self-consciousness. Self-consciousness as a socio-cultural phenomenon allows to realize the semantic characteristics of human existence as a natural, cosmic and cultural-social value. Self-consciousness arises in social interaction, is manifested in the culture and creative activity of people and individuals, in the attitude of individuals and groups of individuals to the phenomena, processes. The foundations of self-consciousness include cultural and moral tradition as a way of reproducing personal and socio-national life. According to the authors, self-consciousness is an extra-national, mental and spiritual properties of a person. Self-consciousness is a «transcendental subject» associated with the preservation and reproduction of the world economy.

Keywords: foundations of social self-consciousness, transcendental subject, self-consciousness as a socio-cultural phenomenon, cosmic and cultural-social value of self-consciousness, spiritual health.

Лукьянов Аркадий Викторович

доктор философских наук, профессор, Уфимский
университет науки и технологий
pushkarewa2@mail.ru

Бикметов Евгений Юрьевич

доктор социологических наук, профессор, Уфимский
университет науки и технологий
bicprof@mail.ru

Храмова Ксения Вячеславовна

доктор философских наук, профессор, Башкирский
государственный медицинский университет
Khramkv@mail.ru

Аннотация: Основной целью работы выступает методологический анализ социального самосознания. Самосознание как социокультурное явление позволяет реализовать смысловые характеристики бытия человеческого рода как природной, космической и культурно-социальной ценности. Самосознание возникает в социальном взаимодействии, проявляется в культуре и творческой активности народа и человека, в отношении индивидов и групп индивидов к явлениям, процессам. К основаниям самосознания относится культурная и нравственная традиция как способ воспроизводства личной и общественно-национальной жизни. По мнению авторов, самосознание представляет собой вненациональные, душевные и духовные свойства человека. Самосознание есть «трансцендентальный субъект», связанный с сохранением и воспроизводством мирового хозяйства.

Ключевые слова: основания социального самосознания, трансцендентальный субъект, самосознание как социокультурное явление, космическая и культурно-социальная ценность самосознания, духовное здоровье.

Введение

Актуальность анализа идеи самосознания связана с необходимостью реализации творческих потенциалов народа и индивида, пониманием перспективы общественного развития в условиях неопределенности в настоящем. Активность человека и общества детерминируется не только социальными отношениями, но космическими и нравственными силами. Но теоретическое самосознание в малой степени зависит от повседневного жизненного опыта, так как этот опыт отдален от системно-рационализированного знания. Сегодня рядом общественных сил ведутся поиски наиболее приемлемых альтернатив, которые могли бы повысить качество человеческой жизни. Однако в современном мире в настоящее время наблюдаются тенденции повышения риска изменения соотношения глобального и локального, ослабления духа интернационализма, роста национализма, усиления конфронтации. Справедливый мир как естественное состояние человека и человеческого рода постоянно нарушается.

Современная эпоха с доминированием технического разума, искусственного интеллекта, существенным образом потеснившего интеллект естественный, есть эпоха кризисная. В поисках путей выхода из кризиса актуализируется идея притока «нового духа», связанного с нравственными принципами [1; 2; 3], необходимость поиска новых концептуальных средств, теоретических конструктов, фундирующих соединение представлений повседневности с философскими, гуманными взглядами. Гуманитарный язык способствует дискурсивности, «препятствующей какой-либо одной точке зрения или единственной мировоззренческой позиции» [4, с. 136]. Анализ особенностей «нового духа» позволяет взглянуть под новым углом зрения на сущность духовного здоровья, его источники, к каковым относится самосознание человека и общества. Самосознание, выступая уникальной характеристикой, детерминирует отношение человека к себе и внешне [5, с. 197]. Выделяются индивидуальный или общественный уровень самоотношения субъекта [6, с. 76]. Следует обратиться к исследованию не только базисных архетипических паттернов культур-

ной традиции, но и источников творческой деятельности, нового в национальной жизни, любви к «дальному человеку», что обеспечивает сохранение нравственных сил народа.

Авторами выдвигается гипотеза, согласно которой в исследовании основ существования человека возникает методологическая проблема огромной важности – проблема усиления философского дискурса. Этот дискурс связан с тем, что критерием здорового общества выступает его максимальное соответствие подлинно человеческой природе. В противном случае у человека происходят ментальные нарушения. Э. Фромм противопоставляет здоровому обществу общество патологическое, безумное [7]. На смену утрачиваемой веры в разумные, творческие действия приходит вера в идолов, вождя, государство. Поэтому необходимо преодолеть неверие в человека вообще. В здоровом обществе человек есть активный участник общественной жизни. Развитие здорового общества происходит не через самостоятельное развитие экономической сферы, а через «одновременные изменения в промышленности и политической организации, в духовной и философской ориентации, в структуре социального характера и культурной деятельности» [8, с. 309].

Результаты исследования.

Научная новизна исследования состоит в обосновании следующих положений: 1) развитие самосознания позволяет предотвращать «клиповость» сознания современного человека, его фрагментарность, что способствует утверждению перспективных направлений роста сущностных сил человека; 2) исследование оснований духовного здоровья в контексте рассмотрения идеи самосознания открывает перспективу его анализа с точки зрения широких мировоззренческих генерализаций [9].

Методологической основой исследования природы и сущности самосознания выступает принцип историзма, который позволяет анализировать народ, его нравственную субстанцию с позиций идеи внутренней духовной активности человека. Авторы настоящего исследования исходят из понимания самосознания как основания культуры, уникального единства пространственных и временных форм. При этом культурная традиция способствует активизации социальной памяти, нравственного здоровья человека. Это предохраняет человека и общество от того, чтобы сделать историческое прошлое никогда не бывшим, а следовательно, сохраняет и воспроизводит формы исторической памяти. Тем не менее прошлое постоянно присутствует в современной жизни человека и общества. Негативные тенденции прошлого преодолеваются благодаря рефлексии человека над основаниями мыслительной и культурной деятельности.

Идея самосознания преодолевает разрыв между метафизическим и диалектическим мышлением. При этом диалектика уже как бы изначально заложена в космическом универсуме. Но если метафизика устремлена к поиску предельных оснований бытия и познания, то диалектика стремится к познанию борьбы противоположных начал человеческого бытия. В этом плане диалектика не позволяет человеческим возможностям реализоваться до конца. Ведь полная реализация ослабляет потенции творчества. В человеке что-то должно оставаться непроявленным.

Метафизический подход к исследованию самосознания предполагает рассмотрение последнего как интегрального соединения духа, культуры, философии и нравственности. Ориентация на самосознание задает творческую направленность отношения человека к космосу, а последний предполагает осмысленную жизнь, осознание единства космического и нравственного закона.

Над проблемой предельных оснований духа, самосознания размышляли Г. Гирндт, Ф. Вагнер, Ж. Леонберже [10; 11; 12]. Но диалектический путь исследования самосознания выводит потенцию сознания за границы преодоления изоляции собственного «Я», в котором взаимодействуют многие «Я» [13]. Самосознание, видимо, связано с космической жизнью, которая обращена к действительному существованию людей. Теоретическое самосознание направлено на гармонизацию прошлого и настоящего. Философское познание самосознания находится не в точке феноменологического существования и не в чисто теоретическом бытии, а в точке единства обоих [10, с. 325].

Самосознание народа предполагает анализ происхождения мышления. Авторы исходят из положения, что субстанцией народа выступает нравственность, нравственный образ жизни. Нравственность же возникает позднее морали, права и даже государства, которое предполагает существование уже сложившегося народа. Самосознание в этом плане формируется в процессе активизации общественной мысли над прошлым и настоящим.

Народ, его нравственность и культура, определяемые историческими ритмами [14] связаны с будущим временем. Концепция исторического времени основана на темпоральных различиях мира повседневности, общественной истории и мира культуры [15, с. 724; 16]. Метафизика самосознания не возникает в иллюзиях, мифах. Она актуализируется при условии, что познание становится социально ответственным [17, р. 192].

Для народа недостаточно заниматься своим эмпирическим бытием. Индивидуальная атомизация социального пространства порождает ситуацию, в которой

подавляется свобода человека, а творческие потенции оказываются непроявленными. Даже в глубокой древности люди стремились вырваться за пределы повседневного существования, а тем самым ощутить мировые ритмы, тенденции.

Аккумулируемая обществом информация не всегда означает нечто удавшееся. Человек никогда не остается одним и тем же, поскольку в процессе развития он устремлен к основаниям сущего. Но при этом человек в современном мире утрачивает по мере своего взросления свое духовное здоровье, продуктивную способность воспроизводить позитивное. Без воображения нет самосознания, которое сопряжено с культурной традицией.

В современной общественной мысли усиливаются дискуссии о соотношении диалектики и метафизики. По Аристотелю, «мудрость есть наука об определенных причинах и началах» [18, с. 67]. Этот тезис направлен на обоснование мысли, что изучение современного знания требует анализа гуманитарной культуры. В данном отношении философия духовного здоровья человека выступает как оппозиция технократизму.

Технократический дух, базирующийся на чисто количественных, рациональных показателях, порождает риски модерна и общественную патологию, бесчисленные флуктуации, препятствует активному стремлению человека к будущей, более справедливой жизни. Формы спонтанного поведения людей создают двойственную фактичность общественных процессов. Релятивность знания порождает субъективно сконструированные «жизненные миры» [8, с. 218]. Но роль знания в контексте диалектической взаимосвязи человека и общества сегодня неизмеримо возрастает. Народ всегда выступает носителем нравственных норм и ценностей, познание которых базируется на идее единства рационального и иррационального. Нравственность не исчерпывается пониманием форм свободы и ответственности, а предполагает стремление к свободе, это драгоценное чувство человека. В этом состоит вопрос о познании природы свободы, как активности, предполагающей преодоление всякой замкнутости человека на свой деловой утилитарный успех.

Связи между действиями человека и продуктами носят латентный характер. Недостаточно оцененным является тот факт, что только посредством аккуратного и

честного труда можно построить более справедливый мир. Кроме того, продукты развития идей, конкретные действия, даже если они рациональны, далеко не всегда приводят к рациональным результатам. Зачастую целенаправленная активность сопряжена с непредвиденными последствиями, в которых присутствует иррациональная компонента.

Результаты исследования

Таким образом, диалектический подход к познанию общества, в том числе и к пониманию духовного здоровья, предполагает нравственную традицию как способ воспроизводства личной и общественно-национальной жизни. Базисные паттерны самосознания включают в себя понимание метафизики как науки, которая расширяет новые возможности социальной и духовной деятельности людей, а также системное осмысление прошлого, настоящего и будущего как факторов, влияющих на формирование и становление самосознания. Однако авторы настоящей работы идут дальше в определении самосознания, которое представляет собой вненациональные, душевные и духовные свойства. Самосознание есть «трансцендентальный субъект», связанный с сохранением и воспроизводством мировой хозяйственной жизни. Мировое хозяйство связано с рациональной, разумной организацией труда и производства. Веберовский капитализм «может быть идентичен обузданию иррационального стремления к наживе» [19, с. 47-48]. М. Вебер, разумеется, имел в виду капитализм с человеческим лицом, где рантье оказываются исключенными, где рационализируются действия людей и их образ жизни, высвобождается творческое начало жизни. Однако современный капитализм демонстрирует иную тенденцию, где возрастает безличный характер деятельности, растет административно-государственный бюрократический аппарат, увеличивающий объемы цифровой формализации. Но при этом следует обратиться к анализу источников творческой активности, всего нового в национальной и мировой жизни, что способствует воспроизводству народных сил.

Идея самосознания гармонизирует мировые эпохи прошлого, настоящего и будущего. Если этнос связан с будущим временем, то народ никогда не может существовать без настоящего. Самосознание связано с процессом восстановления мыслительной силы народа, его творческих потенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schluchter W. Religion und Lebensführung: Studien zu Max Webers Kultur- und Werttheorie. Bd. 1. Frankfurt: Suhrkamp, 1988. 389 s.
2. Tenbruck F.H. Die Genesis der Methodologie Max Webers // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – 1959. No. 11. S. 573-630.
3. Вебер М. Социология религии. М.: Директ-Медиа, 2010. 561 с.

4. Бикметов Е.Ю., Пушкарева М.А., Соколов В.М. Язык как способ духовно-центрированного управления коммуникативным процессом // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. 22. № 1-2 (105-106). С. 135-142.
5. Николаева Т.А. Самосознание как уникальное свойство человеческой сущности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 12. С. 195-198.
6. Ларкина Э.И. Сущность индивидуального и общественного самосознания: социально-философский анализ // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 3 (24). С. 73-76.
7. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избр. тр. Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995. 623 с.
8. Кравченко С.А. Социология: учеб. пособие для вузов. М.: Экзамен, 2002. 512 с.
9. Bickmann N. Spannung des Bewusstseins. Die Einheit des Ich in Fichtes Frühphilosophie. V. Klostermann, 2023. 431 s.
10. Girndt H. Das "Ich" des ersten Grundsatzes der Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre in der Sicht der Wissenschaftslehre von 1804. Fichte-Studien. Beiträge zur Geschichte und Systematik der Transzendentalphilosophie. Bd. 10. Amsterdam-Atlanta, GA, 1997. S. 319-333.
11. Leyenberger G. Métaphores de la présence. II. La philosophie de Hölderlin. Edition Osiris, 1994. 170 p.
12. Wagner F. Der Gedanke der Persönlichkeit Gottes bei Fichte und Hegel. Gütersloher Verlagshaus Gerd Mohn, 1971. 300 s.
13. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 400 с.
14. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.
15. Алексеев П.В. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академ. проект, 2002. 1159 с.
16. Пак Г.С. Многомерное время истории как человеческой деятельности. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 1998. 181 с.
17. The Concept of Knowledge / Eds. I. Kuçuradi, R.S. Cohen. Springer-Science +Business Media B.V., 1995. 246 p.
18. Аристотель. Сочинения в 4 т.: Т. 1 / ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. 550 с.
19. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

© Лукьянов Аркадий Викторович (pushkarewa2@mail.ru), Бикметов Евгений Юрьевич (bicprof@mail.ru),
Храмова Ксения Вячеславовна (Khramkv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БИОГРАФИИ КАК ИСТОЧНИК НАРРАТИВОВ ЖИЛИЩНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Муфтахова Альмира Нургалиевна

Старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(г. Санкт-Петербург)
msmalmira@yandex.ru

BIOGRAPHIES AS A SOURCE OF HOUSING NEEDS NARRATIVES

A. Muftakhova

Summary: The relevance of the article is due to the significance of the retrospective analysis of the traces of life recorded in biographical sources, which are a kind of subjective narrative, narrative information about multidimensional social processes and types of developed activity of societies in those times to which the author paid his attention, and which can influence the formation of cause-and-effect relationships between reliable facts and historical events.

The aim is to analyze housing needs, recorded in biographical materials containing information about the processes of inequality in the case of unsatisfactory housing needs.

The subject is the narratives of biographical sources, which are a subjective narrative about the types of developed activity of society.

The object was the recorded phenomenon of social deprivation of housing needs.

Keywords: housing, dwelling, biography, narratives; deprivation.

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена знаковой ретроспективно-го анализа следов жизни, зафиксированных в биографических источниках, являющихся своеобразным субъективным повествованием, нарративной информацией о многомерных общественных процессах и типах развитой активности обществ в те времена, которым уделит своё внимание автор, и которые могут влиять на формирование причинно-следственных связей между достоверными фактами и историческими событиями.

Целью является анализ жилищных потребностей, зафиксированный в биографических материалах, содержащих информацию о процессах неравенства при неудовлетворении жилищной нужды.

Предметом обозначены нарративы биографических источников, являющихся субъективным повествованием о типах развитой активности общества.

Объектом выступил зафиксированный феномен социальной депривации жилищных потребностей.

Ключевые слова: жильё, жилище, биография, нарративы; депривация.

В отечественной науке выработан своеобразный методологический подход к анализу биографических материалов. В ленинградской научной школе под биографическим методом понимаются различные аспекты изучения индивида, состоящие в уровне анализе системы его деятельности в динамике жизненного процесса и на статическом уровне анализа образа жизни как состояния системы индивидуальной жизнедеятельности. Релевантным при исследовании группы становится изучение воспроизводства или развития, а также образа жизни как состояния групповой системы деятельности [1, с. 219].

В зарубежной науке под биографическим методом понимается историко-жизненный подход исследований, включающий в себя несколько методологических приемов и типов данных. К ним относятся тематические исследования, интервью, использование документов (письма, дневники, архивные записи), устные истории и различные виды повествований [2, р. 1629].

Зарождение биографического метода исследования, а равно как и обретение его популярности, может быть идентифицировано с этнографическими традициями, сложившимися в Чикагской школе и увязано с научным трудом Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого «Польский крестьянин-землевладелец в Европе и Америке»

(1918-1920). Далее, на основе историко-жизненного подхода в совместных работах У. Томаса и Ф. Знанецкого была сформулирована концепция социальной ситуации, разделённая на три важнейшие составные части:

1. объективные условия, заложенные в существующих социальных теориях и ценностях;
2. установки индивида и социальной группы;
3. формулирование существа ситуации действующим индивидуумом [3, с. 290-291].

Отношение к биографии как к истории личности используется в рамках антропологических исследований неиндустриальных сообществ и более абстрактных теорий структурного функционализма, при котором анализируются сообщества и организации как социальные системы, стремящиеся к стабильности. Эти исследования анализируют как социальные системы, так и их адаптации к изменяющимся условиям [4, р. 244].

Толкотт Парсонс представлял биографию в виде дескриптивной (описательной) подсхемы истории личности: «Главным критерием различия между отдельными ответвлениями истории должно быть рассмотрение фактов в понятиях той или иной дескриптивной подсхемы действия» [5, с. 323].

Роберт Мертон выделял особую пикантность в крат-

ких биографических описаниях жизни учёных теоретиков: «... сохраняется весьма ограниченное, упрощенное представление об истории социологической теории как о собрании критических обзоров прошлых теорий с добавленными для пикантности краткими биографиями главных теоретиков» [6, с. 21]. Именно восполнение пробела недостающих знаний в историях личности заставляет обращаться к: «научным дневникам и журналам (например, Кули), переписке (например, Маркса - Энгельса, Росса - Уорда), автобиографиям и биографиям (например, Маркса, Спенсера, Вебера и многих других)» [6, с. 25].

Используемые способы исследований истории жизни демонстрируют значительные вариации, а также более точные концептуальные различия. Такие термины, как история жизни, биография, дискурс, история, устная история, нарративы личного опыта, коллективные нарративы и саги, в пределах каждой научной школы отличаются друг от друга [2, с. 1634].

В классовом подходе неомарксистов биография - это не амбарная книга жизни, где скрупулезно записывается всякое событие, не судовой журнал, не бухгалтерская роспись.

С точки зрения Жана Бодрийяра, со сменой биографий «героев производства» на биографии «героев потребления» связано изменение подходов к изучению историй личности: «экзальтированные биографии героев производства уступают повсюду сегодня место биографиям героев потребления».

Великие образцовые жизни «self = made men» и основателей, первопроходцев, исследователей и колонистов, которые последовали за образцовыми жизнями святых и исторических людей, уступили место жизнеописаниям звезд кино, спорта и игр, нескольких позолоченных принцев или международных феодалов, короче, великих расточителей (даже если необходимость наоборот заставляет часто показывать их в повседневной простоте, заключающими сделку и т. д.)» [7, с. 70].

Майкл Буравой, развивая методологию монографического исследования, назвал его «методом расширенного случая» (the extended case method [8, р. 5]), с которой связана особая этнографическая практика, где разрыв между исследовательской моделью и её осуществлением, между принципами и практикой никогда не исчезает [9, с. 155]. Реализация метода расширенного случая при монографическом исследовании предполагает включённость исследователя в анализируемое событие в качестве наблюдателя, участие во всестороннем анализе социальных практик с учётом собранных эмпирических данных, разбор и интерпретацию результатов, исходя из набора теоретических предпосылок формальной логики.

Пьер Бурдьё представлял в описании биографического события иллюзию осуществления некоей предуготовленной сущности: «Ничего нет более обманчивого, чем ретроспективная иллюзия, которая восстанавливает следы жизни (например, произведения художника или биографические события) как осуществление некоей предуготовленной сущности» [10, с. 108]. Французский учёный видел в производстве биографий, мемуаров, воспоминаний, свидетельств предложение альтернативного «жизненного опыта» [11, с. 266]. И с его точки зрения, в рамках конструкции необходимо работать с историей поля, в которое вписана биография: «Биографии, когда они конструируются социологически, в действительности работают с историей поля, в которое вписана биография» [12, с. 212]. Он предлагал в качестве критического осмысления разбора жизненной ситуации приводить целый ряд собранных фактов, вытекающих из того, что они основаны не на сознательных и постоянно действующих правилах, а на практических схемах, склонных к изменениям в зависимости от логики ситуации, от навязываемой ею и почти всегда частичной точки зрения [10, с. 30].

И здесь биография жизненной деятельности индивида как нарративный источник должна быть сопоставлена с объективной информацией существовавшей реальности. Ученые, работающие в области исследований истории жизни, признают, что все данные наук состоят из интерпретаций человека, и что почти все такие данные являются реконструкциями или представлениями прошлых событий и опыта [2, р. 1637]. Поскольку каждый человек, согласно Альфреду Шюцу, имеет уникальную биографию, и поэтому воспринимает мир по-своему [13, с. 48]. А. Шюц соотношение субъективного восприятия с объективной реальностью представлял в виде эллиптического выражения «S = p», где человек находящийся в биографически детерминированной ситуации объект «S» определяет через специфическое свойство «p», игнорируя другие показатели «q» и «r», как не имеющие своей значимости в естественной установке повседневной жизни [14, с. 12].

Поэтому применение биографического метода как историко-жизненного подхода исследования считаем возможным для установки наличия существования феноменов, но для изучения массовости явлений, институционализации процессов, проходящих в обществе, следует исходить из эмпирически доказуемых объективных показателей [15, с. 207-222].

В проведённом исследовании основной акцент был направлен на выявление существования феномена депривации при неудовлетворении жилищной нужды. При этом под данным явлением понимался недостаток или лишение в удовлетворении естественной потребности в жилье как месте обитания, образующем квалифицированное физическое пространство на основании

состояния владения, исходящее из усреднённых шансов для присвоения различных материальных и культурных благ и услуг, имеющих в распоряжении в данный момент [16, с. 59].

В ходе анализа были изучены материалы историй жизни людей (выборочная совокупность составила 209 личностей), включающие в себя биографические и автобиографические источники, воспоминания, мемуары, дневники, письма и др. Хронологические рамки охватывают временные периоды, начиная с конца XVIII в. и заканчивая началом XXI в.

Использование историко-жизненного подхода позволило провести разделение на классы обследуемую совокупность индивидуумов в соответствии с социаль-

ным статусом или сословным положением, занимаемым личностью в тот исторический период (рис. 1).

Как можно наблюдать из данных, представленных на рис. 1, подавляющее большинство представителей интеллигенции (115 человек) упоминали в своих биографиях о жилье как своём месте обитания, при этом 78 из них указывали и подробно описывали испытанные лишения при решении жилищного вопроса и увязывали свою жизненную деятельность с неудовлетворением жилищной нужды.

Разделение совокупность историй жизни на виды практик и типы трудовой активности позволило дополнить предыдущие рассуждения иными необходимыми выводами (рис. 2).

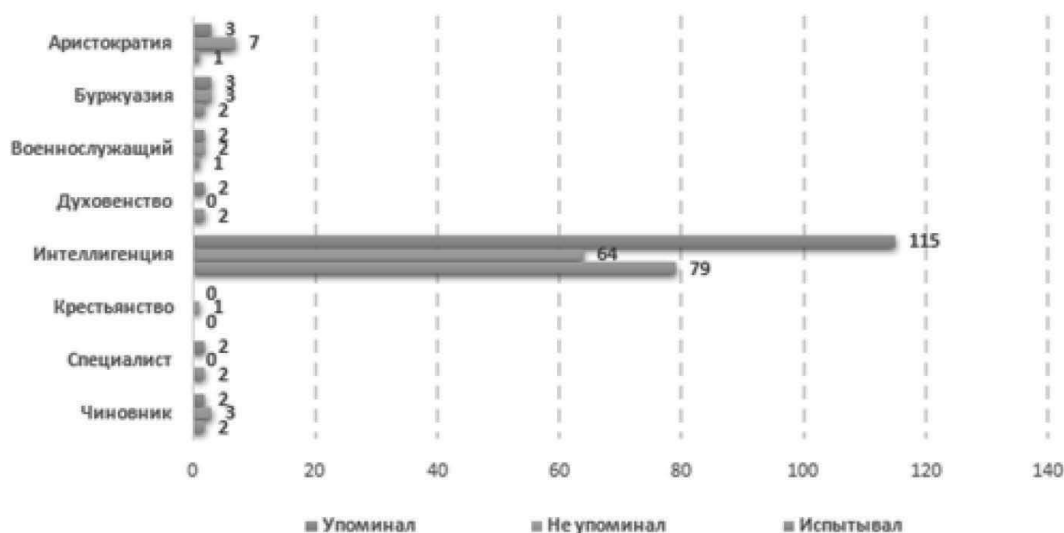

Рис. 1. Сопоставление жизненных историй личностей по классовому признаку, ед.

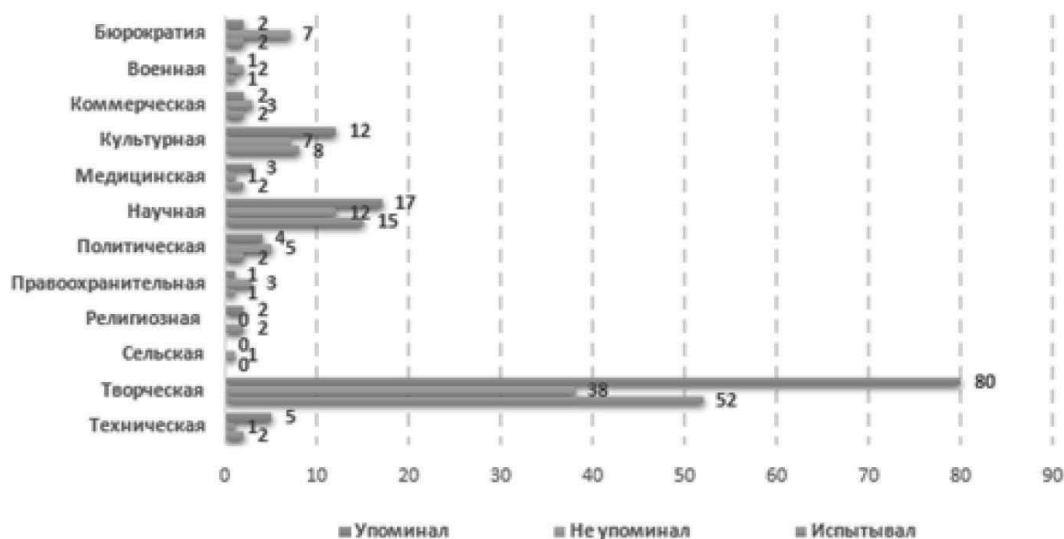

Рис. 2. Разделение жизненных историй личностей на виды практик и типы трудовой активности, ед.

Из данных, представленных на рис. 2, можно заключить, что представители творческих практик составляют основное количество авторов биографической информации, дающей представление о своей жизненной деятельности. Жильё выделено как квалифицированное физическое пространство в 80 историях личностей писателей и поэтов, и в 51 случае были выявлены лишения, вызванные жилищными неудобствами. Второй категорией, подверженной депривации при неудовлетворении жилищной нужды, оказались научные работники, из которых 17 человек акцентировали внимание на квартирном вопросе и 15 испытывали жилищную нужду.

И здесь можно сделать вывод о том, что оставление биографической информации о существовавших феноменах является поддержанием той практики, внутри которой происходит жизненная активность индивидуума, и ведение истории жизни с фиксацией личностных событий становится продолжением основной профессиональной деятельности. Поэтому для творческой личности, ведущей биографию, жилище становится не просто местом жительства, но и местом производства его произведений, местом встреч с коллегами, местом хранения результатов и источников творчества.

Практически единственным способом удовлетворения жилищной нужды в рассматриваемый период вплоть до реформ 90-х гг. XX в., несмотря на наличие частновладельческих, дворянских, дворцовых домов (что справедливо для дореволюционных времён), государственного и муниципального жилья (что характерно для советского времени), являлось казённое жильё, полученное либо от государственных институтов и властных структур (министерств, академий, театров), либо от меценатов и спонсоров, способствующих на добровольной и безвозмездной основе развитию науки и искусства.

Таким образом, научная новизна заключается в полученных выводах по исследованию:

1. Применение биографического метода как историко-жизненного подхода исследования считаем возможным для установки наличия существования социальных феноменов, но для изучения массовости явлений, институционализации про-

цессов, проходящих в обществе, следует исходить из эмпирически доказуемых объективных показателей. Установлено, что в биографическом источнике эмоциональный компонент субъективности подменяет объективную реальность. Повествователь как бы выпячивает свою неудовлетворённую жилищную нужду, не связывая её с общественными процессами, прикрывая личными потребностями, а порой и выгодой, нерешённый вопрос с жильём. При этом игнорируется его место обитания и классовый статус, выбранное и обретенное жильё воспринимается как данность, полученная из ниоткуда. И здесь, интерпретируя полученные сведения, исследователь обязан подвергать их критическому осмыслению и сравнению с объективными показателями того исторического периода;

2. Оставление биографической информации о существовавших феноменах и явлениях является поддержанием той практики, внутри которой происходит жизненная активность индивидуума, и ведение истории жизни с фиксацией личностных событий становится продолжением основной профессиональной деятельности. Поэтому для творческой личности, ведущей биографию, жилище становится не просто местом жительства, но и местом производства его произведений, местом встреч с коллегами, местом хранения результатов и источников творчества;
3. С одной стороны, использование биографического метода позволило установить наличие феномена депривации при неудовлетворении жилищной нужды, а с другой стороны - с точки зрения классового подхода, можно судить, что биографический метод (анализ дневников, воспоминаний, писем, мемуаров и др.) применим только при изучении связей и активностей в пространстве творческой, технической и научной интеллигенции, их габитуса. Поскольку властьимущие, пока пребывают на пике славы, предпочитают «исправленные» биографии; когда же теряют расположение народа, то их личная история подвергается «критическому» суждению (остракизму). В то же время рабочий класс, за редким исключением, не оставляет записей о своих жизненных условиях и местах обитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божков О.Б. Социология ориентир - классика. Предварительные итоги. СПб.: Эйдос, 2014. 504 с.
2. Eileen M. Crimmins Life histories and narratives / Encyclopedia of Sociology / Edgar F. Borgatta, editor-in-chief, Rhonda Montgomery, managing editor. 2nd ed. Vol. 3. New York a.o.: Macmillan Reference USA, 2000. P. 1477-2285.
3. Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 290-291.
4. Mooney P.H. Case Studies / Encyclopedia of Sociology / Edgar F. Borgatta, editor-in-chief, Rhonda Montgomery, managing editor. 2nd ed. Vol. 1 Macmillan Reference USA, 2000. 719 p.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.

6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 873 с.
7. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
8. Burawoy M. The Extended Case Method // Sociological Theory. 1998. Vol. 16. № 1. PP. 4-33.
9. Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10-11. С. 154-176.
10. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
11. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
12. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллежде Франс (1989-1992) / ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
13. Божков О.Б. Социология. Курс лекций. СПб.: Эйдос, 2015. 192 с.
14. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
15. Муфтахова А.Н. Значимость биографического метода при анализе социальной депривации, вызванной неудовлетворением жилищной нужды // (Авто)биография как объект социологического анализа. Материалы X чтений памяти В.Б. Голофаства, 3-5 апреля 2018 г. / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Норма, 2018. С. 207-222.
16. Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
17. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы). М.: РОССПЭН; Фонд Б.Н. Ельцина, 2008. 303 с.
18. Постановление Наркомздрава РСФСР от 10.07.1923 «О дополнениях к временным правилам устройства и содержания жилых помещений и организации жилищно-санитарного надзора». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1725.htm (дата обращения 02.04.2018).

© Муфтахова Альмира Нургалиевна (msmalmira@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)

О ЖЕЛАНИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА «БЫТЬ ДРУГИМ» (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РАБОТЫ Н. ЕВРЕИНОВА «ДЕМОН ТЕАТРАЛЬНОСТИ»)

Рахимова Майя Вильевна

*Кандидат философских наук, доцент, доцент,
Южно-Уральский государственный институт искусств
имени П.И. Чайковского, г. Челябинск
mayesta@mail.ru*

**ABOUT THE DESIRE OF A THEATRICAL
HUMAN BEING TO "BE THE OTHER"
(ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS
OF N. EVREINOV'S WORK "THE DEMON
OF THEATRICALITY")**

M. Rakhimova

Summary: Everyday theatricality is interpreted by the author as a complex self-organizing mechanism of human adaptation to external and internal challenges; as an element of the mental nature of a person with a pronounced social, communicative, socio-cultural orientation. Among the supposed traits inherent in theatrical human behavior, the desire to "be the other" is of particular interest as a constituent element of the "dramatic" escapism of theatricality.

N. Evreinov's work "The Demon of Theatricality" is taken as an axial research work, starting from which the author tries to comprehend the specifics of presenting himself to "others". The scientific task involves the search and comprehension of both the content and the functional specifics of the desire to "be the other" in the behavior of a theatrical human being.

Keywords: everyday theatricality, the Demon of Theatricality, adaptation, illusion, "to be the other", "the other".

Аннотация: Повседневная театральность осмысливается автором как сложный самоорганизующийся механизм адаптации человека к внешним и внутренним вызовам; как элемент психической природы человека с ярко выраженной социальной, коммуникативной, социокультурной направленностью. Среди предполагаемых черт, свойственных театральному поведению человека, желание «быть другим» представляет особенный интерес как составляющий элемент «драматургического» эскейпизма театральности.

В качестве осевой исследовательской работы, отталкиваясь от которой автор пытается осмыслить специфику представления себя «другим», взята работа Н. Евреинова «Демон театральности». Научная задача предполагает поиск и осмысление, как содержательного наполнения, так и функциональной специфики желания «быть другим» в поведении театрального человека.

Ключевые слова: повседневная театральность, демон театральности, адаптация, иллюзия, «быть другим», «другой».

Введение

Театральное (драматическое) поведение человека в быту встречается достаточно часто. Иногда это поведение нарочито обыгрывается и открыто демонстрируется в общении. Тогда оно воспринимается как откровенно театральное, то есть с известной долей критики и недоверия.

Но гораздо чаще драматическое поведение общающихся не замечается ими, не считывается как открыто театральное, а воспринимается как само собой разумеющееся. Обмен драматическими репликами в соответствии с ситуацией не вызывает взаимных претензий и упреков. Социальные роли и маски не считаются ролями и масками, а воспринимаются как часть повседневной рутины общения.

И даже наедине с собой человек зачастую не свободен от образов и представлений о себе (домашнем, социальном, чувственном и др.), которые хранятся в его

внутреннем «пространстве – времени» в определенном количестве.

Несмотря на широкую распространенность «театрального» в общественной среде, природа драматического, вписанного в повседневность, далеко не изучена, хотя и привлекает внимание мыслителей, ученых разных областей знания. Но знание, как правило, носит отрывочный фрагментарный характер, что усложняет осмысление театральности как целостного феномена. Как представляется, для формирования системного взгляда на проблему театральности нужна философская рефлексия, способная объединить знания, провести междисциплинарный анализ, наметить морфологические и смысловые контуры исследуемого феномена.

На данном этапе исследования повседневная театральность как философско-антропологический феномен характеризуется такими чертами, как подвижное внутреннее коммуникативное пространство (я - фантазия); высокий адаптационный потенциал (выживаемость

как сверхзадача); социокультурная мимикрия (маскировка, симуляция, притворство); суггестивный потенциал (способность к внушению и внушабельность); социальная синхронизация (модель поведения «как все»); эгоцентризм, прагматизм (внутренний расчет); манипуляционный потенциал (обман, плутовство); ролевое преобразование (драматическое поведение); «драматургический» эскейпизм (представление себя «другим»).

Предметом научного интереса данной работы является желание театрального человека «быть другим» как возможная черта повседневной театральности, как элемент «драматургического» эскейпизма. В качестве осевой исследовательской работы, отталкиваясь от которой автор пытается осмыслить специфику представления себя «другим», взята работа Н. Евреинова «Демон театральности». Научная задача предполагает поиск и осмысление, как содержательного наполнения, так и функциональной специфики желания «быть другим» в поведении театрального человека.

Как это - «быть другим»?

Николай Евреинов часто пишет о желании человека (хотя бы и самого Николая Евреинова) не быть собой, а также - о способности театральности помочь человеку в исполнении данного желания. Быть «другим», не быть собой - что может быть прозаичнее и сложнее этого процесса?

В попытке обосновать правоту и эвристический потенциал тезиса о театральности Николай Евреинов предлагает читателю своеобразную философскую пьесу, в которой персонажи (от Шопенгауэра до Федора Сологуба) вступают в диалоги с Евреиновым, чтобы подтвердить свою приверженность идее театризации жизни. В частности, участники этого представления Ницше и Уайльд высказывают идею преодоления природы через желание быть не собой («жить - разве не значит как раз быть чем-то другим, нежели эта природа?» - говорит Евреиновский «Ницше») [3, С.5]. Непреодолимое желание преобразования, стремление стать «другим» выступают как потребность, причем не эстетическая, а жизненная, изначально заложенная в человека, и реализуемая с помощью и по законам театра.

С самых первых шагов магического, а затем и религиозного становления культуры игровые, театризованные технологии были крайне востребованы. Священные ритуалы, обряды инициации, исцеления представляли собой талантливые драмы с определенной драматургией и режиссурой, костюмами и мизансценированием. Важно напомнить, что в предлагаемых (магических) обстоятельствах участники процессов переживали состояния перехода, становились на время «другими», некоторые - переживали состояние одержимости как

проявления избранности, «милости богов», магического профессионализма. Уже тогда, в архаическом обществе, «быть другим» мыслилось элементом поведенческой культуры человека, сначала в отдельных (высших) кругах, среди шаманов и жрецов, затем, «спускаясь» по социальной лестнице в народ, - способом поведения остальных членов общины.

Мы видим, как выдуманная (по Платону) «игрушка Бога», - человек, «распевая и танцую» должен... и проводит свое время в игре, тождество которой священнодействию для Платона есть данность [10, С. 42]. Потому, видимо, сакральные акты отличаются игровым поведением и настроением их участников [10, С. 44]. А что же насчет веры в предлагаемые обстоятельства? Верят ли исполнитель обряда и зритель в священное представление? Й. Хейзинга пишет: «...вера в священные представления - своего рода полувера, сопровождаемая иронией и равнодушием». И колдун, и околдованный (актер и зритель) - оба в одно и то же время и знают, и обманываются. А дикарь - хороший актер и хороший зритель [10, С. 49].

Р. Кайуа подхватывает мысль и говорит, что «вовсе не обязательно разворачивать игровую деятельность или переживать условные виртуальные превращения в воображаемой среде, чтобы почувствовать себя частью Игры». Куда чудеснее самому стать иллюзорным персонажем и вести себя соответственным образом. Обозначенная модель поведения предполагает целый ряд разнообразных явлений, у которых, однако, общая основа, когда субъект игры думает, убеждает сам себя или других, что он кто-то другой [5, С. 57]. Согласно Кайуа, человек «на время забывает, скрывает, отбрасывает свою собственную личность и притворно приобретает чужую». Эти явления он решил обозначать термином «*mimicry*», обозначающим по-английски миметизм, особенно мимикрию у насекомых, дабы подчеркнуть фундаментально-стихийный, едва ли не органический характер побуждения, которое вызывает их к жизни [5, С. 57].

Человек, согласно размышлениям О. Финка, не обладает твёрдо определённой сущностью, которая затем сопровождалась бы множеством случайных обстоятельств: человек есть смертный, и он есть трудящийся, борец, любящий и игрок [8, С. 378]. Игра - исключительный способ для-себя-бытия. Это не для-себя-бытие, происходящее от рассудочной рефлексии, не сознательное обращение представляющей жизни на себя самоё. Ведь игра есть действие, практика общения с воображаемым. В человеческой игре наше бытие действительно отражается в себе самом, мы показываем себе, чем и как мы являемся. Игровое для-себя-бытие человека прагматично. Оно существенно отличается от чисто интеллектуального для-себя-бытия, идущего от рефлексии. Игра принадлежит к элементарному, дорефлективному бытию [8, С.

384]. Как здесь не вспомнить о театральном инстинкте, подмеченном Н. Евреиновым? Ему тоже хочется освободить театральность от любых (внешних-внутренних) рамок сдержанности и холодной эстетики, и позволить «театру для себя» осуществляться без помех.

Он пишет: «... что мне толку в эстетике, когда она мешает мне творить свободно другую жизнь, быть может даже наперекор тому, что называется хорошим вкусом, творить, чтобы противопоставить мой мир навязанному мне, творить совсем с иной целью, чем творится произведение искусства!» [3, С. 10] Театральность не тождественна произведению искусства. Театральность - не театр. Это всеобщая жизненная творческая основа.

По Евреинову, театрализация жизни — это философская концепция, объясняющая человеческую природу, принципы мироустройства и ... пути дальнейшей эволюции человечества. Главный принцип театрализации жизни, принцип театра для себя — *не быть самим собой*, создать маску, стать другим. Но главный принцип театра, вырастающего из общечеловеческой театральности, театра как такового — *стать самим собой*, реализовать то, что скрыто в человеческой природе. Можно сказать, что в театре как таковом происходит снятие маски [3, С. 17]. В то время как в обыденной жизни снятие маски чревато последствиями, связанными с эмоциональной уязвимостью человека.

Николаю Евреинову важно отметить за театральностью свойство преобразования как свойство, помогающее стать «другим». Для чего? Во многом для того, чтобы избежать себя рутинного, обычного, скучного. Так формируется театрализация жизни. Если на профессиональных подмостках, в искусстве главное, — это найти самого себя, излить самое сокровенное моего «Я», то в «театре для себя» главное, — это не быть собой! Евреинов упоминает формулировку «преэстетизм театральности», полагая за театральностью некоторую первобытную необузданность, первожданность, неистовство наигрыша первых самопрезентаций и представлений [3, С. 45,46].

Эта модель существования близка игровой модели, стремящейся в неутилитарной деятельности преобразования «я». Другое дело повседневная театральность, которая скорее напоминает чернорабочего, вечно занятого делами упрочения своего положения, чем беззаботного эстета. Одно неосторожное, излишне свободное игровое движение, и вся социальная конструкция самопрезентации может развалиться, а вместе с ней и необходимый эффект. Если театрализация жизни Евреинова — это игра, то повседневная театральность — это рутина.

Для Николая Евреинова чувство театральности находится несколько «над» прагматичными задачами выживания. И в этом пункте наблюдается некоторое расхож-

дение с позицией данного исследования, полагающего под театральной природой человека именно адаптационный механизм, который просто немыслим вне прагматических установок, необходимых для выживания. Для повседневной театральности «быть другим» — это часть заботы о выживании, вечно балансирующей между интересами, как своими, так и остальных участников коммуникационного процесса.

Зачем «быть другим»?

Но почему человек испытывает желание быть не собой, быть «другим»? Почему он так не спокоен?

Ойген Финк пишет: «Человек есть природное создание, которое неустанно проводит границы, отделяет самого себя от природы, от природы вокруг и внутри себя - обездоленное животное, не управляемое уже надёжными инстинктами, обречённое отстранять себя, - оно уже не существует просто так, но скорее отброшено назад на своё бытие, отражено к нему». «Оно относится к самому себе и к бытию всего сущего, неустанно ищет потерянные тропы и нуждается в определениях самого себя, чувствует себя «венцом творения», «подобием бога», местом, где всё, что есть, обращается в слово, или же вместилищем мирового духа». По мнению мыслителя, «человеческий дух уже разработал многочисленные формулы для того, чтобы утвердиться в своей исключительности и необыкновенной весомости, чтобы дистанцироваться от всех прочих природных созданий. Акт постижения человеком самого себя имеет предпосылкой противопоставление себя всему остальному сущему» [8, С. 353]. Человек действительно бесконечно интересуется собой и именно ради себя исследует предметный мир. Всякое познание вещей в конечном счёте - ради самопознания. Все обращенные вовне науки укоренены в антропологическом интересе человека к самому себе [8, С. 354].

Потерянные тропы, вечное определение себя, дистанцирование от прочих природных созданий... Как здесь не вспомнить знаменитый отрывок из «Речи о достоинстве человека» Мирандолы, осмысливающего эту же проблему поиска человеком самого себя: «... Не даем мы тебе, о, Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе,

который ты предпочтешь...» [6, С. 506 –514]. С одной стороны, такая свобода самоидентификации не может не радовать или окрылять, ведь все дороги открыты. Но с другой стороны, именно то, что все дороги доступны и открыты, и пугает, поскольку совершенно не понятно, по какой же из них двигаться: по пути самопознания и духовного прозрения; по пути кибернетического или биогенного бессмертия; по пути естественного природного человека; или навстречу искусственному интеллекту?

И кто это – «свободный славный Мастер»? Образ прочих творений определен и потому не вызывает больших волнений ни у них самих, ни у окружения, если только речь не идет об охоте и спасении. Но человек ..., с одной стороны, обусловленный, сдерживаемый биологическими факторами, с другой стороны, способный с ними справляться, наделенный разумом, способностью сомневаться и мечтать, - человек оставлен, по сути дела, в неизвестности. Разве этот аспект не оправдывает его болезненный поиск и постоянную неуверенность в корректности собственных смысловых границ? В условиях постоянных вызовов, страхов и опасностей, которыми окружен человек, времени на познание себя катастрофически не хватает. А выживать необходимо! И пока ты сам себе не совсем понятен и думать некогда, - видимость, кажимость, иллюзия, маска и образ помогут, в известной степени, сохраниться, выжить и преуспеть. Ситуация неимоверно усложняется тем, что поиск самого себя, самопознание – крайне трудоемкий, ответственный и непонятный процесс с открытым финалом, нечеткой драматургической линией жизненного сценария, большой вероятностью ошибки самого пути самопознания.

«Кто такие мы?», - спрашивает Мартин Хайдеггер в работе «Время и бытие» и предлагает не торопиться с ответом: «Будем осмотрительны с ответом. Ибо дело может обстоять так, что то, что отличает человека как человека, определяется как раз тем, что мы здесь должны продумать: человек – захваченный присутствием, от этой захваченности сам по-своему присутствующий при всем при- и от-сутствующем. Присутствие значит: постоянное, задевающее человека, достающее его, ему врученное пребывание. ...Человек всегда оказывается захвачен присутствием того или иного присутствующего, без того чтобы при этом обращать особо внимание на присутствие. ... Однако ровно так же часто, то есть постоянно, нас задевает и отсутствие» [9, С. 77].

Всегда что-то отвлекает, всегда существует необходимость отзывать на бесконечно присутствующего – отсутствующего в жизни, игнорируя невольно сам факт присутствия, развертывания собственного внутреннего бытия. Такая спешка, переплетение множественных социокультурных факторов, необходимость жить в плавильном тигле социума, — все это побуждает всякий раз предпочитать видимость, иллюзию, маску, театраль-

ность, - подлинности, игре, искренности. Видимо, по этой причине Ойген Финк и замечает, что «прохождение-ми-мо вообще есть преимущественный способ человеческого сосуществования» [8, С. 370,371]. И если крайне подвижная социокультурная среда всякий раз мешает сосредоточиться «на себе», то выручает повседневная театральность, умеющая лавировать масками и образами в череде встреч и событий, присутствий и отсутствий.

Если Дж. Мирандола «именем, волей, желанием Бога и от лица Бога» ставит Человека в центр мира, окрыляет его ответственностью и свободой, отпуская для творческого «самосозидания», то Ж.- П. Сартр размышляет о свободе человека достаточно в мрачных тонах, уже вне Бога, вне Его власти и силы: «В самом деле, все дозволено, если бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне. Прежде всего у него нет оправданий. Действительно, если существование предшествует сущности, то ссылкой на раз навсегда данную человеческую природу ничего нельзя объяснить. Иначе говоря, нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода... Мы одиноки, и нам нет извинений. Человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает... Не имея никакой поддержки и помощи..., человек осужден всякий раз изобретать человека» [7, С. 219, 220].

Как представляется, это размышление достаточно точно отражает сложное состояние неопределенности, как внутреннего, так и внешнего бытия человека; и объясняет экзистенциальную причину многочисленных социальных ролевых масок, желания или потребности быть «другим», каким-нибудь, изобретенным, то есть не собой.

Когда исходные координаты, предлагаемые обстоятельства жизни, сущности ее и назначения не выстроены, когда драматургия жизни носит характер импровизации или хэппенинга, а ответственность за жизнь сохраняется и подстегивается инстинктом самосохранения, человек задействует то, что работает быстро и безотказно; задействует доступное, встроенное биологически средство адаптации и приспособления, то есть театральность, и так - изобретает самого себя, - на время, для здесь и сейчас выживания. Другое дело, что это «на время» растягивается на всю жизнь и становится сутью человека, его личиной, его способом проживать жизнь, жизнь – на виду и для вида.

Господство или рабство?

- Раб, соглашайся со мной!
- Да, господин мой, да!
- Я желаю построить дом, я хочу завести семью!
- Заведи, господин мой, заведи! Кто строит дом,

обеспечил себе заупокойные жертвы!
 -Нет, не желаю я заводить семью!
 -Не заводи, господин мой, не заводи!
 Семья – что скрипучая дверь, петля ей имя,
 из детей - треть здоровых,
 две трети убогих родятся!
 -Так создать мне семью?
 -Не создавай семьи! Строящий свой дом,
 отцовский дом разрушает! [4]

Посмотрим на этот шедевр месопотамской культуры в контексте нашего исследования, как если бы разговор господина с рабом проходил внутри одного человека, а не между двумя разными по статусу людьми. Господин и раб живут бок о бок в мире сознания человека и терзают его необходимостью выбора, неопределенностью бытия, тщетой любого принятого решения. Как ни поступи, путь не ясен, а ответственность высока. Кто чей хозяин: господин рабу или раб господину? Кто чей раб? В чьих силах власть? Может ли человек – носитель ежедневного подобного диалога внутри себя – быть по-настоящему свободным, присутствовать в своем собственном бытии, не проходить мимо него, а проживать бытие, осознавая себя целостным и гармоничным? Быть «другим» ... значит ли это не быть собой? Быть «другим» – может, это есть быть собой в условиях турбулентного социума?

Каждый хотел бы быть господином другому человеку, но является рабом своих представлений о жизни и благе. Театральность же выступает как инструмент защиты человека от него самого, от возможного внутреннего хаоса диалогов и образов, постоянно сопровождающих человека социума. И театральный человек вынужден, умеет «быть разным», когда существует необходимость «быть другим».

В общении крайне важно улавливать, каким именно «другим» нужно стать в данный момент. В зависимости от набора моделей поведения, зарекомендовавших либо апробированных в среде, человек выбирает маску того или иного – «другого», которым он никогда подлинно не станет, но притворится.

Чтобы подлинно стать «другим» каким-то особенным, «иным» по отношению к себе прежнему, важно понимать, кто есть ты, а это крайне проблематичная задача. Можно иметь некоторое представление о самом себе, о диапазоне своих эмоциональных, нравственных возможностей, но быть уверенным, что знаешь себя, — это, в известной степени, преждевременно, так как любое пограничное состояние или стресс могут обнажить подлинную природу, которую человек в спокойных обстоятельствах даже не предполагал в себе. В обстоятельствах неопределенности единственное, на что можно опереться в социуме, — это иллюзии, театральные техники самовыражения. Театральность в известном смысле вы-

страивает, регулирует, синхронизирует многочисленных «других», из которых соткано динамичное, сложно уравновешенное общество и отношения в нем.

Практика повседневности показывает, что гипотетические императивы, необходимость приспособления к текущим обстоятельствам всякий раз перевешивают категорические нравственные ориентиры, и диалог «господина с рабом» остается сокрытой частью внутренней жизни человека, которая мучает его вплоть до деструктивных мыслей, но он редко когда признается себе в этом, дабы не обнажить свою беспомощность.

В работе «Феноменология Духа» Г. Гегель исследует проблему самосознания и вскрывает проблему «другого» соответственно диалектике нескольких (двух) самосознаний. В параграфе, посвященном проблеме «господина и раба», можно найти полезные мысли и для изучения театральной природы человека как, в известном смысле, психической природы. Гегель пишет: «Самосознание есть в себе и для себя потому и благодаря тому, что оно есть в себе и для себя для некоторого другого [самосознания], то есть оно есть только как нечто признанное» [2, С. 163]. Мы понимаем, что другие люди наделены тем же мыслительным аппаратом, что и мы. Значит, от них можно ожидать примерно одинаковых реакций, похожих на наши. Они другие, но лишь в известной степени. Следовательно, к другим можно применять определенные лекала и паттерны (вербальные, жестовые, поведенческие), которые могут вызвать знакомый и понятный, а возможно и востребуемый нами ответ. Чтобы добиться конкретного результата, вполне годится конкретная маска или поведение, необходимые здесь и сейчас, делающие меня «другим», таким, который соответствует искомому результату.

Как это работает? «Для самосознания есть другое самосознание, оно оказалось *вовне себя*. Это имеет двойное значение: *во-первых*, оно потеряло себя само, ибо оно обретает себя как некоторую *другую* сущность; *во-вторых*, оно тем самым сняло это другое, ибо оно и не видит другое как сущность, а *себя само* видит в *другом*. Оно должно снять это *свое инобытие*; это есть снятие первого двусмыслия и потому само есть второе двусмыслие; *во-первых*, самосознание должно стремиться снять *другую* самостоятельную сущность, дабы этим удостоверить *в себе* как в сущности; *во-вторых*, оно тем самым стремится снять *себя само*, ибо это другое есть оно само [2, С. 163,164].

«Моя» подлинность, искренность в данный конкретный момент заключается в потребности «быть другим», так как только притворство, как минимум, предсказуемо и, следовательно, менее травмоопасно для «моего» психического состояния и общения в целом. Конечно, желание «быть другим» далеко не ограничивается описан-

ным примером. Однако для исследования театральной природы поведения человека такой пример полезен.

Сложно не согласиться с тем, что «люди не только сознательны, но и самосознательны, и, по мнению Гегеля, наше самосознание связано с нашим осознанием «Других». Современные психологи назвали нашу осведомленность о «Других» «теорией разума», под которой они понимают способность признавать, что у других людей есть разум, и на основании этого делать выводы о том, о чем может думать другой человек» [1]. Теория разума предполагает не только наличие разума у других людей, но также и то, что поступки, мотивация, намерения, суждения, чувства других людей могут существенно отличаться, не совпадать по целому ряду оснований. Тем сложнее и важнее налаживание определенной синхронизации обоюдных действий, предугадывание возможных реакций и последствий, одним словом, - социальная коммуникация. Человеческое общение, социальное отзеркаливание, в известной степени, разнохарактерно, драматично, порой - с открытым финалом взаимоотношений; такое «столкновение двух сознаний (может) будет включать в себя попытку одного подчинить себе «Другого» ...» [1]. Как представляется, театральный человек никогда не становится по-настоящему «другим», хотя умело демонстрирует вариации «другого» в изобилии. Он боится по – настоящему «другого», если под «другим» понимать подлинность как таковую. Театральный чело-

век ходит изведанными, испробованными, проторенными тропами социально приемлемого и считываемого поведения, поэтому он скорее играет, демонстрирует другим себя «другого», разного себя, но при этом точно понимает и сохраняет сверхзадачу – это адаптация и самосохранение.

Выводы

1. Театральность, равно как и желание «быть другим» для Николая Евреинова – это пространство трансформации. Преображение как игровой процесс есть «источник радости быть», в том числе и «другим». Повседневная театральность – это рутинная работа, далекая от преобразования ради самого процесса преобразования.
2. «Быть другим» в театральной природе поведения человека оправдано сложным состоянием неопределенности, как внутреннего, так и внешнего бытия. В условиях социальной турбулентности человек задействует театральный механизм адаптации, и так невольно изобретает самого себя «другого». «Быть другим» выступает как удобный инструмент социальной коммуникации.
3. Театральность в известном смысле выстраивает, регулирует и синхронизирует многочисленных «других», из которых соткано динамичное, сложно уравниваемое общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко Н.Н. Концепт «Другого» в историко-философской ретроспективе // Kant. 2022. №2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-drugogo-v-istoriko-filosofskoy-retrospektive> (дата обращения: 22.08.2023).
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Шпета Г.Г., Комментарий Селиванова Ю.Р. – М.: Академический Проект, 2008. – 767 с.
3. Евреинов Н.Н. Демон театральности / Сост., общ. ред. и комм. А. Ю. Зубкова и В. И. Максимова. М.; СПб.: Летний сад, 2002. 535 с.
4. Живой Журнал / Давно хотел познакомиться с одним очень интересным памятником месопотамской философии. «Разговор господина и раба» [Электронный ресурс], - Режим доступа: <https://yurij-maximov.livejournal.com/41056.html>, дата обращения 20.08.2023
5. Кайуа, Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайуа; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. — М.: ОГИ, 2007. — 304 с. — (Нация и культура / Научное наследие: Антропология).
6. Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5 т.; пер. с ит. Л. Брагиной. Т. 1. С. 506–514. URL: http://krotov.info/lib_sec/16_p/pic/0_1.htm (дата обращения: 01.08.2023).
7. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Онтология. Тексты философии: Учебное пособие для вузов / Ред. – сост. В. Кузнецов. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. – 363 с.
8. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / Пер. с нем. А.В. Гараджа, Л.Ю. Фуксон; редактор пер. Леонид Фуксон. - М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 432 с.
9. Хайдеггер, М. Время и бытие // Онтология. Тексты философии: Учебное пособие для вузов / Ред. – сост. В. Кузнецов. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. – 363 с.
10. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; Пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 539 с.

© Рахимова Майя Вильевна (mayesta@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ЕЁ РОЛЬ В УЧЕНИИ О НИГИЛИЗМЕ

Сирин Сергей Анатольевич

Кандидат философских наук, доцент,
Иркутский государственный медицинский университет
Минздрава России
tkostina@gmail.com

PSYCHOLOGICAL THEORY OF LAW AND ITS ROLE IN THE DOCTRINE OF NIHILISM

S. Sirin

Summary: The author in the article considers the schools of natural law, the schools of positive law, as well as the psychological direction. The author notes that not only legal nihilism, but also other forms of nihilism that loudly declared themselves, weaving into the branch of law. It is concluded that nihilism is one of the signs of the evolutionary development of society, which is also confirmed by the philosophical concept of dialectical materialism, based on the three postulates of Hegel's dialectic. The author concludes that legal nihilism in its structural characteristics has only an object and a degree (depth). The attitude to nihilism as something negative, something that must be eradicated, destroyed and emasculated from legal reality, is fundamentally wrong, since this is an ordered type of thinking, logically connected and completely rational.

Keywords: nihilism, legal nihilism, theory of law, psychological theory, legal doctrine, psychology.

Аннотация: Автор в статье рассматривает школы естественного права, школы позитивного права, а также психологическое направление. Автор отмечает, что не только правовой нигилизм, но также иные формы нигилизма, которые громко заявили о себе, вплелись в отрасль права. Делаются выводы о том, что нигилизм есть один из признаков эволюционного развития общества, что подтверждает и философская концепция диалектического материализма, основанная на трех постулатах диалектики Гегеля. Автор делает вывод о том, что правовой нигилизм в своей структурной характеристике имеет только объект и степень (глубину). Отношение к нигилизму как к чему-то негативному, к тому, что должно быть искоренено, уничтожено и выхолощено из правовой реальности, в корне неверно, поскольку это упорядоченный тип мышления, логически связанный и вполне рациональный.

Ключевые слова: нигилизм, правовой нигилизм, теория права, психологическая теория, правовая доктрина, психология.

В правовой и философско-социологической доктрине изучение формы общественного сознания занимает ведущее место, поскольку в качестве форм общественного сознания выделяются разнородные явления духовной и интеллектуальной жизни. Исследованием общественного сознания и его состояния занимается не только философия, психология и социология, но и политология [2].

Формирование нигилизма есть процесс обесценивания той или иной ценности общественного сознания. Если речь идет о правовом нигилизме, то право обесценивается. Но если мы говорили о том, что правовому нигилизму противостоит правосознание как один из высших типов общественного массового сознания, то оно начинает разлагаться под влиянием правового нигилизма.

Однако такой процесс является достаточно сложным с психологической и интеллектуальной стороны. Нами уже отмечено, что правосознание есть один из высших типов общественного сознания, то есть, им обладают не многие, это не массовый тип коллективного сознания, поскольку правосознание есть правовое сознание. Такой тип позволяет отнести его субъекта к правовому обществу. Это означает, что его сознание обладает опре-

деленной устойчивостью от обесценивания правовых установок, поскольку он обладает правовой идеологией и правовой психологией. Предположим, что к правовой материи, подверженной разложению, относится не только право, но и его восприятие через призму правосознания, то есть, правовая идеология и правовая психология.

Основы логики важны как в правовой идеологии, так и в юридической психологии, поскольку способность связно и логично мыслить является важнейшим психологическим компонентом сознания.

Неспособность отличить причину от следствия, неумение установить причину, причинность как объяснение того или иного события есть существенное поражение психической материи общественного сознания, которое, пожалуй, не может быть устранено философскими методами, так как философские методы вряд ли найдут применение в общественном массовом сознании. Морально-нравственные компоненты носят, пожалуй, более психологический, чем интеллектуальный характер, то есть, умение мыслить в большей степени зависит не от морали и нравственности, но именно от структуры мышления и ее ментальных установок, ее базиса, которым должна стать именно логика.

Один из главных европейских идеологов нигилизма – Ф. Ницше – выразил нигилизм в новом качестве – не в качестве «одного воззрения из многих», но как «историческое движение» [8]. Нигилизм по Ницше – это упадок и обесценивание высших ценностей, физиологическое вырождение человека, упадок культуры, саморазрушение цивилизации, крушение идеалов и падение кумиров, рост атеизма и позитивизма, анархизм и распространение социалистических идей [8]. Философ пытался сформулировать структуру нигилистического умонастроения и установок и пришел к следующим заключениям.

Характерным признаком нигилизма, как отмечает Н.И. Матузов, является не объект отрицания, а степень, интенсивность, категоричность и бескомпромиссность этого отрицания с преобладанием субъективного, чаще всего индивидуального начала. Нигилизм предполагает некоторую тотальность отрицания, доведенную до предельной полноты [7].

Как итог, нигилизм предполагает индивидуальность — это не явление массовое, не явление толпы, поэтому нигилизм как интеллектуальное явление строго обособлен и не может быть отнесен к массовым явлениям.

Однако вспомнив появление «базаровского» нигилизма у Тургенева и выход его в свет через массовую печать, нельзя не отметить его мгновенное распространение в умах современников и ошеломляющий успех. Уже спустя десятилетие возникает принципиально иной, революционно-анархический тип нигилизма, нигилизм воинствующий, способный идти на взрывы и поджоги для достижения своих целей. Из этого следует свойство быстрого распространения и радикализации нигилизма как определенного вида умонастроения, характеризующегося стойкостью, поскольку он не только не исчез после появления «базаровского» нигилизма, но усилился, окреп и эволюционировал к наиболее радикальным и экстремальным боевым формам.

При этом исследуя логику анархистов и революционеров, вполне возможно найти в ней рациональные и вполне здравые утверждения. Анархист М. Бакунин не видел причин идеализировать власть и заявлял: «Логика всякой власти состоит в том, что она портит того, кто держит ее в руках и губит того, кто ей подчинен» [1]. Ему вторил П. Кропоткин: «Власть портит лучших людей. Вот почему мы ненавидим власть человека над человеком и всеми силами стараемся положить ей конец» [5]. Отрицательное воздействие власти на духовно-нравственное начало человека состоит в психологических аффектах, которые вызывает принуждение и подчинение в механизме административно-властного повиновения как интеллектуального феномена.

Одним из достаточно интересных научных исследо-

ваний в истории права является теория деления права на естественное и положительное, что составляет суть диалектического дуализма права. Согласно древнегреческим стоикам, существовало естественное право, лежащее в природе человеческих отношений и разума, а также позитивное право, представлявшее собой изменчивую систему правовых норм, регулирующих общественные отношения.

При этом естественное право свойственно человеческому разуму и является неизменным в отличие от позитивного права, которое может отставать или же опережать естественное право. В рамках такой доктрины, если позитивное право существенно отстает в развитии от естественного права, то случается ментально-правовой «разрыв», который чреват либо архаизацией и устареванием права, либо возникновением феномена правового нигилизма, целью которого является избавление от устаревшей «правовой ткани» позитивного права. Таким образом, правовой нигилизм может свидетельствовать о существенном отставании позитивного публичного права от общественного развития и естественного права [3].

В этом случае возникает вопрос о сущности естественного права и о том, как оно определяется и воплощается. Если оно свойственно человеку в силу его существования, то такое право можно считать аналогом морали или нравственности – таких общественных образований, которые могут существовать автономно и независимо от права. Мораль и нравственность естественны и не требуют закрепления в системе правовых норм. Право при этом требует обратной связи с моралью и нравственностью, поэтому если право считать правом позитивным, а мораль и нравственность – аналогами естественного права, то позитивное право нуждается в праве естественном, и в какой-то мере надстройка в виде позитивного государственного права нуждается в базисе в виде естественного права.

Весьма интересной здесь является и психологическая школа права, которая сформировалась в России в конце XIX – начале XX вв. Ее основоположники, к числу которых необходимо отнести Л.И. Петражицкого, полагали, что право основано на психологических аффектах и мотивации, усиливая тем самым психолого-интеллектуальное обоснование права и его субъективную сторону. Право и отношение к праву исходит, прежде всего, от внутреннего сознания самого человека, в связи с чем правовой нигилизм как умонастроение оказывает воздействие на правосознание субъекта, отрицая самоценность права [2]. Рубеж XIX и XX вв. были временем не только бурного развития нигилизма и его активной радикализации от нигилизма «базаровских» аристократов и интеллигенции до революционного нигилизма и анархизма Бакунина, Кропоткина, но и временем активного развития права [1; 5; 6].

Психологическое направление юридической школы имеет хорошие предпосылки для развития, так как не было реализовано в дореволюционной России, будучи вытеснено релятивистской школой досоветского периода.

Е.Н. Трубецкой отмечал, что сила и действительность всякого позитивного права обусловлена теми неписаными правовыми нормами, которые обитают в глубине нашего сознания, его внутренними велениями. Всякий внешний авторитет может иметь силу до тех пор, пока люди убеждены в необходимости ему подчиняться. Веления государственной власти, равно, как и веления обычая, могут иметь значение и силу права лишь до тех пор, пока в обществе есть убеждение в необходимости подчиняться власти. Пока обычай служит выражением убеждения [9].

Такой подход является достаточно интересным и перспективным, так как сочетает в себе властное предписание права с верой и убеждениями человека, находящимися на определенном уровне сознания, и даже если такой субъект права не обладает правосознанием, основанным на сознании на веру и убеждения, имеющие характер убеждений, такие убеждения заменяют собой правовое или гражданское сознание, которое относится к высшим формам сознания и формируется очень долго и трудно.

Вера и убеждения, основанные на подсознательных психологических аффектах, формируются быстро, и они достаточно устойчивы, не требуют постоянного подтверждения себе, в отличие от гражданского или правового сознания. Вера и убеждения основаны на догме как на стереотипном и многократно воспроизводимом типе мышления, которое не требует никаких доказательств и принимает на веру и на убеждения то, что с этими убеждениями и верой согласуется.

Так как в современном отечественном законодательстве подавляющее большинство общественных отношений регулируются публично-правовыми нормами, практически не остается места юридическому обычаю, что не оставляет места психологической теории права, однако психологическая концепция права имеет все шансы конкурировать с существующей школой господства писаного права, поскольку правовой нигилизм разрушает убеждения именно в писаном публичном праве, которое открыто нарушается, и во многих случаях такие нарушения не получают должного наказания.

В таких случаях в обыденном сознании подробно «убежденческого» типа возникает ментальная конфронтация публичного права, которое нарушается без должного наказания и ответственности, и неписанных обычаев, которые соблюдаются в подобных случаях, поскольку соблюдалось и ранее. При этом возникает пси-

хоэмоциональный аффект правового превосходства обычаев над писанным правом, что одновременно вызывает иллюзию более совершенного правового устройства в предыдущие исторические периоды, когда правовой обычай применялся чаще, чем писаное право.

Таким образом, правовой нигилизм со стороны государства в отношении своих писанных норм вызывает психологический эффект исторической рефлексии в обыденном общественном сознании, основанном на «убежденческих» правовых предпосылках господства правового обычая.

Массовое обыденное сознание крайне инерционно – оно попросту не успевает перестраиваться под изменяющееся публичное право, и в нем на глубинном уровне убеждений господствует правовой обычай. При этом интересно, что теория психологического обоснования права одновременным условием принятия официальной государственной власти вместе правовой власти обычаев считает «необходимость подчинения государственной власти» [4].

Если провести исторические параллели и рассмотреть историогенез юридических школ, то учение о естественном праве, а также психологическая школа права получили наибольшее развитие в дореволюционный пореформенный период. Советская эпоха характеризовалась полным искоренением этих направлений правовых исследований.

Если мы берем в расчет психологическую теорию права Л.И. Петражицкого, в соответствии с которой в осознании права крайне важен внутренний психологический аспект самого субъекта, познающего право и находящегося в правовом поле, важны его психические аффекты, его волеизъявление как проявление его индивидуального «я», а также его волевые аффекты, правосознание также психологично [2]. Правовой нигилизм в структуре общественного сознания занимает положение, сопутствующее развитию права и его восприятию отдельными индивидами, а также коллективным и массовым сознанием индивидов, то есть, правовой нигилизм как умонастроение и способ мышления сопровождает правосознание в структуре общественного сознания и направлен на разрушение правосознания. Вместе с тем есть и определенное противоречие – правовой нигилизм не есть бессознательное или иррациональное интеллектуальное образование.

Правовой нигилизм является исключительно сознательным и основывается на волевых и психоэмоциональных аффектах субъекта, исключительно сознательно отрицающего ту или иную норму права, ту или иную догматическую установку или стереотип в общественном сознании. В то же время в силу своего высокого

уровня в иерархии уровней сознания правосознание не может включать в себя догму и стереотип.

Поэтому правовой нигилизм, хотя и сопровождает правосознание и пытается его разрушить, вдобавок к нему разрушает беспорядочные и иррационально нелогичные образования, такие как догмы и стереотипы. Не исключено, что в этом проявляется положительный культурологический интеллектуально-ментальный эффект нигилизма как способа мышления. Таким образом, в структуре правового нигилизма существует отрицание отрицания – с одной стороны правовой нигилизм противостоит правосознанию в общественном сознании, но с другой, он не является проявлением иррационального или коллективного бессознательного начала, которое также противостоит правосознанию в общественном сознании.

Правосознание представляет собой уникальный психологический и интеллектуальный феномен, тесно связанный с правовым нигилизмом, уже в силу существенной онтологической природы нигилизма как состояния души, т. принимаются, а другие не принимаются и отвергаются.

Так как правовой нигилизм есть частичное или полное отрицание права или правовых установок, то правовой нигилизм и правосознание не могут существовать изолированно друг от друга. Феномен правосознания как квазиинтеллектуального образования во многом противостоит правовому нигилизму, поскольку правосознание фактически означает «правовое сознание», что предполагает признание ценности права и его проникновение в сознательную, рациональную мыслительную сферу психологии, сознания человека, его образа мыслей и мыслесферы.

Правосознание имеет много аспектов, интересных с научной точки зрения, находящихся в контексте психологии, философии, юридической психологии, психоанализа и метафизики. Следует отметить, что правосознание возникает в результате развития и эволюции общественного сознания, а это процесс, требующий психологического, интеллектуального и гносеологического анализа.

Общественное сознание можно представить «сырым» образцом материи, из которой в результате интеллектуальной эволюции зарождается правосознание. Впоследствии попытаемся исследовать, подлежит ли этот процесс диалектическому анализу и существуют ли какие-либо исторические закономерности в таком интеллектуально-эволюционном процессе.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Правовое государство – это государство с развитым

правосознанием, а не государство правового идеализма и позитивизма, это не публично-правовое государство, в котором засилье «государственников». Правовое государство представляет собой неразрывную связь между правом как регулятором общественных отношений и сферой правосознания именно на психолого-интеллектуальном уровне, поэтому именно психологическая школа права должна развиваться до направления юридического позитивизма.

Уровень обыденно-бытового сознания и уровень правосознания — это совершенно разные уровни мышления, разные уровни правовой и правовой логики, разная социальная и правовая психология. Если говорить об уровне бытового и обыденного сознания, то никакой правовой психологии на нем нет, а ее место занимает психология социальная – это массово-стереотипные подходы и понятия к праву, которые существуют на потребительском уровне и имеют тот вид, о котором мы писали ранее.

Правовой нигилизм имеет множество граней, каждая из которых представляет отдельный научный интерес. Юридическая психология, логика права, философия права, история права, философия истории, теория государства и права, психоанализ и общая психология — вот далеко не полный перечень научных дисциплин, в плоскости интересов которых лежит изучение правового нигилизма.

Изучением структуры интеллектуального явления, представляющего собой не что иное, как способ мышления, может заниматься не юридическая наука, а философия и психология, а потому нужны философско-психологические методы анализа и логика.

Мы имеем дело с довольно интересным ментально-психологическим феноменом, когда сфера меньшего радиуса действия (право) подчиняет себе более широкий круг и круг социальных явлений и отношений и заставляет смотреть на нравственность через призму ее принципов и методов воздействия.

Вся философия такого права основана исключительно на принудительности и насилии, и моральным и нравственным для общественного сознания является то, что основано на насилии и категорическом императиве.

Правовой нигилизм для такого права будет состоять в отрицании такой «силовой» оценки морали и нравственности, что не означает, что такая критическая оценка является отрицательной или положительной. Кроме того, возможен и обратный подход в системах права, которые не основаны на подобном социально-философском отношении к праву исключительно с позиции принудительности, а наоборот. Нигилистическая концепция для

таких правовых систем будет означать обесценивание несилового подхода к праву.

С психологической точки зрения правовой нигилизм был тем недостающим фактором, который мог разрушить такое двойственное единство религиозных убеждений со стороны церкви и страха перед наказанием со стороны государства и привел к обесцениванию морально-этических соображений.

Кроме психологических причин деградации права и правосознания как интеллектуальной материи существуют более «приземленные» социальные и социологические теории, которые объясняют процесс нигилизма «порчей» правовой материи, если так можно выразить-

ся, вследствие ее слишком широкого и частого употребления. Борьба с таким процессом крайне сложно – для этого нужно либо постоянно обновлять закон, но в таком случае он будет крайне нестабильным и быстро потеряет свое регулирующее и стабилизирующее воздействие, либо «уплотнять» его материю, чтобы она не подвергалась столь быстрой «порче».

Можно сделать вывод, что ментальное «наполнение» общественного сознания идеологией, связанной с общественно-политическим укладом, способно вытеснить правовой нигилизм как состояние ума и образ мыслей, поскольку по каким-то причинам, видимо, скрытым в недрах подсознания и социальной психологии, нигилизм не способен оказать негативное влияние на этот тип идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакунин М.А. Анархия и порядок. М.: ЭКСМО-Пресс. 2000. 704 с.
2. Болдырев О.Н. Психологическая школа права Л.И. Петражицкого в истории политико-правовой мысли: Дисс. ...канд. юрид. наук. Грозный. 2019. 263 с.
3. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль. 1990. 524 с.
4. Гуляихин В.Н. Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса // Юридические исследования. 2013. № 3. С. 221–238.
5. Кропоткин П.А. Анархия. М.: Айрис-Пресс. 2002. 576 с.
6. Кученев А.В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 22–26.
7. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4(87). С. 17–34.
8. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей (1884–1888). М. 1995. 742 с.
9. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон. 1908. 224 с.

© Сири́н Серге́й Анато́льевич (tkosmina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Сирин Сергей Анатольевич

Кандидат философских наук, доцент,
Иркутский государственный медицинский университет
Минздрава России
tkostina@gmail.com

CONSUMER SOCIETY AND LEGAL NIHILISM: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

S. Sirin

Summary: Legal nihilism as a phenomenon of an intellectual nature has been studied for a very long time. In general, nihilism is understood as a negation, which is the basis of the thought process, on the basis of which a certain type of thinking is formed and formed, which has a negative and critical attitude to a number of social relations and processes. Legal nihilism describes the life position of selfish limitation, when the subject artificially limits the range of his interests exclusively to the range of his needs and is not interested in anything else. The author's judgments are based on the opinion that social law is only a right of a distributive nature, which determines who in a consumer society under the conditions of an ochlocracy regime will receive more material goods.

Keywords: legal nihilism, ochlocracy, consumer society, social law, consumer, model of society, nihilism of the era of consumption.

Аннотация: В данной статье отмечается, что правовой нигилизм как явление интеллектуального характера исследуется очень продолжительное время. В целом же нигилизм понимается автором как отрицание, положенное в основу мыслительного процесса, на почве которого складывается и формируется определенный тип мышления, имеющий негативное и критическое отношение к ряду общественных отношений и процессов. По утверждению автора правовой нигилизм описывает жизненную позицию эгоистического ограничения, когда субъект искусственно ограничивает круг своих интересов исключительно кругом своих потребностей и ничем более не интересуется. Суждения автора строятся на мнении, что социальное право есть лишь право распределительного характера, которое определяет, кто в обществе потребления в условиях режима охлократии получить большее количество материальных благ.

Ключевые слова: правовой нигилизм, охлократия, общество потребления, социальное право, потребитель, модель общества, нигилизм эпохи потребления.

Потребительский нигилизм – относительно малоизученное явление современности, потому что для его изучения на научном уровне общество должно осознать себя в состоянии потребности выше всех других ценностей. В таком случае общество также было бы вынуждено признать разрушение всех ранее существовавших ценностей, которые на самом деле были лишь пустыми словами и не несли реальной смысловой составляющей. В центре модели общества потребления находится исключительно сам потребитель – один как единичный потребитель благ. Такая модель исключительно эгоистична и эгоцентрична, она не предполагает ни семьи, ни детей, ни традиционных моральных консервативных ценностей, о которых так любят утверждать в последнее время поборники традиционализма. Так, в 2022г. был опубликован проект Указа о традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Как отмечается в сообщениях аналитиков, проект Указа «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» практически дословно повторяет Указ Президента РФ «О стратегии национальной безопасности» от 2 июля 2021г., согласно которому к традиционным ценностям отнесены приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие и справедливость, жизнь, достоинство, права человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нрав-

ственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, коллективизм, взаимопомощь, взаимоуважение и т.д. [4].

Эгоцентричная природа потребительского нигилизма была известна задолго до его открытия в России. Так, в XIX в. в работах Дж Гереса и Г. Келлера понятие «нигилист» связывалось с индивидом, который «ни во что не верит и ничем не интересуется». Данное понятие описывало жизненную позицию эгоистического ограничения, когда субъект искусственно ограничивает круг своих интересов исключительно кругом своих потребностей и ничем более не интересуется. Однако здесь есть снова два аспекта – умышленная ли эта позиция, либо она вызвана тяжелой жизненной социальной ситуацией, которая заставляет индивида буквально выживать и заботиться только об удовлетворении своих естественных потребностей [1].

Термин «общество потребления» был придуман немецким социологом Э. Фроммом [7]. Данное понятие обозначает в трактовке ученого совокупность общественных отношений, основанных на принципе индивидуального потребления. Общество потребления характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок. Отсюда можно сделать вывод, что мораль и нравственные ориентиры современного общества не

исчезли, а были заменены моралью и моралью эпохи потребления. Отсюда можно сделать вывод, что потребительские ценности и их нравственные установки носят крайне нигилистический характер, в результате чего кризис правосознания, правовой нигилизм и пренебрежение правом становятся все более серьезными. Однако необходимо проанализировать потребительский тип мышления и пренебрежение со стороны общества потребления в отношении права и культуры, поскольку оно будет существенно отличаться от пренебрежения в отношении закона и культурно-нравственных установок, к примеру, первыми нигилистами, революционными нигилистами и анархистами, а также большевиками.

Следует обратить внимание на самую безразличную природу нигилизма в эпоху потребления, абсолютно безразличную к тому, что презирать, какие ценности и установки отрицать, а также к науке, культуре и культуре. Закон для потребительского общества все также не представляет никакой самостоятельной ценности, и, будучи выработаны из этих форм, продукты не могут быть потреблены непосредственно и действительно получены без всякого ожидания.

Единственным фактором ценности для потребителя является цена этого готового продукта. Он должен быть доступен потребителям.

Потребности не могут быть удовлетворены навечно, поэтому они представляют собой постоянно преследуемую цель, но в то же время достижение такой цели не является концом мышления, ведь новые потребности еще впереди. Относительная устойчивость потребительского ума, таким образом, заключается в том, что он является ригидным, самовоспроизводящимся, без какой-либо другой интеллектуальной основы, а только благодаря биологической и социальной природе человека.

Таким образом, определенная универсальность и устойчивость потребительского мышления и потребительских ценностей состоит в том, что для них не нужно никакой философской, научной, политической, религиозной, культурологической системы мышления – потребление вызвано только человеческой природой, просто тем, что человек есть, он существует прямо здесь и сейчас, и ему необходимо прямо здесь и сейчас удовлетворять свои потребности.

Потребление эгоцентрично, поэтому новый нигилист – это нигилист потребительского типа, ставящий на первое место свои потребности, просто потому, что он существует, потому что их потребности удовлетворяются, – ведь это массовый тип, форма современного существования.

Потребительский нигилизм универсален – ему не нуж-

но отвергать право, науку, мораль, литературу и искусство – все это просто обесценивается в силу естественных причин, поскольку на первое место выходят потребности человека, и они совершенно безо всяких усилий вытесняют все те сферы, на вытеснение которых нигилизм прошлых веков тратил массу усилий и времени.

При этом Э. Фромм [7] в своей концепции общества потребления идет еще дальше – он связывает феномен общества потребления с современной культурой, которая по своей сути не есть культура как «наука эстетики и гармонизации прекрасного начала с человеческой душой», но есть лишь проявление охлократического начала социального государства [7].

Охлократия есть власть толпы, которая представляет собой форму демократии, основанную на постоянно меняющихся прихотях толпы, где популизм, власть большинства и страсть торжествуют над разумом. Диктатура как черта переходного и дореволюционного периодов в общественном развитии [3]. Меняющиеся прихоти толпы – это и есть потребности как социальная форма и обоснование новой нигилистической идеологии, которая не провозглашает себя таковой, но она есть латентная и скрытая форма нигилизма.

Социальный характер данного способа правления не оставляет деспотизму ничего, кроме социальных прав, так как при нем не может зародиться никакое другое право.

Природа этой власти целиком социальная и антиправовая, так что общество потребления, будучи самодержавным обществом, есть, по существу, антиправовое государство, а само государство без права – оно просто не возникает, потому что Управление основано на контроле индивидуальных потребностей.

Нет устойчивой причины для существования хаотической правовой системы, а обществу потребления правовая система вообще не нужна, потому что такому обществу не нужны законы в принципе – ему нужно потреблять и удовлетворять свои потребности.

Нам представляется, что это и есть истинная модель современного российского государства, когда сама провозглашенная социальная модель держится не на праве, правовой идеологии, правовой психологии и на каком-либо правосознании, но опирается на потребности толпы, контроль таких потребностей и управление ими. При такой модели управления власть над охлосом означает лишь постепенное получение все большего количества благ и большую степень удовлетворения потребностей. На объем юридических прав и обязанностей такое возрастающее благосостояние никакого воздействия не оказывает, ведь

социальная модель государства не влечет за собой возникновение гражданских и политических прав, без которых вся правовая модель будет выглядеть ущербной и отсутствующей. Социальные права связаны только с потреблением материальных благ и удовлетворением потребностей толпы – никаких иных правовых причинностей существования такого государства охлократии и потребления просто не существует.

Как отмечает Э. Фромм [7], для господства охлократии и для получения власти за счет выставления потребностей человека и их удовлетворения на первый план, необходимо устранить некоторые базовые инстинкты и чувства человека, которые свойственны ему от природы. Также Э. Фромм выделяет несколько факторов, парализующих развитие индивидуальности человеческой личности – того начала, которое сопротивляется массовости и охлократизации как процессу внедрения и насаждения массовых социальных стереотипов.

1. Подавление эмоций. Это совершенно искусственная социальная тенденция, которая, как ни парадоксально, напрямую связана с нигилизмом и отрицанием ценности права.
2. Страх смерти. Данный фактор является также естественным инстинктом человека, равным инстинкту жизни, и базовое желание жить является антагонистом страха смерти. Купирование и искусственная нейтрализация природных биологических инстинктов человека – это есть еще один способ его охлократизации и уничтожения индивидуальности, что прямо связано с нигилизмом в целом и с правовым нигилизмом как его частным случаем.
3. Система образования. По мнению Э. Фромма, система образования в школах, направленная на запоминание фактов и заучивание информации, подрывает развитие критического мышления у ребенка [6].

Человечество в принципе охлократично, оно боится своей же индивидуальности, для чего создает системы охлократизации себя же самого, в которых оно воспроизводит массовые стереотипы, нейтрализует особенности человеческого развития и мышления, насаждает потребительскую культуру и образ мышления, проводит тотальные процессы социализации для того, чтобы индивид утратил присущие только ему уникальные и индивидуальные особенности личности и превратился в одного субъекта из толпы, которым удобно управлять за счет управления и контроля его потребностями. Такой тип нигилизма есть потребительский и социальный нигилизм, приводящий к социальной деградации и вырождению человека как самостоятельной мыслящей личности. Особенно распространен такой тип мышления в постдемократических обществах, находящихся в критических точках своего развития.

Самоидентификация в современных политических условиях развивается хуже всего. Сопровождаемая быстрой деградацией смысла и ценности, существовавших до общества потребления, фрустрируется самосознание индивида, и индивид не может идентифицировать себя только в смысле центра потребления. Конкурировать с другими центрами потребления за больше и более качественные права потребления.

Изучение научных работ на тему потребление и нигилизм потребления показывает их практическое отсутствие, что только подтверждает нашу концепцию о том, что современное общество не желает признаваться себе в том, что оно существует по модели общества потребительского типа, и этим оно обесценило все существовавшие ранее ценности, поскольку потребление поставлено во главу любых общественных отношений. Нигилистический подход о пользе или бесполезности в таких условиях трансформировался в подход о пользе от количества потребления. Объект или предмет является настолько полезным, насколько его можно потребить и удовлетворить свои потребности – такова новая феноменология нигилизма потребления и ключевой принцип существования общества охлократии.

Ведущий итальянский философ К. Эспозито [8] называет современный нигилизм продуктом общества потребления, а также прямым следствием обесценивания всех ценностей нигилизмом как умонастроением. Как подчеркивает философ, нигилизм и общество потребления есть два взаимосвязанных и взаимозависимых продукта современной цивилизации, которые являются причиной и следствием друг для друга, поэтому не только общество потребления порождает новый тип нигилизма, но и нигилизм, которому уже более 150 лет только открытого существования, привел к возникновению общества потребления [8].

Общая деградация и общий упадок ценностей, культуры, искусства, морали, права и нравственности, который философ называет декадансом, приводит к тому, что индивид начинает самоидентифицировать себя как биологическое и социальное существо, с социальной стороны ориентируясь на массовость и ликвидацию индивидуализации как способу получения социальных благ, а с биологической стороны он ориентируется исключительно на потребности, благодаря которым он самоидентифицирует себя как субъект жизненной деятельности. То есть, именно благодаря наличию потребностей социальный индивид идентифицирует себя в окружающем пространстве [5].

А.А. Овсянников [2] отмечает, что непрерывный процесс тиражирования новых потребностей становится ключевой особенностью постиндустриальной экономики. Потребление превращается из использования

товаров для удовлетворения нужд жизнедеятельности, собственно, в саму жизнедеятельность, в процесс социального взаимодействия, становясь фактором конструирования идентичности. Ученый также приходит к выводу, аналогичному нашему – человек существует постольку, поскольку он потребляет. Прежняя модель – потребляю, чтобы существовать, ликвидируется. Теперь действует социальная модель «существую, чтобы потреблять» [2].

Естественно, такая потребительская модель не может не сопровождаться всеобщим обесцениванием права, которое в условиях социума потребления рассматривается исключительно как товар, услуга и как объект широкого потребления, но это глубокая ошибка, поскольку нами уже отмечено, что ни гражданские, ни политические права в обществе и государстве потребления не существуют и существовать не могут, поскольку они не возникли.

Приведенные суждения позволяют сделать ряд выводов. С учетом рассмотренного ранее можно заключить, что правовой нигилизм общества потребления достигается за счет сознательного отказа личности от гражданских и политических прав с помощью добровольного отказа от индивидуализации и уникальных характеристик своей личности – под влиянием стереотипов массового потребления происходит унификация деиндивидуализированного субъекта, который становится одним потребителем из толпы потребителей в условиях существующей охлократии, когда потребности большинства доминируют над ценностями меньшинства, которое не

желает деиндивидуализироваться и становится субъектом общества потребления.

Модель правового и социального государства, декларируемая российской Конституцией, упадочна, и представляет собой фактически модель социального права, которая подвержена обесцениванию в силу массового потребления социальных благ и социального права, и этот процесс сопровождается «омассовлением» и права, и культуры, и морали, и нравственности. Однако ни мораль, ни религия не подвержены такому быстрому обесцениванию вследствие «омассовления», как право.

Ценностная природа права противоречит массовому потреблению его общества, однако право не может мыслить себя вне этого массового потребления, ибо оно считает себя вправе вмешиваться в регулирование любых общественных отношений, будь то решающие или императивные.

Можно сказать, что в данный момент есть признаки того, что два противоположных явления права и правового нигилизма возникают одновременно и всегда идут рука об руку.

Однако мораль и нравственность не имеют подобных «спутников», хотя право постоянно пытается ориентироваться на моральные критерии. Это позволяет задуматься о том, насколько целесообразно право в качестве универсального регулятора общественных отношений, если оно от широкого и массового потребления социумом приходит в негодность и обесценивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косыхин В.Г. Нигилизм и современная онтология // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 8. С. 43–47.
2. Овсянников А.А. Общество потребления: системность и тотальность кризиса // Народонаселение. 2011. № 2. С. 12–32.
3. Охлократия [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%85%D0%> (дата обращения: 06.08.2023)
4. Романова Е, Райгородский П. Традиционные ценности: обсудили и отложили // Газета «Власть и культура» Вып. от 15.03.2022. №1 (489).
5. Селехова О.О., Киреев Е.И. Нигилизм как черта современной социальной реальности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 84. С. 15–21.
6. Симченко А.П. Влияние общества потребления на индивида в концепции Э. Фромма // Евразийский научный журнал. 2017. № 3. С. 242–243.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2017. 288 с.
8. Эспозито К. Современный нигилизм. Хроника. Изд-во: Рипол Классик, 2022. 240 с.

© Сири́н Серге́й Анато́льевич (tkocmina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ ЭПОХИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ XVIII ВЕКА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

KEY IDEAS OF THE "SCIENTIFIC TEAM" OF THE RUSSIAN ENLIGHTENMENT OF THE XVIII CENTURY: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

V. Skopa
S. An

Summary: The article provides a historical and philosophical analysis of the fundamental ideas of the era of the Russian Enlightenment of the 18th century. An appeal to Russian history, the desire to understand the place of one's Fatherland in the flow of time have always been the hallmarks of Russian social thought. Enlightened absolutism, as the highest point of Russian enlightenment in the 18th century, gave a strong impetus to the process of scientific knowledge, the formation of a national idea, its definition, and at the same time the design of the main trends in science, culture and art. Separate attention is paid to the creative heritage of M.M. Shcherbatov, M.V. Lomonosov, V.N. Tatishchev, N.M. Karamzin.

Keywords: enlightenment, history of philosophical thought, Russian state, absolutism, deism.

Скопа Виталий Александрович

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Ан Светлана Андреевна

Доктор философских наук, профессор, профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: В статье дается историко-философский анализ основополагающих идей эпохи русского Просвещения XVIII века. Обращение к российской истории, стремление к осознанию места своего Отечества в потоке времен всегда были отличительными чертами русской общественной мысли. Просвещенный абсолютизм как наивысшая точка русского Просвещения XVIII века дал сильнейший толчок процессу научного познания, формированию национальной идеи, ее определению, а вместе с тем оформлению основных направлений в науке, культуре и искусстве. Отдельно внимание уделено творческому наследию М.М. Щербатова, М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: просвещение, история философской мысли, Российское государство, абсолютизм, деизм.

Просвещение как исторический этап духовной культуры выступает одним из важных моментов в системе трансляции и возрождения духовно-нравственных устоев общества, обращение к изучению которого приобретает особенное значение в условиях нестабильности и динамичности развития российского социума. Современный этап российской истории, связанный с различными изменениями, выявляет и прогнозирует культурно-историческую модель развития, предполагает размышления об особенностях «русского пути». Социально-политические и культурные проблемы, обозначенные общественной средой в XVIII веке, теории и концепции просветительства и достижения «общества благоденствия», поиски пути развития государства, общества, проблема воспитания человека, новое осмысление роли религии и церкви остаются актуальными [1, 2, 14, 18].

Обращение к российской истории, стремление к осознанию места своего Отечества в потоке времен всегда были отличительными чертами русской общественной мысли. Но тот интерес к истории, политике и государственному строительству, сопровождавший духовное развитие России в XVIII веке определялся в первую очередь необходимостью переосмысления происходивших в обществе перемен с позиций секуляризованного мышления [15].

Просвещенный абсолютизм как наивысшая точка русского просвещения XVIII века дал сильнейший толчок процессу научного познания, формированию национальной идеи, ее определению, а вместе с тем оформлению основных направлений в науке, культуре и искусстве. Распространение просветительской идеологии в стране было положено русскими правящими кругами начиная с эпохи Петровских преобразований [20]. Подъем русской науки был связан с повышением интереса к философии, истории, культуре, искусству, что способствовало зарождению профессиональных ученых.

Сегодня, как и в эпоху Просвещения XVIII века, в России остро встал вопрос о совершенствовании многих аспектов социального развития, что придает актуальность заявленной проблеме и заставляет переосмыслить многие, казалось бы, устоявшиеся концептуальные идеи и положения рассматриваемой эпохи.

В XVIII столетии в России вместе с социальными и политическими изменениями происходило, на фоне секуляризации, преобразование системы духовной жизни. Сформировавшаяся при Петре I светская власть формировала «средний слой» – служилое дворянство, на основе которого возникает «учёное сословие», разрабатывающее направления развития светского стиля культуры.

Возникает сеть светских учебных заведений в России. Кроме того, молодёжь отправляют учиться в зарубежные университеты.

Из жизни российского общества, включая образование и художественное творчество, вытесняется всепоглащающая роль церкви. Это не был разрыв с христианством, немало преобразований происходило в границах религиозного мировоззрения, но религиозные идеи теперь «проникают», закрепляются и воспроизводятся в светской культуре [1].

Идеологическое обоснование петровских реформ осуществлялось «Учёной дружиной», в которую входили А.Д. Кантемир, Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, И.Ю. Трубецкой, А.М. Черкасов и другие.

В этой связи стоит отметить ключевые идеи, на которые были направлены усилия «ученых мужей», а это в свою очередь во многом предопределило последующее время в части научного познания действительности и постановки новых проблемных вопросов в научных областях:

- формирование «учёного сословия»;
- создание возможности воспринимать и перерабатывать другую культуру как необходимую часть своей собственной;
- понимание философии как мудрости и поисков путей к мудрости;
- выработка «нового» мировоззрения, в котором разум и вера не конфликтовали, а в своей целостности оно (мировоззрение) способствовало бы установлению гармонии человека с миром и с самим собой;
- утверждение единства образа мысли и образа жизни;
- убеждение государственных, церковных деятелей и населения в том, что развитие знания и распространение просвещения есть главная цель социального прогресса.

Наиболее молодым членом «Учёной дружины» Петра I был Антиох Кантемир. Его отец был советником царя. Антиох работал русским послом в Англии, затем во Франции, хорошо познакомился с европейской культурой и её носителями. Дружил с Вольтером, по его рекомендации в Петербургскую академию наук был избран французский математик П. Мопертюи, он перевел на русский язык «Персидские письма» Шарля Монтескье.

Осваивая мировую философию, Кантемир сделал попытку создать отечественную философскую терминологию. Он полагал, что русский язык вполне самостоятелен, чтобы иметь собственный понятийный аппарат. По данному поводу профессор Б.В. Емельянов замечает, что часть предложенных им терминов «сохранилась во

времени»: идея – понятие; материя – естество; элемент – начало; центр – средоточие; этика – нравственность. Кантемир также популяризовал возникший в его время термин понятие [5]. Рассуждая Емельянов отмечает, что «большинство терминов дано Кантемиром с разъяснениями, соответствующему уровню современной, просветительской философии» [5, с. 396].

Кантемир утверждал, что познание человека включает в себя три направления: естественное (познание природы), преестественное (познание Бога, духа, души) и самопознание. Картина мира в его представлении была гелиоцентричной и соответствовала современным ему научным знаниям, изучение духовной жизни должно опираться на нравственность, самопознание, которое позволит человеку воспитать в себе дисциплину и определить путь к разумно-счастливой жизни.

Одним из видных деятелей первой половины XVIII века был выдающийся просветитель Василий Никитич Татищев, который внес существенный вклад в экономическое, культурное и научное развитие страны.

Крупный государственный деятель, историк, ученый-энциклопедист Татищев считал исследование истории русского народа и государства важнейшим инструментом познания современного их состояния. Он уверял, что философия служит базой истории. В истории человечества выделял три основных этапа:

первый – создание письменности, которое способствовало написанию законов, которые содействовали благоразумию общества и верному его развитию;

второй связан с распространением христианства, благодаря которому люди приобрели «душевное спасение, царство небесное и вечные блага», стали развивать науку;

на третьем этапе возникло книгопечатание, стало распространяться Просвещение, дух которого пронизывал все начинания не только мыслителей, но и государственных чинов [17, с. 72].

Знаменательно, что В.Н. Татищев явился создателем первой отечественной классификации наук, методологически ориентированной на принцип утилитарного рационализма. Просветитель полагал, что имеется пять областей знания: необходимые каждому человеку (домоводство, русская грамматика, иностранные языки), полезные (математика, медицина, механика, богословие, философия, право), увеселительные (гимнастика, искусство, вольтижировка), любопытные (астрология, алхимия, хиромантия), вредительные (колдовство, чернокнижие, шаманство).

В этой связи возникает необходимость подойти ассоциативно с конфуцианскими идеями Просвещения, цель которого состояла в воспитании благородного че-

ловека. Конфуция часто сравнивают с Сократом. Мы же позволим себе, пользуясь компаративистикой, сравнить его с русским мыслителем, с Василием Никитичем Татищевым, и отметим в сходстве их учений, прежде всего то, что оба выделяли пять областей знания, необходимых для формирования полноценной личности. У Татищева мы видим рекомендации на освоение теоретических и практических знаний, а также знаний любопытных и творческих, связанных с искусством. Педагогическая система Конфуция предполагала включение в сферу образования следующие области знания: ритуал, музыка, искусство стрельбы из лука, искусство управления лошадьми, история и математика [4]. Мыслитель, как и русские просветители, придавал большое значение изучению истории, поскольку был убежден в том, что нужно изучать старое, чтобы познать новое.

Исследователи творчества Конфуция на его родине, в Китае, а также отечественные и западные синологи утверждают, что Конфуций преподавал свободные искусства, основываясь в своей мудрости на различных трудах, которые позднее стали китайской классикой. Это – «Книга песен», «Книга преданий», «Книга перемен», книга «Ритуалы» и ныне утраченный трактат о музыке. Кроме того, он использовал свой опыт управления княжеством, а также делился жизненным опытом. «Вот почему он внушал абсолютное доверие своим ученикам» [4, с. 321].

Приведенное нами сравнение мыслителей разных стран и эпох свидетельствует о том, что русская философская мысль во все времена её истории, имея свою специфику, никогда не выпадала из мировой и могла быть понятна любому мыслителю, если он хотел этого. В данном примере можно найти параллели о самосовершенствовании человека и его разума, нравственных заботах о старшем поколении, государственном развитии.

Идеология Просвещения во многом представляет собой глубокую взаимосвязь, в первую очередь с философским осмыслением действительности и определением новых траекторий развития: личности, общества, государства [7]. Как отмечали представители философской мысли эпохи Просвещения, что в это время «формировались условия, на которых мысль о том, что с помощью человеческого разума можно изменить человека, превратить в то, каким он действительно должен быть» [10].

Рассматриваемая эпоха не мыслима без такой личности как М.М. Щербатов, внесший серьезный вклад в развитие философской, научной и общественной мысли. В его научных и публицистических работах поднимаются актуальные и злободневные проблемы, касающиеся государственного устройства, духовно-нравственного развития человека и социокультурного развития общества [6, 16].

Его политические, социальные и философские взгляды соответствовали эпохе Просвещенного абсолютизма. Из таких работ как «Разговор о бессмертии души», «Рассмотрение о жизни человеческой», «О выгодах недостатка» особый интерес представляет его утопия – «Путешествие в землю Офирскую г. С., извещкого дворянина» [19]. Идеальное Офирское государство управляется государем, власть которого ограничена высшим дворянством. Хотя Щербатов в своем «Путешествие в землю Офирскую» предлагает, по существу, масонский вариант «духовной» религии – без догматической ее кодификации, без авторитетов, преданий и священных писаний, фактически без богослужений и духовенства, тем не менее он выражает известную долю сомнения в иррациональных началах религиозной жизни, в пресловутой масонской «тайне» [15].

Философские воззрения Щербатова в контексте духа Просвещения в общем и в некоторых частностях противоречивы, а порой и эклектичны. Как отмечал А.И. Герцен «Щербатов часто впадает в противоречия и просто ошибки» [3, с. 275]. Религиозно-идеалистические по своей внутренней сути, глубоко реакционные, направленные на защиту крепостного права, эти воззрения излагались под сильным воздействием некоторых полярных идей исходя из всего массива европейского Просвещения. Именно поэтому щербатовские оценки Ф. Бэкона, Д. Локка и французских просветителей XVIII века, так же, как и их реальное влияние на его творчество, носили противоречивый характер [20, с. 185-186]. Кроме того, Щербатов широко заимствовал и довольно гибко использовал достижения антидогматической философии и естествознания Нового времени.

Затрагивая проблему взаимного сосуществования человека и государства, в контексте духа Просвещения, М.М. Щербатов уделял внимание правовым аспектам государства, как института; социокультурному развитию человека в государстве. Он полагал, что только орган законодательной власти, при законотворчестве обязан учитывать географическое положение государства, обычаи и нравы народов России, конфессиональные основы. Изучая природу государства и его институты, М.М. Щербатов выделил свойственные пороки структуры: взяточничество, казнокрадство, нарушение иерархической субординации в системе управления [13].

Отдельного внимания при характеристике ключевых идей эпохи Просвещения заслуживает представитель российского консерватизма Николай Михайлович Карамзин – знаменитый русский литератор, журналист, историк, поэт.

Развивая идею самообразования, Н.М. Карамзин особо ценил независимость мысли человека от догматов. Под его началом создаются журналы, приглашаются

ученые и философы участвовать для обсуждения и дискуссий важнейших вопросов того времени, поднятых на страницах периодических изданий; высказывать свою точку зрения.

В «Московском журнале» его привлекает сквозная для философии проблема человека. Собственный жизненный опыт убедил его в том, что все люди разные по своим душевным свойствам, и в журнале он пишет о том, что они по-разному стремятся к идеалу – нравственному совершенству, доброте, каждый по-своему относится к недостаткам других людей. В своей статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении» Карамзин защищает идеи Просвещения, негодуя на то, что «многие пишут сатиры», «жалуются на разврат, на губительные пороки наших времен», что «науки и искусства не могут быть причинами зла, социальной несправедливости». Напротив, их успехи свидетельствуют, что «духовная натура человека является преимуществом над иными животными» [8, с. 189-190].

Упомянув Ф. Бэкона, Р. Декарта, Э. Кондильяка, И. Ньютона, оценивая их заслуги в сфере философии и науки, он констатирует: «Просвещение есть палладиум благонравия» [8, с. 186]. А благонравие может стать возможностью общественного благополучия. В связи с этим просвещать надо и крестьян. А для истинного благополучия земледельцев необходимым условием «должны быть добрые господа и средства просвещения» [8]. Академик А.Н. Сахаров дал оценку «Истории» Карамзина, которая, по его мнению, имеет ценные, философски обоснованные методологические установки:

1. на первый план историк ставит любовь к Отечеству, которую он понимает, как общественный интерес к истории своего народа, являющейся частью всемирной истории;
2. необходимость следовать правде истории, даже в её горькие времена;
3. постигать события изнутри, то есть увидеть их глазами современников;

4. применить «комплексный подход к истории, пронизанной понятием единства исторического процесса, выявлением причинно-следственных связей событий»;
5. художественное изложение материала, что позволяет знать и чувствовать историю [12, с. 86-87].

Продолжателем просвещенческого духа являлся М.В. Ломоносов. Он яростно выступал, преодолевая немислимы препоны со стороны государства и немецких профессоров, за развитие отечественной науки и распространение просвещения по всей России, за улучшение системы образования. Недаром А.С. Пушкин написал: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» [11].

Безусловно, Ломоносов Просвещение связывал с другими направляющими идеями, в центре которых стояло «улучшение благосостояния и размножение народа». Ломоносов предлагал создать программу мер по решению социальных задач, которая включала бы в себя следующее: исправление нравов посредством просвещения русского народа; размножение и сохранение населения; истребление праздности и уважение к труду, умственному и физическому; польза купечества; расширение земельных, ремесленных и художественных дел; улучшение государственной экономики; сохранение военного искусства в мирное время [5, с. 442]. Безусловно, реализация этих идей во многом актуальна и ныне, что помогло бы и сегодня решить многие гуманитарные задачи.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что русские просветители XVIII века внесли существенный вклад в развитие науки, образования, культуры, определяя дальнейшие векторы развития. Формируя принципиально новые взгляды на развитие общества и государства «ученые мужи» закладывали абсолютно иные категории понимания сущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аржанухин С.В. Очерки русской философии XVIII – XX вв. / С.В. Аржанухин, Б.В. Емельянов, Р.Н. Холстинин. Екатеринбург, 1994. – 139 с.
2. Болдырев А.И. Проблема человека в русской философии XVIII века. М., 1986. – 122 с.
3. Герцен А.И. Собрания сочинений Т. XIII. М., 1958. – 451 с.
4. Гране М. Китайская мысль от Конфуция и Лаоцзы. М., 2008. – 528 с.
5. Емельянов Б.В. Русская философия: словарь персоналий. Екатеринбург, 2019. – 1026 с.
6. Ермичев А. А. Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014. – 285 с.
7. История философии в СССР. В 5-и т. Т. 2. М., 1968. – 719 с.
8. Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002. – 480 с.
9. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950. – 687 с.
10. Назаренко Б.А. Государственно-правовые взгляды М.М. Щербатова (Историко-правовое исследование). Автореф. канд. дис. М., 2009. – 22 с.
11. Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Собрание сочинений. В 10 томах. М., 1962. Том 6. – С. 378-406.
12. Сахаров А. Н. Карамзин Николай Михайлович // Историки России. Биографии. М., 2001. – 911 с.

13. Серенченко Н.В. Консерватизм князя М.М. Щербатова // *Философия хозяйства*. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2006. Ч. 3. – 251 с.
14. Скопа В.А. Концептуальные идеи М.М. Щербатова: историософия эпохи Просвещения // *Исторический бюллетень*. 2023. Т. 6. № 1. – С. 61-66.
15. Скопа В.А. Научные взгляды князя М.М. Щербатова: из истории философской мысли // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Познание. 2023. № 1. – С. 112-116.
16. Скопа В.А. Социально-исторические взгляды М.М. Щербатова // *Современная научная мысль*. 2023. № 1. – С. 24-28
17. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ // *Избранные произведения*. М., 1979. – 465 с.
18. Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М., 1967. – 293 с.
19. Щербатов М.М. Сочинения в 2-х т. Т. 1. 647 с. Т. 2. 692 с. СПб., 1898.
20. Щипанов И.Я. Общественно-политические и философские воззрения русских просветителей второй половины XVIII в. В кн.: *Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР*. В 2-х т. Т. 2. М., 1955. – 751 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Ан Светлана Андреевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О КАТЕГОРИЯХ В ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Судакова Татьяна Григорьевна

К.ист.н., старший преподаватель, Владикавказский филиал ФГОБУВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
tatyanyushka.s@mail.ru

Казиев Эдуард Викторович

Старший научный сотрудник, ГБУ «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия–Алания»
(г. Владикавказ)
kedmon@rambler.ru

ARISTOTLE'S DOCTRINE ON CATEGORIES IN THE HISTORY OF ANCIENT PHILOSOPHY

**T. Sudakova
E. Kaziev**

Summary: In the history of philosophy, one can hardly find a more significant thinker than Aristotle, whose doctrine became the basis not only of European philosophy, but also of systematic scientific knowledge in general. In turn, the logical basis of the immense scientific heritage of the philosopher is his doctrine of categories, which is the starting point for Aristotle's ontology and dialectics. Consideration of this doctrine in proto- and epigenetic aspects was the goal of the study. As a result, it was found that Aristotle's doctrine of categories was the first attempt of a scientific ontology that reproduces the constituent elements of the actual subject content in the form of higher logical concepts. The contradiction appertained the positions of his predecessors between the object-sensory perception of a separate thing and its rational representation as a universal element in a number of similar things, Aristotle solved dialectically through a synthesis in the categories of general principles of formal logical thinking and direct individual experience. This substantive opposition of the general and the particular in the writings of his most significant followers was developed into an idea of Anima mundi and its incarnations, uniting with it through the loss of their objective individuality.

Keywords: Aristotle, categories, method, dialectics, cognition.

Аннотация: В истории философии едва ли можно обнаружить более значительного мыслителя чем Аристотель, чье учение стало основой не только европейской философии, но и системного научного знания вообще. В свою очередь логической основой необъятного научного наследия этого философа служит его учение о категориях, являющееся исходным для онтологии и диалектики Аристотеля. Рассмотрение этого учения в прото- и эпигенетическом аспектах составило цель представленного исследования. В его результате было установлено, что учение Аристотеля о категориях явилось первой попыткой научной онтологии, воспроизводящей составные элементы действительного предметного содержания в форме высших логических понятий. Свойственным положениям его предшественников противоречие между предметно-чувственным восприятием отдельной вещи и ее рассудочным представлением как универсальным элементом в ряду подобных вещей Аристотель решил диалектически через синтез в категориях общих принципов формально-логического мышления и непосредственного индивидуального опыта. Это предметное противопоставление общего и особенного в трудах наиболее значимых его последователей было развито в представлении о мировой душе и ее воплощениях, соединяющихся с ней через потерю своей предметной индивидуальности.

Ключевые слова: Аристотель, категории, метод, диалектика, познание.

В соответствии с логико-хронологической периодизацией античной мысли, учение Аристотеля относится к позднему этапу греческой философии классического периода, приходящемуся на IV-III вв. до н.э. К этому времени греческая философия уже миновала период *ранней классики* (натурфилософии, VII-V вв. до н.э.), когда «чувственно-материальный космос» как абсолют рассматривался ее представителями (Фалесом, Анаксимандром, Анаксименом, Гераклитом и пр.) в «объективно-материальном виде» первоэлементов бытия [5, с. 43-48], а мышление они уже могли отличать от ощущения (Парменид), и им уже была известна идея числа как абстрактной количественной сущности (Пифагор) [8, с. 298]. Вершиной натурфилософского периода античной философии стала атомистическая теория Левкиппа и Демокрита, эксплицитно поставившая *проблему* соответствия единства космоса логике понятий, т.е. проблеме адекватности философского видения мира порядку

этого мира [9, с. 32].

В последовавший за этим период *классической античной философии* (V-IV вв. до н.э.) произошел закономерный поворот к изучению логико-гносеологических, социально-политических, нравственно-этических и антропологических аспектов бытия. Этот поворот, ставший следствием необходимости перехода к систематическому построению чувственно-материального космоса как общедиалектической системы, был связан, прежде всего, с софистской традицией, впервые перенесшей философское внимание на человека и его личность [6, с. 149]. Его развил Сократ, чей метод приобретения знания посредством вопросов и ответов (майевтика), воспринятый им от ученика Парменида, Зенона Элейского (V в до н.э.) [10, с. 111], задал в истории западноевропейской философии импульс раскрытия рефлексивного потенциала, реализовавшийся в противопоставлении

рассудочного дискурса¹ как прежним интуитивно-описательным построениям натурфилософов, так и последующим (Платон) ноуменально-объяснительным² сущностным теориям, которые становились теперь уже сознательно проводимой и всеобщей диалектикой, совмещающей в себе рассудок (дискурс) и интуицию [5, с. 52]. Впрочем, софисты, Сократ, а также его последователи-сократики (IV в. до н.э.), обнаружив проблему сознания, не зафиксировали его устойчивые структуры, ограничившись лишь установлением их наличия [5, с. 176]. Этот важный шаг вперед в развитии философии сделал учитель Аристотеля, Платон, совместивший посредством диалектики³ в своем учении «общее и частное, космическое и человеческое, телесное и духовное» [8, с. 71].

Раннеклассическое (натурфилософское) и софистское направления доплатоновской традиции выражали экстремально противоположные подходы к проблеме единичного и общего, представляя абрис центральной для этой традиции онтологической и гносеологической проблемы, заключающейся в понимании того, как единое может стать многим и быть предметом познания. В натурфилософии возможность подлинного бытия и адекватного познания допускалась только в отношении единого, которое понималось как нечто тождественное во всем самому же себе и в этом смысле уже представляющее тотально всеобщее (*ἀρχή* как единое субстанциально-генетическое начало мира у старших физиков, учение элеатов о бытии как едином и т.п.). Альтернативное софистское направление основывалось на тезисе о бытии только единичного, открытого познанию как чувственно явленное множественное. Представленная Платоном теория идей, разрешала эти фундаментальные противоречия, выходя далеко за рамки проблематики античной философии в целом [9, с. 521].

Центральным в теории Платона было понятие *идеи*, или *эйдоса*. Это понятие собирало все множество явленных единичностей в неразделенное целое материального космоса и, будучи образцом первичного порядка, управляло закономерностями его бытия. Подревнегречески слово *ιδέα*, как и слово *εἶδος*, означало нечто видимое [3, с. 460, 809] и потому, с одной стороны, содержание передаваемого этими словами платоновского понятия мыслилось не отвлеченно и абстрактно, а телесно и материально; однако, с другой стороны, восприятие такого рода первичных идей, находившихся, как полагал Платон, вне пределов материального космоса, было возможно только как процесс чистого умозрения или созерцания, что, собственно, и выражало греческое слово *θεωρία* [3, с. 784]. Пребывающие в своем извечном

бытии, эти идеи, управляя вселенной, представлялись Платону множеством образцов, моделей или парадигм, по лекалам которых происходило становление форм всей множественности вещей, выстраивавшихся из аморфной, текучей и бесконечной материи. Сама же материя, по мнению Платона, не могла породить никакого порядка, представляясь ему «кормилицей» и «восприимницей» единичных форм, явленных в чувственном мире по образцу идеальных эйдосов [8, с. 71].

Аристотель, который был учеником Платона и причислял себя к последователям его школы, хотя и возражал против многих аспектов учения ее основателя, но также, как и Сократ с Платоном, полагал, что задача философии заключается в познании истинной, первичной и неизменной сущности вещей, которую он, вслед за Платоном, видел в *формах* (*εἶδη*), образующих содержание понятий. На этом основании можно утверждать, что философия Аристотеля, как и философия Сократа и Платона, есть наука о понятийном мышлении, сводящая единичное к общим понятиям и объясняющая это единичное через выведение из общих понятий. Следует сказать, что Аристотель, в сравнении со своим учителем, представил этот процесс мышления как *метод*⁴ – и в диалектико-индуктивном (синтетическом), и в демонстративно-дедуктивном (аналитическом) аспектах – в наиболее совершенном виде, добавив в него научную строгость (категории философии) и исключив из него поэтический и мифологический декор [15, с. 142-143].

Логическим основанием всей философской системы Аристотеля является его учение о категориях, которое в традиции рассматривается как первая попытка научной онтологии, воспроизводящей действительность в форме высших логических понятий. Выстроенная Аристотелем система категорий была призвана дать определение бытия с различных его сторон, чтобы таким образом выяснить его сущность, которая, будучи в свою очередь единством своих внутренних и внешних определений, является совокупностью исследуемых категориями разных сторон этого бытия. Таким пониманием категорий Аристотель впервые поставил проблему их познавательной ценности, указав, что порядок и соотношение между идеями (эйдосами) те же самые, что порядок и соотношение между вещами [2, с. 117].

Заметим, что Аристотель был первым, кто использовал в философии слово *категория*, которое в обычной речи синонимично слову *класс* и теперь употребляется для обозначения множества сходных предметов. Первоначальными значениями слова *категория* (др.-

1 От фр. *discours*, ‘речь’, ‘выступление’ – понятийное мышление как линейно-дискретный процесс.

2 От др.-греч. *νοούμενον*, ‘постигаемое’.

3 «Федр», 266с; 276е.

4 Др.-греч. *μέθοδος*, ‘метод’, ‘наука’.

греч. *κατηγορία*) были ‘высказывание’, ‘обвинение’ и ‘признак’. Согласно определению Аристотеля, слово *κατηγορεῖσθαι* означает ‘высказываться’, ‘утверждать что-либо о чем-либо’, глагол *κατηγορεῖν* он употреблял в значении ‘придираться’, а однокоренное этому глаголу существительное *κατηγοροῦμενον*, ‘высказывание’, Аристотель понимал как логический и философский предикат [2, с. 108].

Учение Аристотеля о философских категориях является закономерным следствием развития всей предшествовавшей ему греческой философии. В качестве примера можно указать таблицу 10 бинарно-оппозиционных понятий пифагорейцев, как на некую попытку представления категорий: *парное-непарное, отдельное-множество, свет-тьма, благо-зло, квадрат-прочие фигуры, правое-левое, мужское-женское, кривое-прямое, покой-движение*. Конечно же, здесь нельзя не сказать о том, что вопрос о категориях рассматривался и в сочинениях учителя Аристотеля, Платона. Так, в диалоге «Софист» Платоном представлены такие общие понятия как *бытие, тождество, движение, покой, различие* и другие⁵, а в диалоге «Тее́тэт» – бинарные оппозиции: *четное-нечетное, сходство-различие, бытие-небытие, единство-множество, знание-ощущение, часть-целое*⁶. Однако необходимо понимать, что пифагорейская таблица противоположных понятий не содержит ни одного термина, встречающегося у Аристотеля, а понятия Платона еще не были им выстроены в законченную систему, тогда как в философии Аристотеля категории обозначают общие принципы бытия и имеют своей целью раскрыть сущность познаваемых вещей посредством объединения онтологического и гносеологического подходов [2, с. 114, 115].

В трактате «Категории» Аристотель отмечает, что наиболее общие роды высказываний не могут быть сводимы друг к другу, и по этой причине они являются пределом обобщения. Собственно, они и являются категориями, отвечая на вопросы: «что именно есть?», «какое?», «сколько?», «когда?», «где?» и прочие⁷. Ответы на такого рода вопросы и есть далее перечисляемые и анализируемые Аристотелем десять категорий, среди которых он называет *сущность* (нечто, некто), *количество* (иметь такую-то длину), *качество* (быть философом), *отношение* (большой, меньший), *место* (в Академии), *время* (днем), *положение* (стоит, сидит), *состояние* (одет, вооружен), *действие* (кормит, поит), *страдание* (его кормят, поят). В трактате «Метафизика» Аристотель

отличает категорию *сущности*⁸ от девяти прочих категорий, полагая, что только она может обозначать в общей форме то, что способно к отдельному и самостоятельному существованию, тогда как прочие девять категорий обобщают то, что не существует самостоятельно, но существует лишь как нечто присущее (свойственное) – т.е. обобщенное в категории сущности, или сути вещи⁹.

Эта единичная самостоятельность фиксируется чувствами и именуется Аристотелем термином «*первичная сущность*»¹⁰, выражающим прежде всего самодостаточность любой единичной вещи и ее противопоставленность в отношении каждой другой. Однако эта чувственная воспринимаемость вещи является только самым первым ее восприятием, за которым необходимо следует ее рассудочное осмысление, углубляющее восприятие вещи до представления о ней как о «*вторичной сущности*», путем отнесения ее к определенному виду, а затем и к определенному роду [12, с. 57].

Таким образом, *сущность* является у Аристотеля универсальным термином, выражающим как индивидуальную самодостаточность любого предмета, так и его обобщенность по виду и роду, что, в свою очередь, позволяет иметь этой категории онтологический аспект, определяя расположение конкретной вещи в родовидовой системе бытия. На этом основании можно утверждать, что сущность есть всегда *подлежащее, субъект* (*ὑποκείμενον*). Сказуемыми же, т.е. собственно категориями (высказываниями), выступают девять других аспектов бытия, перечисленных Аристотелем в трактате «Категории» наряду с категорией *сущность*.

М. Хайдеггер видит начало этих категорий в способах обращения с вещами, соотнесенных с их «предметным полем». Он называет эти начала «смысло-соразмерными “разветвлениями” (“Stämme”)), имеющими характер определения (*что*) и исполнения (*как*), согласно которому к этому предметному наличию можно «обратиться» (*ansprechbar*), в том его понимании, что обращение к миру (как к универсуму наличий) возможно и необходимо, поскольку «мир сам требует обращения к себе» и в этом он есть *λόγος* [14, с. 61, 167].

Учение о категориях раскрывает один из путей, представляемых Аристотелем от грамматики к логике. Как было показано, «вторичная сущность» есть понятие, которое предполагает его дефиницию по видам и родам, а конкретизация этой «вторичной сущности» фиксируется

5 «Софист», 242b-249d; 254d-257b; 267.

6 «Тее́тэт», 185c-e; 198; 204-205.

7 «Категории», IV 1b25-10.

8 Др.-греч. *οὐσία, ὑπόστασις*; лат. *essentia, substantia*.

9 «Метафизика», VII 3, 1929a

10 «Категории», V 2a 11-19, 2b

в различных суждениях. Анализ таких понятий и суждений на предмет их истинности или ложности, представленный во втором сочинении, вошедшем в трактат «Органон», дает начало логике Аристотеля. В этом сочинении исследуются не отдельные слова («человек», «сидит», «Сократ», «бежит» и пр.), а сложные выражения (высказывания, суждения), составленные из таких слов и выражающие истину или ложь: «Человек сидит», «Человек бежит», «Сократ есть человек»¹¹.

Аристотель разделяет высказывания соответственно их количеству (частные и общие) и качеству (отрицательные и утвердительные) на четыре вида: *частно- и общеутвердительные, частно- и общеотрицательные*. Он также сформулировал основополагающее различие между понятиями, называемыми *противоположными* – т.е. противопоставленными понятиями, относящимися к одному роду (стол–стул), и понятиями, называемыми *противоречащими*, подмена которых друг другом вносит ошибочность и ложь в рассуждение [12, с. 59]. Понятия/термины и суждения/высказывания не должны противоречить друг другу, будучи составными частями суждений и умозаключений соответственно, поскольку истинность суждения утвердительного означает ложь при его отрицании и т.д. Этот порядок рассуждения есть основа для построения учения о *силлогизме*, т.е. такого высказывания, в котором из известных положений «вытекает нечто отличное от положенного, в силу того, что положенное есть»¹².

Силлогизм имеет четкую структуру: меньший термин *S* и больший термин *M* через средний термин *P* характеризуют определенное отношение субъекта и объекта:

$$\begin{array}{l} M — P \\ S — M \\ \hline S — P^3 \end{array}$$

Так, из того, что все люди есть смертные и Сократ есть человек, следует то, что Сократ есть смертный. Сущность силлогизма выражена в известной максиме: *dictum de omni et nullo* – все, что истинно утверждается о целом роде или виде, истинно утверждается также и о любом понятии, входящем в этот род или вид, а все, что отрицается о них, отрицается и об этом понятии. Такие силлогизмы, имеющие совершенно четкие посылки, определяемые четкими дефинициями, Аристотель называл *аподиктическими*¹³. Кроме того, он различал еще *диалектический* и *софистическо-эристический* силлогизмы, а также *паралогизмы* – силлогизмы, основанные

на ложных посылках [2, с. 80].

Оставляя в стороне рассмотрение прочих видов силлогизмов, заметим, что, говоря о *диалектическом силлогизме*, Аристотель ограничивает широту и чрезмерную неопределенность диалектики в ее трактовке Платоном. Исходными суждениями такого рода умозаключений Аристотель полагает правдоподобное знание, которое в действительности является всего лишь мнением и принимается на веру, однако выводы из таких посылок, хотя и получаются непротиворечивыми, в отличие от достоверных научных выводов будут не более чем вероятными [12, с. 62-63]. Вместе с тем, в диалектическом силлогизме Аристотель видит метод, «при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предполагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение»¹⁴.

Дедуктивный (от общего к частному) порядок силлогизма у Аристотеля дополняется индуктивным порядком опытно-чувственного *наведения* (*ἐπαγωγή*), или обобщения¹⁵. Заметим, что сам этот методологический принцип, известный в латинском переводе как *индукция* впервые был введен в научный оборот именно Аристотелем [12, с. 63]. Однако, как известно, единичные восприятия чувственного опыта в своих многочисленных повторениях лишь выявляют общие понятия, свойственные рассудку. Этот порочный круг (единично-предметное выявляет общее, которое выявляет единично-предметное) разрывался Аристотелем через необходимость взаимного контроля опытно-индуктивного и понятийно-умозрительного начал в научном исследовании. Главный тезис, устанавливаемый в этой связи Аристотелем, состоит в том, что если познание начинается с единичного, то суть получаемого знания составляет общее, которое есть «первое знание по своей природе», и объяснение этого тезиса он приводит в своем трактате о «первой философии» («Метафизике»).

За периодом «высокой классики», явившимся периодом зрелости и рассвета греческой философии [1, с. 306], последовал *эллинистически-римский период* (как назвал его А. Ф. Лосев), просуществовавший восемьсот лет – от времен завоеваний Александра Македонского (334-324 гг. до н.э.) до падения Римской Империи (476 г. н.э.) [7, с. 5]. Этот период характеризуется выдающимся развитием естественной науки и математики. Однако в истории философии, несмотря на основание эпикурейской (Эпикур) и стоической (Зенон Китийский) школ (кон. IV в. до н.э.), а также оконча-

11 «Об истолковании», IV 17a.

12 «Аналитика первая», I 24b, 18.

13 От др.-греч. *απο δεικτος*, 'убедительный'.

14 «Топика», I 1, 100b 24.

15 «Аналитика вторая», I 18.

тельное оформление доктрины скептицизма, представленное Энесидемом (I в. до н.э.), он представляется менее значимым, чем период Платона и Аристотеля. Полагается, что единственным продуктивным жанром философской литературы периода последних четырех веков античной истории были преимущественно комментарии к трудам Платона и Аристотеля [16, с. 69], хотя комментаторам у ученикам Аристотеля, таким как Теофраст, Евдему Родосский (IV в. до н.э) и Александр Афродизийский (II-III в. н.э) удалось не только яснее изложить модальную силлогистику Аристотеля, но и открыть более фундаментальную логику высказываний [4, с. 3].

Впрочем, во времена эллинизма происходила ментальная подготовка разрушавшегося римского мира к победе христианства, проявившаяся, кроме прочего, в возникновении доктрины неоплатонизма, представленной Плотинем (III в.), которая только и может рассматриваться как некое идейное новаторство в этой многосотлетней эпохе [10, с. 238], представляя собой своеобразный «синтез платонизма и аристотелизма» [13, с. 110].

Предложенная Плотинем доктрина в наиболее полном виде раскрывает идею эманации всего сущего из первоначала, восходящую к гносеологическим моделям натурфилософии и представлениям неопифагорейцев о двоичном различии («двоице») как идее перехода единого во множественное [9, с. 525]. Выстраиваемая Плотинем на основе этой идеи троичная иерархия сверхчувственных ипостасей¹⁶ бытия (троица [11, с. 186]) исходит сама собой из лишённого формы, безграничного, неподвижного и всеблагого *Первосущества* (Протона¹⁷), первым произвольным творением которого является *Ум* (Νοῦς). Мышление Ума не является дискурсивным (линейным), будучи вневременным и созерцательным процессом, предметом которого является сам Ум, а также порождающее его всеблагое Первосущество, которое однако не предстает в этом процессе в каком-либо едином образе, что, впрочем, не мешает Уму иметь своими свойствами *пять категорий* умопостигаемого мира, которые Плотин позаимствовал для него у Платона и представляющих собой: бытие, движение, покой, тождество и различие [15, с. 242-243]. Третьей ипостасью в этой иерархии является *Мировая Душа* – понятие, также заимствованное им у Платона. Мировая Душа, все еще относясь к сверхчувственному миру, уже стоит на его

границе и излучает вторую душу, называемую Плотинем Природой, которая только и связана с телом мира так, как связана с телом человека его душа. Природа-душа посредством ряда прочих ипостасей порождает материю, которая в этом потоке деградирующего становления форм бытия из совершенного первоисточника оказывается самым несовершенным его проявлением [15, с. 244]. Впрочем, теория Плотина все же содержала в себе и элемент учения Аристотеля: душа, несмотря на извечность своего бытия, могла соединиться с Умом/Нусом, теряя в этом процессе свою индивидуальность и целостность, т.е. универсальный принцип бытия вещей (идея) мог оказаться тождественным самой вещи, воплощая таким образом принцип двойного тождества – главный принцип философских построений Аристотеля: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле»¹⁸. В современной интерпретации этот базовый принцип философии «крайнего “формалиста”» Аристотеля звучит как «всякое А есть только А и любое не-А всегда остается только самим собой – *tertium non datur*» [13, с. 10].

Таким образом, можно утверждать, что учение Аристотеля о категориях есть учение не только о формах логического мышления, но и о предметном содержании этих форм. Возникающее противоречие между предметно-чувственным восприятием отдельной вещи и ее рассудочным представлением как элемента в ряду подобных вещей Аристотель полагал разрешить диалектическим методом, состоящим в синтезе общих принципов формально-логического мышления и непосредственного опыта. Этим Аристотель поставил одну из важнейших проблем теории познания – проблему истины, которую предлагал решить путем умозрительного постижения *субстанции* или *сущности* вещей, представляющей собой их «форму» или «суть их бытия». Тем самым Аристотель превратил философскую концепцию Платона, сочетавшую художественно-поэтические черты с глубиной и сложностью рациональных построений, в строгую систему общих понятий чем навсегда исключил элементы эмоционального искусства из языка научно-философского произведения, что позволило его учению стать методологическим фундаментом классического европейского формально-понятийного стиля мышления, со временем, впрочем, превратившегося в умах его последующих средневековых преемников в застывшую схоластическую догму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басов Р.А. История греческой философии от Фалеса до Аристотеля. – М.: «Летопись XXI», 2002. – 415 с.
2. Джохадзе Д.В. Диалектика Аристотеля. М.: «Наука», 1971. 264 с.

16 От др.-греч. *ὑπό-στάσις*, *ὑπό-στάσις*, ‘основа’, ‘существование’, ‘реальность’, ‘действительность’, ‘сущность’, ‘личность’.

17 От др.-греч. *πρῶτος* – ‘первый’, ‘основной’.

18 «Метафизика» IV 3, 1005b 20.

3. Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий; ред. С.И. Соболевского. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I. – 1043 с.
4. Ивин А.А. Модальные теории Яна Лукасевича. – М.: ИФ РАН, 2001. – 176 с.
5. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. 2-е изд., исправ. – М.: «ЧеРо», 1998. – 192 с.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: «АСТ»; Харьков: «Фолио», 2000. – 846 с.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. – М.: «АСТ»; Харьков: «Фолио», 2000. – 960 с.
8. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель / 3-е изд-е, исправленное и дополненное. – М.: «Молодая гвардия», 2005. – 392 с.
9. Новейший философский словарь / Гл. науч. ред. А.А. Грицианов. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 877 с.
10. Рассел Б. История западной философии. Кн. 1. – М.: «Миф», 1993. – 509 с.
11. Рассел Б. Мудрость запада: историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами. – М.: «Республика», 1998. – 479 с.
12. Соколов В.В. Философский синтез Аристотеля // Философия и общество. – 1999. – №4. – С. 45-97.
13. Троицкий В.П. О смысле чисел / В кн.: Лосев А.Ф. Критика платонизма у Аристотеля (Перевод и комментарий XIII и XIV-й книги «Метафизики» Аристотеля). – М.: «Академический Проект», 2011. – С. 5-25.
14. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации) / Пер. с нем., предисл., науч. ред., сост. слов. Н.А. Артеменко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. – 224 с.
15. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. – СПб.: «Алетейя», 1996. – 294 с.
16. Шичалин Ю.А. Возникновение европейской комментаторской традиции // Историко-философский ежегодник'89. – М.: «Наука», 1989. – С. 68-77.

© Судакова Татьяна Григорьевна (tatyanuska@mail.ru), Казиев Эдуард Викторович (kedmon@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

An S. – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Bikmetov E. – DSc of Sociology, Professor, Ufa University of Science and Technology

Buzykina Yu. – Ph. D. in psychology, associate Professor, Penza state University

Bylevskiy P. – PhD, Associate Professor, Moscow State Linguistic University

Kaziev E. – Senior Researcher, State Budget Institution “Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia–Alania”

Khramova K. – DSc of Philosophy, Professor, Ufa Bashkir State Medical University

Komarov V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Samara branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Kosolapova A. – Senior lecturer, University of Science and Technology MISIS

Kuzmicheva A. – Moscow Aviation Institute (State Technical University)

Levchuk I. – Applicant, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow; Master of Psychology, Dashkova Moscow State Institute

Lukyanov A. – DSc of Philosophy, Professor, Ufa University of Science and Technology

Maslova L. – Postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University

Medyanik O. – D. in Psychology, Associate Professor, St. Petersburg State University

Molina L. – Postgraduate, Russian State Social University (Moscow)

Our authors

Mosunova K. – International Institute of Informatics, Management, Economics and Law; ANO DPO “Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology”

Muftakhova A. – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА) (Saint-Petersburg)

Orlov S. – Department of Digital Development and Public Administration information resources of the agro-industrial complex, Moscow

Rakhimova M. – PhD in Philosophy, docent, docent, South Ural State Institute of Art named after P.I. Tchaikovsky, Chelyabinsk

Rubanova E. – PhD in psychology, Associate Professor, Pacific State University

Shcherbakova N. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor, Penza State University

Sigaeva A. – Penza State University

Sirin S. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sudakova T. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Vladikavkaz Branch of Federal State Educational Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation”

Thak A. – Teacher-psychologist, secondary school No. 36, Penza

Zasypkin S. – PhD Student, Department of Modern Western Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).